

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Завьялова Оксана Олеговна

**Общественность в России: поиск форм взаимодействия с властью
в 1850-е – начале 1860-х годов**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Нарежный Анатолий Иванович

Ростов-на-Дону – 2020

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Общественно-политическая ситуация в России накануне «Великих реформ».....	43
1.1 Особенности формирования общественности в Российской империи как социокультурного явления.....	43
1.2 Крымская война 1853 – 1856 годов как фактор изменения общественных умонастроений в России	78
1.3 Оценка общественно-политической ситуации в России во второй половине 1850-х – начале 1860-х годов представителями общественности	115
Глава 2. Основные формы взаимодействия власти и общественности во второй половине 1850-х – начале 1860-х годов.....	146
2.1 Письма и записки к власти во второй половине 1850-х – начале 1860-х годов как фактор влияния на правительство.....	146
2.2 Салоны и кружки как зона контактов и сотрудничества власти и общественности.....	170
2.3 Публичные мероприятия как форма взаимодействия власти и общественности.....	186
Заключение.....	212
Список использованных источников и литературы	217

Введение

Актуальность темы исследования. В современной России одним из действенных способов решения социально-экономических проблем является создание условий для общественного участия в формировании государственной политики. Предоставление обществу возможности обсуждения значимых вопросов внутривластной жизни страны, а также учет органами государственной власти общественных инициатив, не только способствуют налаживанию диалоговой формы контактов между властью и обществом, но и позволяют российскому правительству обеспечивать широкую социальную опору курсу на нововведения и вовремя вносить необходимые коррективы в принимаемые решения, учитывая общественные ожидания и мнения.

Респонсивность современной власти, то есть, ее способность воспринимать воздействие, идущее снизу, и отзываться на него оптимальным образом¹, зависит от учета позитивного исторического опыта отношений властных и общественных структур. Ценный исторический опыт для налаживания диалоговой формы общения между властью и обществом в современной России может предоставить комплексный анализ особенностей властно-общественного взаимодействия накануне осуществления одного из крупнейших реформаторских проектов российского правительства – Великих реформ 1860-х – 1870-х годов. В этом контексте изучение данной проблемы позволит выделить основные позитивные и негативные факторы, оказывающие воздействие на формирование механизма обратной связи в стране в период подготовки Великих реформ, учитывая которые, российская власть сможет избежать некоторых проблем в налаживании диалога с обществом на современном этапе.

---

¹ Ядов В.А., Климова С.Г. и др. Социальная база поддержки реформ и потенциал массового протеста // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 85–101. С. 85.

Особенности властно-общественного взаимодействия в пространстве политической коммуникации в России середины XIX века ранее не становились предметом специального исследования и на данный момент фрагментарно представлены в историографии в контексте решения иных исследовательских задач. Динамику этого взаимодействия необходимо рассмотреть с двух взаимозависимых сторон: с позиции изменения политической культуры российского самодержавия в ходе подготовки Великих реформ, а также через анализ процессов, протекавших в русском образованном обществе в период общественно-политического подъема середины XIX века, обусловленных формированием публичной сферы в России. Необходимо проанализировать проблему оформления концепции Великих реформ с учетом новых теоретико-методологических позиций и, не отвергая главенствующей роли самодержавной власти и бюрократического аппарата в подготовке и осуществлении преобразований, рассмотреть участие в этом процессе русской общественности как особого социокультурного явления, сформировавшегося к этому периоду и также влиявшего на модернизационные процессы середины XIX века путем воздействия на представителей власти через различные каналы коммуникации.

Объектом настоящего исследования является публичная сфера в России середины – второй половины XIX века как пространство взаимодействия власти и общества.

Предмет исследования – особенности и специфические черты взаимодействия власти и общественности в России в середине XIX века, которые сформировались под воздействием уникальных условий и проявлялись в изменении основных форм властно-общественной связи.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1850-х по начало 1860-х годов. Нижняя хронологическая рамка обусловлена началом Крымской войны 1853 – 1856 годов и связанного с ней патриотического подъема в русском обществе, перераставшего по мере развития военных событий в общественно-политический. Верхняя временная граница связана с

обнародованием Манифеста об отмене крепостного права в 1861 году, который подвел определенный итог в преобразовательном процессе и в развитии механизма властно-общественной коммуникации в этом контексте. В связи с тем, что в работе рассматриваются основные этапы формирования русской общественности как особого социокультурного явления, выявляются предпосылки и основные тенденции этого процесса, возникла необходимость выйти за хронологические рамки исследования и обратиться к более раннему историческому периоду, охватывающему время правления императора Николая I.

Степень научной изученности темы. Историография проблемы особенностей взаимодействия власти и общественности в России в период подготовки Великих реформ 1860 – 1870-х годов довольно обширна и поскольку исследование затрагивает широкий спектр проблем нескольких смежных дисциплин (отечественная история, история российской модернизации, история русской литературы и журналистики) при составлении историографического обзора был использован проблемно-хронологический подход, в соответствии с которым можно выделить несколько групп исследований по объектам их изучения.

Первая историографическая группа представлена работами общего характера, которые содержат фактологический материал, необходимый для понимания сути происходивших в изучаемый период событий, а также исследованиями, в которых отражены некоторые исторически обусловленные особенности взаимоотношений власти и образованного общества в России середины – второй половины XIX века. Сюда относятся труды дореволюционных историков и общественных деятелей, позволяющие выделить основные оценки той особой общественно-политической ситуации, сложившейся к концу правления Николая I и началу нового царствования Александра II. Это работы генерал-лейтенанта Н.К. Шильдера, дипломата С.С.

Татищева, историков С.Ф. Платонова, А.А. Кизеветтера, А.А. Корнилова¹. К работам общего характера относится и сочинение современника событий Б.Н. Чичерина «Россия накануне двадцатого столетия», в котором в публицистической форме раскрывается авторская концепция общественно-политического развития России в XIX веке, а также содержится характеристика основных тенденций развития взаимоотношений власти и русского образованного общества в правление Николая I и Александра II.² При этом в данный период общественно-политический подъем середины XIX века не становился предметом специального исследования и рассматривался историками лишь в контексте изучения социокультурного фона на котором велась активная работа общественной мысли по поиску путей решения крестьянского вопроса. Дореволюционная историография рассматривала период с 1856 по 1861 год как эпоху единого демократического подъема. В.О. Ключевский, А.А. Корнилов, М.К. Лемке суть подъема усматривали в борьбе между реакционной частью общества и либеральной общественностью по вопросу отмены крепостного права³.

Проблема взаимоотношений самодержавной власти и общественности в России приобретает общественно-политическую остроту во второй половине XIX века. В связи с этим появляется ряд отдельных работ и статей, в которых

¹ Кизеветтер А.А. Внутренняя политика в царствование императора Николая Павловича // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/kizevetter/kizevetter_vnutrennyaa_politika_v_carstvovanie.html#001 (дата обращения: 07.05.2018); Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М.: Высшая школа, 1993. 447 с.; Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993. 736 с.; Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование: В 2-х т. СПб: Изд. А.С. Суворина, 1903. Т. 1. 554 с.; Шильдер Н.К. Император Николай Первый: Его жизнь и царствование: В 2-х т. СПб: Изд. А.С. Суворина, 1903. Т. 2. 820 с.

² Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин: Г. Штейниц, 1900. 180 с.

³ Ключевский В.О. Крепостной вопрос накануне законодательного его возбуждения // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/kluchevskiy/kluchevskiy_krep_vop_nakanune.html (дата обращения: 20.05.2018); Его же. Курс русской истории: В 5 ч. СПб., 1904. 1146 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.runivers.ru/new_htmlreader/?book=7814&chapter=451301 (дата обращения: 20.05.2018); Корнилов А.А. Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России. СПб: Тип. «Обществ. пользы», 1905. 473 с. С. 142–143; Лемке М.К. Эпоха цензурных реформ 1859 – 1865 годов. СПб: Книгоизд-во М.В. Пирожкова, 1903. 512 с. С. 2–3.

авторы стремятся понять причины нарастающего отчуждения между властью и обретающей все более организованные формы общественностью, а также осмыслить ту роль, которое приобретало образованное общество в общественно-политических процессах, протекающих в стране в пореформенное время. В конце XIX века – начале XX века появляются первые объемные работы по истории Великих реформ 1860-х – 1870-х годов, в которых большое внимание уделяется роли либеральной, просвещенной части русского дворянства в подготовке и проведении отмены крепостного права. Так, И.И. Иванюков выделяет три движущих силы крестьянской реформы – правительство, прогрессивную литературу и либеральное дворянство¹. В работах этого периода отсутствовало строгое разграничение русского образованного общества на либералов и радикалов. Приверженцы обоих течений признавались борцами за отмену крепостного права. По мнению С. Ашевского, совершившегося систематический анализ заграничных изданий А.И. Герцена, «Колокол» в унисон с властью разрабатывал проблему отмены крепостного права². Н.А. Котляревский несмотря на название своего исследования подготовительную работу по реформированию связывает не только с радикальными кругами, но в целом с общественными силами³. Период с середины 1840-х до 1850-х годов он характеризует как эпоху «полного общественного застоя»⁴. По мнению историка, в России с 1850-х годов началась «истребительная война» передовых общественных сил с охранительными. Эта борьба во многом была вызвана постоянным стремлением правительства свернуть намеченные реформы. Котляревский выделял две борющиеся силы – правительство и передовое общество, которые

---

¹ Иванюков И.И. Падение крепостного права в России. СПб: Изд-во т-ва Общественная польза, 1903. 395 с. С. 6.

² Ашевский С. Освобождение крестьян и «Колокол» Герцена // Современный мир. 1906. № 12. С. 261–296; Его же. Реформа императора Александра II и «Колокол» Герцена // Современный мир. 1907. №1. С. 52–72; № 2. С. 226–242; № 3. С. 277–296.

³ Котляревский Н.А. Канун освобождения, 1855–1861: из жизни идей и настроений в радикальных кругах того времени. Петроград: Тип. М.М. Стасюлевича, 1916. 560 с. С. VII.

⁴ Там же. С. X.

за долгие годы так и не смогли прийти к соглашению между собой. Из-за этого противостояния «здоровый рост реформ был искривлен и в корне подорвана общественная самодеятельность...»¹. Вторая половина XIX века, по мнению ученого, стала «эпохой обуздания всяких попыток общественной инициативы, самодеятельности и самоопределения»². Эта книга особенно знаменательна тем, что ее автор, выступая от имени общественности, не только показывает начальный период борьбы правительственной власти и общественных сил, но и ее итоги, обозначившиеся в начале XX века.

Отдельную группу составляют работы, посвященные истории общественного движения и формирования основных направлений русской общественной мысли XIX века. Дореволюционные историки большое внимание уделяли деятельности либеральной общественности и ее участию в подготовке крестьянской реформы³. Для дореволюционной историографии характерно выделение «руководящих кругов общества» как довольно самостоятельной общественной силы, представители которой с конца XVIII века стали сосредотачивать свое внимание на вопросах социально-экономического и политического характера⁴. Такой подход представлен в работе крупного исследователя истории русской общественной мысли А.А. Корнилова, донского либерального историка С.Г. Сватикова, историка литературы С.А. Венгерова, представившего анализ духовного состояния русского общества николаевской эпохи, а также Р.В. Иванова-Разумника, изучавшего генезис интеллигенции в России⁵. В этом контексте следует особо

---

¹ Котляревский Н.А. Канун освобождения, 1855–1861: из жизни идей и настроений в радикальных кругах того времени. Указ. соч. С. 4.

² Там же. С. 5.

³ Барриве Я. Общественное движение в царствование Александра II: исторические очерки. М.: Товарищество «Образование», 1911. 155 с.; Джаншиев Г.А. Эпоха Великих реформ. Исторические справки. СПб: Типолит. Б.М. Вольфа, 1905. 893 с.; Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II (1855 – 1881). М.: Тов-во тип. А.И. Мамонтова, 1909. 263 с.

⁴ Освобождение крестьян: деятели реформы. Сборник статей. М.: Науч. слово, 1911. 342 с. С. 137, 233.

⁵ Венгеров С.А. Эпоха Белинского (общий очерк). Публичная лекция. СПб: Светоч, 1905. 47 с.; Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли: Индивидуализм и

выделить работу русского эмигрантского историка В.В. Леонтовича «История либерализма в России», в которой период правления Николая I обозначен как «переходная эпоха», когда крепостной строй сменялся строем гражданским¹. Большое внимание автор уделяет развитию духовной свободы в николаевское время, которое, по его мнению, происходило преимущественно в беседах и дискуссиях в частных домах, гостиных и литературных кружках².

В целом, в дореволюционной историографии утвердилась точка зрения, согласно которой Великие реформы стали не актом монаршей воли Александра II, а представляли собой скорее результат всеобщего следования так называемому «духу времени», а также разрабатывались при учете властью общественного мнения, в то время как император был не готов вести преобразовательную деятельность в силу своих довольно консервативных убеждений.

В советской историографии события 50-х – начала 60-х годов XIX века рассматривались исключительно в контексте изучения предпосылок и процесса подготовки крестьянской реформы, а также в связи с нарастанием первой революционной ситуации в условиях так называемого «кризиса верхов». Советские исследования исходили из ленинской концепции революционной ситуации, все признаки которой, по их мнению, проявились в России в конце 1850-х годов.³ Изучению различных ее проявлений было посвящено множество работ, первенство среди которых принадлежит

мещанство в рус. лит. и жизни XIX в.: В 2-х т. СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1907. Т. 1. 440 с.; Его же. Что такое интеллигенция? // Lib.ru/Классика [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/i/iwanowrazumnik_r_w/text_0500.shtml (дата обращения: 07.05.2018); Сватиков С.Г. Общественное движение в России (1700 – 1895). Ростов н/Д: Донская речь, 1905. 405 с.

¹ Леонтович В.В. История либерализма в России (1762 – 1914). М.: Русский путь, 1995. 444 с. С. 128.

² Там же. С. 141–142.

³ Дружинин Н.М. Конфликт между производительными силами и феодальными отношениями накануне реформы 1861 г. // Вопросы истории. 1954. № 7. С. 56–76; Сладкевич Н.Г. Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века. (Борьба общественных течений в годы первой революционной ситуации). Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1962. 287 с.; Миллер И.С. О некоторых проблемах первой революционной ситуации // История СССР. 1974. № 5. С. 32–50.

коллективному исследованию «Революционная ситуация в России 1859 – 1861 гг.», выполненному под руководством академика М.В. Нечкиной¹.

Для советских исследователей центральное место в изучении общественной жизни середины XIX века занимало революционно-демократическое движение. В работах И.А. Федосова, Е.Л. Рудницкой, В.А. Дьякова данный период рассматривался как дворянский этап освободительного движения, большое внимание уделялось деятельности представителей революционной демократии². Особое место в советской историографии занимают работы, посвященные анализу двух направлений общественной мысли – западничества и славянофильства, дискуссии представителей которых во многом повлияли на общественно-политическую ситуацию 1850-х годов. К ним относятся исследования С.С. Дмитриева, Ш.М. Левина, Е.В. Стариковой, Н.И. Цимбаева³. Русская интеллигенция николаевской эпохи рассматривалась в работе Л.А. Булгаковой⁴. В работе Н.И. Цимбаева представлен подробный анализ политической доктрины славянофилов 1850-х – начала 1860-х гг. Исследователь убедительно доказал ее сходство с политической программой западников, а в плане практической реализации основных положений даже тождественность этих направлений раннего русского либерализма. Особенно важен вывод исследователя о том, что готовность славянофилов к сотрудничеству с правительством была

---

¹ Революционная ситуация в России в середине XIX века / Под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1978. 440 с.

² Дьяков В.А. Освободительное движение в России, 1825 – 1861. М.: Мысль, 1979. 288 с.; Рудницкая Е.Л. Н.П. Огарев в русском революционном движении. М.: Наука, 1969. 423 с.; Федосов И.А. Революционное движение в России во второй четверти XIX в. М.: Соцэкгиз, 1958. 415 с.

³ Дмитриев С.С. Славянофилы и славянофильство (из истории русской общественной мысли сер. XIX в.) // Историк-марксист. 1941. № 1. С. 85–97; Левин Ш.М. Общественное движение в России в 60 – 70-е годы XIX в. М.: Соцэкгиз, 1958. 512 с.; Старикова Е.В. Литературно-публицистическая деятельность славянофилов // Литературные взгляды и творчество славянофилов: 1830 – 1850-е годы / Отв. ред. К.Н. Ломунов. М.: Наука, 1978. С. 67–167; Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. М.: Изд-во Московского университета, 1986. 277 с.

⁴ Булгакова Л.А. Интеллигенция в России во второй четверти XIX века (состав, правовое и материальное положение): дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983. 239 с.

«типичной» для представителей российского либерализма и объяснялась их осознанием прогрессивной роли самодержавия для России в сложившихся исторических условиях¹.

В советской историографии, приоритетным направлением которой являлось изучение революционного движения, деятельность либеральной части общества подвергалась критике. В целом закрепилось представление о либералах как о том слое русского образованного общества, который из-за страха перед революцией и народным бунтом идет на компромисс с властями.

Несколько иной подход разрабатывался историками научной школы П.А. Зайончковского². Внимание таких исследователей как В.Г. Чернуха, Л.Г. Захарова было сосредоточено на изучении внутренней политики правительства Александра II, на процессах формирования либеральной бюрократии и каналах ее взаимодействия с общественностью³. Л.Г. Захарова, анализируя некоторые проявления общественного подъема, традиционно связывает его начало с поражением России в Крымской войне и общим кризисом феодально-крепостнической системы⁴. По ее мнению, в «содружество» либеральной бюрократии и общественности, сформировавшееся еще в годы Николаевского царствования, входили «люди новой формации со своей программой» либеральных преобразований, которую они пытались донести до самодержца, а также принять активное участие в подготовке и проведении реформ⁵. В целом, в работах советского периода по изучению русской общественно-политической мысли

---

¹ Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. Указ. соч. С. 136.

² Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М.: Просвещение, 1968. 369 с.; Его же. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.

³ Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М.: РОССПЭН, 2011. 720 с.; Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л.: Наука, 1978. 248 с.

⁴ Там же. С. 67–83.

⁵ Захарова Л.Г. Самодержавие, бюрократия и реформы // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 3–24.

сформировался дифференцированный подход, в основе которого лежало рассмотрение отдельных направлений общественной мысли, традиционно делившихся на три группы: консервативное, либеральное и революционно-демократическое. Но такое однозначное и по своей сути искусственное деление не дает возможности создать общую картину напряженной и насыщенной жизни русского образованного общества второй половины 50-х – начала 60-х годов XIX века, а также выделить особенности его взаимоотношений с представителями властной элиты.

В современной историографии изучение русской общественной мысли и процессов общественной жизни России XIX века происходит через феномен так называемого русского европеизма, который, по мнению ряда авторов, особенно ярко заявил о себе в первой половине XIX века. Изучением данного феномена занимались такие исследователи как В.М. Маркович, В.К. Кантор, Н.И. Цимбаев, В.Г. Щукин, Н.В. Володина¹. Влиянию идей Просвещения на интеллектуальные процессы общественной жизни России середины XIX века посвящены работы Р.Г. Эймонтовой, В.Ф. Пустарнакова, С.А. Репинецкого². Указанные авторы, анализируя сочинения представителей общественности середины XIX века, находили в них требования во многом схожие с европейскими просветительскими идеями XVIII века, что обуславливалось узостью «передового слоя» русского общества и сдерживающими

---

¹ Володина Н.В. «Русский европеец» в творчестве И.С. Тургенева // Володина Н.В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. М., 2010. С. 175–197; Кантор В.К. Русский европеец как явление культуры (Философско-исторический анализ). М.: РОССПЭН, 2001. 697 с.; Маркович В.М. «Русский европеец» в прозе Тургенева 1850-х годов // Памяти Григория Абрамовича Бялого: К 90-летию со дня рождения. Научные статьи. Воспоминания. СПб., 1996. С. 24–42; Цимбаев Н.И. Европеизм как категория национального сознания. (К пониманию западничества и славянофильства) // Очерки русской культуры XIX века / Под. ред. Л.В. Кошман. М.: Изд во МГУ, 1998 – 2002. Т. 4. Общественная мысль. М., 2003. С. 439–456; Щукин В.Г. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: РОССПЭН, 2007. 610 с.

² Пустарнаков В.Ф. Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа. М.: Ин-т философии РАН, 2002. 341 с.; Репинецкий С.А. Б.Н. Чичерин и либералы эпохи Великих реформ: запоздалое российское просвещение? // Б.Н. Чичерин и традиции философской и социально-политической мысли в России: материалы Межд. науч. конф. 20–23 ноября 2013. Тамбов: ТГУ, 2013. С. 120–125; Эймонтова Р.Г. Идеи просвещения в обновляющейся России (50 – 60-е годы XIX в.). М.: ИРИ РАН, 1998. 407 с.

общественную активность политическими условиями правления Николая I. Зарождению народнической доктрины в контексте движения дворянской и разночинной интеллигенции в 1850-е – начале 1860-х гг. посвящены работы В.В. Зверева – крупного специалиста по истории русской общественной мысли второй половины XIX века. В исследовании ученого реформаторское народничество представлено как «передовая» русская интеллигенция, своей теоретической и практической деятельностью реагирующая на процессы российской модернизации «сверху»¹. По мнению В.В. Зверева, А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский, являвшиеся родоначальниками народничества, в период подготовки крестьянской реформы склонялись к мирному пути перехода к новому обществу. Такая позиция была обусловлена общественно-политической атмосферой второй половины 1850-х гг., когда даже создатели учения об общественном социализме стремились не препятствовать правительству в деле подготовки значимых преобразований.

Многочисленная группа современных отечественных исследователей именно с серединой – второй половиной XIX века связывает генезис либерального направления русской общественной мысли, когда, по их мнению, шел процесс оформления его теоретических основ. В этот период внимание русского передового общества было приковано к подготовке реформ и в дискуссиях различных общественных групп происходило концептуальное переосмысление и освоение классических либеральных ценностей в условиях российской самодержавной политической системы². Один из ведущих специалистов в области изучения русской либеральной

---

¹ Зверев В.В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX века. М.: Уникум-Центр, 1997. 366 с.

² Приленский В.И. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. М.: ИФ РАН, 1995. 312 с.; Репинецкий С.А. Формирование идеологии российского либерализма в ходе обсуждения крестьянского вопроса публицистикой 1856 – 1860 годов. Москва–Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2010. 351 с.; Секиринский С.С., Филиппова Т.А. Родословная российской свободы. М.: Высшая школа, 1993. 256 с.; Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 26–41; Шнейдер К.И. Ранний русский либерализм в политическом измерении // Власть. 2011. № 8. С. 91–94.

общественной мысли XIX века В.А. Китаев также затрагивал данную проблему в своих трудах, анализируя ее в контексте складывания ранней политической программы либерализма¹. В целом вторую половину 1850-х – начало 1860-х гг. в он охарактеризовал как период преодоления теоретических расхождений в русском либеральном движении².

Взаимоотношения либерального мыслителя К.Д. Кавелина с представителями правящих кругов и его вклад в формирование так называемой «партии прогресса» в ряде работ рассмотрел Р.А. Арсланов³. По мнению исследователя, в процессе обсуждения основных положений крестьянской реформы интеллектуальная элита искала пути воздействия на власть и из духовной силы превращалась в политическую⁴.

Анализу складывания определенной политической культуры в среде публицистов, работавших совместно с М.Н. Катковым, посвящены работы А.Э. Котова. По мнению историка, консервативная ориентация публицистов катковского «лагеря» позволяла им на протяжении второй половины XIX века оказать правительству и полиции существенную идеологическую поддержку в деле изобличения и преследования в России революционных элементов⁵. Котов проанализировал один из основных каналов коммуникации власти и общества во второй половине XIX века – периодическую печать и ту культурную среду, которая сложилась вокруг катковского издания «Московские ведомости». Исследователь доказал, что катковские издания

---

¹ Китаев В.А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50 – 60-х годов XIX века. М.: Мысль, 1972. 288 с. С. 83–85, 154; Китаев В.А. Либеральная мысль в России (1860 – 1880 гг.). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. 380 с. С. 81.

² Китаев В.А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50 – 60-х годов XIX века. Указ. соч. С. 164.

³ Арсланов Р.А. К.Д. Кавелин: человек и мыслитель. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2000. 376 с.; Его же. Либеральный проект освобождения крестьян в России // Genesis: исторические исследования. 2012. № 2. С. 1–49.

⁴ Арсланов Р.А. Либеральный проект освобождения крестьян в России. Указ. соч. С. 4.

⁵ Котов А.Э. Птенцы гнезда Каткова. СПб: ГУМРФ им. адм. С.О. Макарова, 2013. 143 с. С. 104–105; Котов А.Э. Бюрократический национализм Михаила Каткова // Вопросы национализма. 2014. № 1 (17). С. 174–186.

представляли собой цельную систему, которая транслировала идеологию «катковцев» – бюрократический национализм.

Историк И.А. Христофоров, рассматривая преобразования Александра II как способ модернизации страны, показал, что в период их подготовки в образованном обществе и в кругах «просвещенной бюрократии» господствовали единые идейные блоки, определяющие мировоззрение деятелей эпохи Великих реформ¹. По его мнению, в их среде еще в период правления Николая I происходила «революция в сознании», главным следствием которой стало распространившееся убеждение в необходимости коренных преобразований. В своей диссертации исследователь, отмечая постоянное взаимодействие, которое существует между правительством и образованным обществом, анализирует влияние общественного мнения на правительственный курс в решении крестьянского вопроса и приходит к выводу о формировании устойчивой взаимосвязи эволюции правительственной политики и общественного мнения по данному вопросу².

Исследователи постсоветского периода, используя междисциплинарные подходы, в своих работах, посвященных развитию российской общественной мысли, анализируют способность образованной части русского общества влиять на формирование государственной политики и способствовать процессу модернизации, а также выделяют разные формы взаимодействия власти и интеллектуальных сил в истории России XIX века. Эти аспекты отражены в работах В.В. Шелохаева, В.Я. Гросула, Б.Н. Миронова, А.Н. Медушевского, Д.Г. Горина, С.А. Экштута, С.С. Секиринского, написавшего фундаментальный труд, посвященный анализу становления в русском обществе поколения реформаторов-шестидесятников, И.С. Розенталя,

---

¹ Христофоров И.А. «Либеральный патернализм»: крестьянский вопрос до и после 1861 г. в литературе и в действительности // Труды Института российской истории. Вып. 10 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2012. С. 115–130. С. 122.

² Христофоров И.А. Правительственная политика и «крестьянский вопрос» до и после отмены крепостного права (1830-е – начало 1890-х гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2013. 641 с. С. 234.

изучавшего феномен русской клубной культуры XIX века, ее влияние на процессы формирования общественного мнения и взаимоотношения общества с государством¹. Влияние процесса бурного развития независимой прессы в России в 1850-е – 1860-е годы на русское общество проанализировал В.Ф. Блохин, по мнению которого, благодаря ее распространению образованный слой (читающая публика) превращался в некое надсословное образование². В работе Т.В. Антоновой анализируется проблема взаимоотношений между правительством и литературной общественностью в период подготовки цензурной реформы (1861 – 1864 годов). Исследовательница отметила сближение между либеральной литературной общественностью и властью по проблеме расширения гласности и свободы слова. Связано это было с осознанием правительством Александра II того факта, что гласность может стать полезным инструментом управления³.

Особый интерес в данном аспекте представляет исследование В.В. Волкова «Формы общественной жизни: публичная сфера и понятие общества в России», в котором автор анализирует изменения, происходившие в публичной сфере в России конца XVIII – первой половины XIX века через их соотнесение с историческим самосознанием русского общества. По мнению Волкова, само понятие «общественность» отражало общую идентичность

---

¹ Горин Д.Г. Интеллектуалы и свобода. Опыт научного сообщества в дореволюционной России. М.: Московская школа политических исследований, 2012. 152 с.; Гросул В.Я. Общественное мнение в России XIX века. М.: АИРО – XXI, 2013. 560 с.; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2-х т. СПб: Дм. Буланин, 1999. Т. 2. 566 с. С. 210–211, 262; Розенталь И.С. «И вот общественное мнение!». Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – начало XX вв. М.: Новый хронограф, 2007. 400 с.; Секиринский С.С. Русский либерализм: от 40-х к 80-м годам XIX в. (идеи, люди, среда): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999. 29 с.; Шелохаев В.В. Модернизация как теоретико-методологическая проблема // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем. Век, десятилетие, год. М.: Логос, 1999. С. 28–38; Экштут С.А. Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного века. М.: Молодая гвардия, 2012. 428 с.

² Блохин В.Ф. Малая массовая частная пресса в России 1850 – 1860-х годов: возникновение, тенденции развития и трансформация // Вестник ЧелГУ. 2009. №16. С. 21–25.

³ Антонова Т.В. Борьба за свободу печати в пореформенной России 1861 – 1882 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1993. 32 с. С. 21.

различных социальных групп, образующих среднюю страту «между царем (или верхушкой бюрократии) и народом», которая начиная с 1840-х годов стала противопоставлять себя власти и аристократическому обществу¹.

По мнению ряда современных исследователей, процессы формирования основных направлений русской общественной мысли протекали в 30 – 50-е годы XIX века². Так, А.И. Нарезный связывает с данным периодом становление фундаментальных черт русского либерализма, размежевание охранительного и освободительного течений, а в качестве определяющего вектора общественной мысли данного периода выделяет стремление представителей общественности предложить обществу и власти «концепцию либеральных преобразований, адаптированную к условиям России»³.

Для современной историографии характерно появление авторских концепций, отражающих взгляды исследователей на характер и особенности взаимоотношений власти и образованного общества в имперский период истории России. Так В.В. Шелохаев дает общую характеристику отношений власти и образованного общества на протяжении долгого российского XIX века, в которой названные участники взаимодействия представлены как две равноценные силы, определявшие вектор пути национального развития и оказывавшие существенное влияние на общественно-политические процессы страны в указанный период. Он также отмечает, что их взаимоотношения развивались и выстраивались на «конфликтогенной основе». Власть рассматривала общество как «объект воздействия», оказывая на него постоянное давление и отказываясь относиться к нему как к самостоятельному «субъекту и партнеру». Происходило закрепление за обществом пассивной

---

¹ Волков В.В. Формы общественной жизни: публичная сфера и понятие общества в России: дис. ... к. социол. наук: 22.00.00: Кембридж, 1995. 192 с. С. 17.

² Леонтьева О.Б. Интеллектуальная история России XIX – начала XX вв.: учеб. пособие. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2012. 428 с. С. 112–114; Репинецкий С.А. Формирование идеологии российского либерализма в ходе обсуждения крестьянского вопроса публицистикой 1856 – 1860 годов. Указ. соч. С. 5; Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 439 с.

³ Нарезный А.И. Истоки российского либерализма // Проблемы модернизации России: Вестник РМИОН. Вып. 2. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. С. 201–217. С. 205.

роли «ведомого», опекаемого образования¹. Но безоговорочно ли применима данная характеристика модели отношений «власть – образованное общество» ко всему имперскому периоду российской истории? Могла ли возникнуть ситуация, качественно изменившая традиционную систему взаимоотношений этих сил? Для того, чтобы ответить на данный вопрос необходимо обратиться к «переломному» историческому периоду – подготовки и проведения Великих реформ с точки зрения выяснения существовавших в этот период форм взаимодействия между представителями властных структур и общественности.

Довольно цельный подход к понимаю общества (общественности) в Российской империи сложился в современной отечественной историографии. Процесс и условия формирования русского образованного общества в XVIII – XIX веках его социокультурные особенности, а также взаимоотношения с самодержавной властью представил современный исследователь русской общественной мысли В.Я. Гросул². Являясь сторонником триады «власть – общество – народ», историк рассматривает русское общество как особый социальный организм, дистанцированный как от власти, так и от крестьянского населения. Вместе с тем «общество» у Гросула тождественно понятию «общественность». К ней он относит те слои населения, которые благодаря своему общественному положению и образованию могли заниматься общественной деятельностью и активно участвовать в общественной жизни страны. Гросул отмечает, что общество заметно ослабело в период правления Николая I, но стало вновь востребованным в начавшемся реформационном процессе середины 50-х годов XIX века.

---

¹ Шелохаев В.В. Особенности отношений власти и общества в России: история и современность / Куда идет Россия? Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 2000. С. 10–20. С. 11.

² Гросул В.Я. Русское общество XVIII – XIX вв. Традиции и инновации. М.: Наука, 2003. 517 с.

Инициативу в проведении Великих реформ автор оставляет за самодержавной властью, но при этом считает, что она утратила ее к началу XX века¹.

Исследователь социальной истории России Б.Н. Миронов, анализируя взаимоотношения государства и образованного общества на протяжении имперского периода, под общественностью понимает организованную, сознательную часть общества (кроме бюрократии и армии), мнение которой учитывается верховной властью при проведении государственной политики. Ее социальный состав, по мнению историка, был достаточно стабилен и включал дворянство, духовенство и верхи торгово-промышленного населения². Признавая за государством роль проводника модернизации, Миронов считает, что верховная власть не могла не учитывать мнение общественности и особенно той ее части, которая составляла интеллектуальную элиту, направлявшую умственное движение эпохи. По его мнению, в большинстве своем общественность на протяжении XVIII – начала XIX веков поддерживала верховную власть в деле европеизации страны и проведении реформ, признавая превосходство самодержавия и соглашаясь на подчиненную по отношению к нему роль³. Такое положение сохранялось до тех пор, пока не сформировался слой интеллигенции, являвшийся носителем «политического радикализма» и «нигилистического морализма», первые представители которого появляются к концу XVIII века⁴.

Характеристика российской общественности и основных этапов ее развития дана в обобщающем исследовании коллектива современных авторов о развитии гражданского общества в России с периода правления Екатерины II и до революции 1917 года⁵. Во введении данной работы общественность в России определяется как передовая образованная часть общества, мыслящая

---

¹ Гросул В.Я. Русское общество XVIII – XIX вв. Традиции и инновации. Указ. соч. С. 497.

² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 2. Указ. соч. С. 210–211.

³ Там же. С. 265.

⁴ Там же. С. 262.

⁵ Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. Указ. соч.

категориями общественного блага и прогресса», реализующая «свою жизненную позицию в различных объединениях», а также в процессе развития своих организационных форм оспаривавшая «исторически принадлежавшую государству монополию на выражение интересов населения»¹.

Важным этапом в истории изучения русской общественной мысли стал выход в 2020 году 4-х томной монографии, подготовленной коллективом ведущих российских специалистов под руководством В.В. Шелохаева, занимающихся изучением истории интеллектуальных процессов в России. В контексте рассматриваемой проблематики особой интерес представляет третий том данной монографии, хронологические рамки которого охватывают период со второй четверти XIX по начало XX вв.² Он посвящен процессу дальнейшей кристаллизации основных направлений русской общественной мысли и формированию ее ключевых понятий. Большой интерес представляет тезис авторов о том, что в пореформенное время обсуждение проблем российской действительности из области полулегальной деятельности салонов и кружков перешло в публичную сферу, что способствовало признанию общественности в роли своеобразного «эксперта», оценивающего разнообразные модели реформирования России, которые вырабатывались представителями различных интеллектуальных направлений³. Заслуживает внимания подход К.А. Соловьева по отождествлению понятий «общество» и «общественность» в значении активного образованного меньшинства, выражавшего мнение «безмолвного большинства»⁴, в той или иной степени вовлеченного в процесс обсуждения общих проблем, т.е. коммуникативный процесс, в результате которого и формируется общественная мысль. Авторы особо отметили, что об общественности, ее численности и значении в истории

---

¹ Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. Указ. соч. С. 9.

² Общественная мысль России: с древнейших времен до середины XX в.: в 4 т. Т. 3. / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М: Политическая энциклопедия, 2020. 486 с.

³ Там же. С. 7–8.

⁴ Там же. С. 12–13, С. 17.

России споры продолжают до сих пор. Ими выделяются некоторые «маркеры», такие как грамотность, круг чтения, общность социальных практик, периодические издания, с помощью которых возможно определение приблизительной численности общественности в России в изучаемый период.

Однако авторы данной монографии не фокусируют свое внимание на выстраивании диалога между властью и образованным обществом в период подготовки Великих реформ и не выделяют отдельные каналы властно-общественного диалога, сосредотачивая свое внимание на процессах, протекавших в интеллектуальной среде и фиксации изменений исключительно в тех формах коммуникации, посредством которых новые преобразовательные идеи транслировались в широкие слои российской общественности.

Следующую группу исследований составляют работы, затрагивающие проблему отношения русского образованного общества к Крымской войне 1853 – 1856 годов, ускорившей преобразовательные процессы середины – второй половины XIX века. В дореволюционной историографии данная тема затрагивалась в биографиях крупных общественных деятелей – современников войны М.П. Погодина, Т.Н. Грановского, А.И. Кошелева и др.¹ В советской историографии данной темы в контексте анализа настроений, царивших среди славянофилов, в своей фундаментальной монографии о Крымской войне касается крупный советский историк Е.В. Тарле². Также оценка характера и итогов Крымской войны русским общественным мнением рассматривались в статьях А.В. Фадеева, И.Н. Ковалевой, Ш.М. Левина³.

---

¹ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22-х т. СПб: Погодин и Стасюлевич, 1888 – 1910. Кн. 13. 1899. 413 с.; Колюпанов Н.П. Биография А.И. Кошелева. Материалы к составлению биографии: В 2-х т. М.: Типо-литогр. И.Н. Кушнерова и К^о, 1889 – 1892. Т. 2. 589 с.; Чешихин-Ветринский В.Е. Т.Н. Грановский и его время: Исторический очерк. СПб: Типография И. Гольдберга, 1905. 384 с.

² Тарле Е.В. Крымская война: В 2-х т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941 – 1944. Т. 1. 500 с.

³ Ковалева И.Н. Славянофилы и западники в период Крымской войны (1853 – 1856) // Исторические записки. Т. 80. М.: Наука, 1967. С. 181–206; Левин Ш.М. Крымская война и русское общество // Очерки по истории русской общественной мысли вторая половина XIX – начало XX вв. Л.: Наука, 1974. С. 293–404; Фадеев А.В. Оборона Севастополя (1854 –

Среди современных исследователей следует выделить работы А.И. Шепарневой, В.А. Холодова, М.М. Шевченко, который проследил тенденцию распространения критических настроений во время войны преимущественно в учено-литературных кругах¹.

Отдельная группа исследований связана с изучением проблемы функционирования салонов и кружков в России в середине XIX века как публичного пространства, в котором вырабатывались общественно-политические позиции и взгляды, оказывающие влияния на политику самодержавия в этот период. В советских и современных исторических исследованиях, затрагивающих историю салонов и кружков в России в XIX веке, упор делается на изучение прежде всего литературной и художественной деятельности этих социальных институтов, подчеркивается их литературный характер². В советской историографии впервые проблему политического значения Петербургского кружка Кавелина-Милютиных рассматривала В.Н. Розенталь³. Но ориентация исследовательницы на марксистско-ленинскую идеологию привела к умалению значения либерального течения общественной мысли и вклада его основных представителей в концепцию разрабатываемых во второй половине 1850-х годов реформ. Вместе с тем в последнее десятилетие стали появляться работы, в которых внимание уделяется политической составляющей деятельности светских салонов в России

1855) и русское общество // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. Вып. 5. М., 1955. С. 19–28.

¹ Холодов В.А. Крымская война 1853 – 1856 гг. в восприятии населения Орловской губернии // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. №2. С. 16–21; Шевченко М.М. Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М.: «Три квадрата», 2003. 256 с. С. 181–202; Шепарнева А.И. Крымская (Восточная) война в оценке российского общественного мнения (1853 – 1856). Орел: Картуш, 2005. 199 с.

² Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. СПб: Академический проект, 2001. 400 с.; Палий Е.Н. Литературно-музыкальные салоны как элемент российской культуры XIX в. // Социально-гуманитарные знания. 2007. №1. С. 273–281. С. 274.

³ Розенталь В.Н. Петербургский кружок К.Д. Кавелина в конце 40-х и начале 50-х годов XIX века // Ученые записки Рязанского государственного педагогического института. 1957. Т. 16. С. 188–224.

середины – второй половины XIX века¹. При этом на данный момент отсутствует комплексное исследование салонов и кружков в России в середине XIX века как центров влияния на политику самодержавия в первые годы царствования Александра II.

Таким образом, в современной исторической литературе сформировалось устойчивое убеждение, согласно которому в первые годы царствования Александра II в стране сложилась уникальная ситуация для налаживания диалоговой формы взаимодействия и даже сотрудничества между властью и обществом, направленного на выход из кризисного положения, в котором страна находилась после Крымской войны (1853–1856)². Но при этом недостаточно внимания уделялось анализу причин, которыми было обусловлено качественно иное состояние русского образованного общества, а также основным «каналам» общественного влияния на власть в первые годы правления императора Александра II.

Зарубежная историография. Среди зарубежных исследований, посвященных данному периоду русской истории следует выделить труды, М. Раева, Р. Пайпса, А. Безансона, А. Скерпана, в которых в той или иной степени затрагиваются проблемы интеллектуального развития русского общества, становления в России публичной сферы, формирования социокультурных предпосылок Великих реформ³. Зарубежные исследователи ведущую роль в

---

¹ Азерникова И.П. Салонная культура дворянства в России в первой половине XIX в.: истоки и традиции: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 231 с.; Резникова Е.Е. Вел. кн. Елена Павловна в политической и культурной жизни России: 1824 – 1873 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. 317 с.

² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.). Т. 2. Указ. соч. С. 265; Чернуха В.Г. Эпоха «Великих реформ» – шаг на пути от полицейского к правовому государству // Гражданогенез в России. Кн. 1. Брянск, 2009. С. 65–75. С. 72; Медушевский А.Н. Ключевые проблемы российской модернизации. Курс лекций. М.: Директ-Медия, 2014. 680 с. С. 126–127.

³ Безансон А. Советское настоящее и русское прошлое. Сборник статей / Пер. с франц. А. Бабича, М. Розанова. М.: Изд-во «МИК», 1998. 336 с.; Пайпс Р. Россия при старом режиме / Пер. с англ. М.: Независимая газ., 1993. 421 с.; Раев М. Понять дореволюционную Россию. Государство и общество в Российской империи / Пер. с франц. Я. Горбаневского, Н. Дюжевой. Лондон: Оверсайс, 1990. 304 с.; Skerpan A. The Russian national economy and emancipation. Essays in Russian history / Ed. by A. Ferguson. Hamden, 1964. Pp. 161–230.

построении проектов модернизации империи в период подготовки крестьянской реформы закрепляют за либеральными мыслителями, создавшими комплекс базовых политических и социально-экономических идей и положений¹. Такие историки как Т. Эммонс, Д. Филд стремились выделить «моральные причины» отмены крепостного права, делая акцент на долговременно действовавших факторах социокультурного характера – распространении гуманистических и либеральных идей среди образованных людей России, как основных мотивах реформ 1860-х годов². К тому же Д. Филд, занимавшийся проблемой становления русского либерализма, рассматривал в этом контексте деятельность К.Д. Кавелина в 1850-е годы как одну из попыток консолидировать общественные силы в направлении «подталкивания» имперского правительства к проведению реформ³. Другой американский исследователь российской общественной жизни предреформенного десятилетия К. Ричардсон также посвятил специальное исследование участию Кавелина в процессе подготовке отмены крепостного права и при этом особое внимание уделил роли западников в общественно-политических процессах 1850-х годов. По его мнению, именно западники обеспечили интеллектуальное обоснование реформ 60-х – 70-х годов XIX века, ведь они, по словам ученого, «...еще задолго до преобразований создали социальный и интеллектуальный климат, необходимый для Великих реформ»⁴.

Изучением интеллектуального слоя, ставшего творцом Великих реформ, так называемой «просвещенной бюрократии», сформировавшейся в

---

¹ Hamburg G.M. Peasant Emancipation and Russian Social Thought: Case of Boris N. Chicherin. *Slavic Review*. 1991. Vol. 50. No 4. Pp. 890–904.

² Emmons T. *The Russian Landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861*. London, Cambridge, 1968. 485 p.; Field D. *The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855 – 1861*. Cambridge, Mass., 1976. 472 p. P. 5.

³ Field D. Kavelin and Russian liberalism. *Slavic Review*. 1973. Vol. 32. No 1. Pp. 59–78.

⁴ Richardson C. *Konstantin Kavelin and the struggle for emancipation: A case study of the westerners' role in the foundation of civil society in imperial Russia*. Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh, 2010. 53 p.

Николаевскую эпоху, занимался американский исследователь Б. Линкольн¹. Анализ политического и социокультурного взаимодействия образованной части русского общества и самодержавной власти на протяжении XVIII – XIX вв. провела Э.К. Виртшафтер, по мнению которой, концептуальные основы будущей конфликтности властных и общественных структур в России стали закладываться в начале XIX века².

Отдельно следует выделить работу американского историка Р.С. Уортмана «Мифы и церемонии русской монархии», в которой автор исследует российское самодержавие как социокультурный институт, вырабатывающий особые «сценарии власти», не только формирующие уникальный образ конкретного монарха, но и выстраивающие особую модель взаимодействия власти и общества³. По мнению Уортмана, западные культурные формы, заимствованные Россией в ходе модернизации на протяжении XVIII – XIX веков представляли собой индикаторы, позволяющие определить характер развития в российских условиях европейской культуры и степени ее проникновения в общественное сознание⁴. В другой работе Уортман, исследуя формирование правового сознания в России в среде государственных служащих, предшествовавшее проведению судебной реформы 1864 года, отмечал, что к концу правления Николая I бюрократы стали разделять взгляды и образ мыслей русской интеллигенции, стремясь преобразовать российские институты на основе западноевропейских идей⁵.

Признанная многими исследователями оценка великого князя Константина Николаевича как негласного лидера либерально настроенных государственных деятелей также нашла свое обоснование в работе немецкого

---

¹ Lincoln W.B. In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats 1825 – 1861. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1982. 297 p.

² Wirtschafter E.K. Russia's Age of Serfdom, 1649 – 1861 (Blackwell History of Russia). Malden: Blackwell, 2008. 312 p. P. 144.

³ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: В 2-х т. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2002. 608 с. С. 20–22.

⁴ Там же. С. 26.

⁵ Уортман Р.С. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 520 с. С. 20.

историка М. Штадельманна¹. Его исследование направлено на выявление роли личностного фактора, в частности личности и деятельности Константина Николаевича, в процессе принятия политических решений царским правительством, его символического и коммуникативного измерения. По мнению автора, с вступлением на престол Александра II самодержавная власть претерпевает существенные изменения, в действие вступает ее «новый политический стиль», основания которого были заранее подготовлены просвещенной бюрократией в союзе с общественными деятелями².

Таким образом, проблема особенностей взаимодействия власти и образованного общества в России накануне осуществления Великих реформ затрагивалась исследователями в контексте изучения широкого круга отдельных вопросов, связанных с историей развития русской общественной мысли и общественно-политического движения, а также цензурной политики правительства. Представленный далеко не полный историографический обзор отечественной и зарубежной историографии позволяет выявить научную актуальность предполагаемого исследования. Необходимо проанализировать влияние общественно-политического подъема середины XIX века на самодержавную власть и определить основные формы взаимодействия власти и общественности в этот период, их институциональные и содержательные особенности, которые не становились объектом специального исследования. При этом необходимо учитывать, что отмеченная подавляющим большинством исследователей политическая «слабость» русского общества, отсутствие у него необходимой доли самостоятельности, сплоченности и институциональных основ для осуществления возможности участия в политическом процессе, ориентировало его наиболее прогрессивную часть (особенно либерально-настроенную) на поиск компромисса и форм сотрудничества с властными структурами. Недостаточно изучен механизм

---

¹ Stadelmann M. Großfürst Konstantin Nikolaewiĉ. Der persönliche Faktor und die Kultur des Wandels in der russischen Autokratie. Wiesbaden: Harrassowitz, 2012. 470 p.

² Ibid. P. 224.

обратной связи власти и общества в период подготовки Великих реформ. Необходимо на основе коммуникативного подхода рассмотреть особенности властно-общественных отношений в уникальных условиях середины XIX века, когда самодержавное правительство искало контакта с общественностью, а она, в свою очередь была готова предложить собственную концепцию преобразований.

Цель диссертационного исследования: раскрыть особенности взаимодействия власти и общественности в России в период общественно-политического подъема 1850-х – начала 1860-х годов.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

Во-первых, рассмотреть становление и развитие общественности в России как особого социокультурного явления в контексте процессов социокультурной модернизации.

Во-вторых, выделить и рассмотреть основные тенденции и противоречия в развитии российской общественности в период правления Николая I как времени формирования интеллектуальных основ активизации общественной жизни в России середины XIX века.

В-третьих, выделить этапы и рассмотреть основные проявления общественно-политического подъема 1850-х – начала 1860-х годов и его влияние на власть и общественность.

В-четвертых, выявить оценку внутривластного положения в стране, данную представителями российской общественности, рассмотрев особенности формирования их мировоззренческих и политических взглядов.

В-пятых, выявить и охарактеризовать основные формы взаимодействия власти и общественности, провести их типологизацию и определить специфику каналов властно-общественной коммуникации в изучаемый период.

В-шестых, сформировать целостное представление о динамике и особенностях властно-общественных взаимоотношений в период подготовки Великих реформ середины XIX века.

Следует уточнить, что в задачи настоящей работы не входит анализ деятельности общественных организаций, создаваемых для решения крестьянского вопроса – губернских комитетов и Редакционных комиссий, связь их ученых-экспертов с представителями власти, так как данный сюжет является отдельной темой для других масштабных исследований, цели которых будут напрямую связаны с рассмотрением хода подготовки крестьянской реформы.

Источниковая база исследования представлена широким комплексом материалов различного происхождения, уровня репрезентативности и форм хранения. Она включает в себя следующие группы источников:

1. Официальные документы Российской империи – законодательные и другие нормативные акты¹, которые позволяют проследить политику правительства по отношению к общественно-политической деятельности представителей русского образованного общества в середине XIX века. Особую значимость для исследования представляют постановления и распоряжения по цензуре², официальные ежегодные отчеты III Отделения³ и т.п. Различного рода официальные документы, относящиеся к сфере образования, науки и культуры опубликованы в «Журнале Министерства народного просвещения»⁴. Указанные документы позволяют выявить соотношение между правовой и фактической составляющей взаимоотношений власти и общества в исследуемый период.

---

¹ Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собр. 2-ое. Т. XXVIII. Отд.1-е. № 27628; ПСЗРИ. Собр. 2-ое. Т. XXXI. Отд.1-е. №.30273; и др.

² Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1861 гг. СПб: Тип. Морского министерства, 1862. 487 с.

³ Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827 – 1869. Сб. док. / Сост. М. Сидорова, Е. Щербакова. М.: Россий Архив, 2006. 706 с.

⁴ Отчет Министра Народного Просвещения за 1855 год // Журнал Министерства народного просвещения. Часть XC. СПб: Тип. Императорской АН, 1856. 1058 с. С. 19–166; и др.

2. Делопроизводственная документация, к которой относятся служебные и докладные записки, донесения и проекты, составленные лицами, состоящими на государственной службе, служебная переписка между государственными деятелями, относящимися к различным ведомствам¹, а также неопубликованные агентурные донесения и записки о наблюдении за отдельными литераторами². Эта группа источников позволяет выявить механизм реализации политики правительства и специфику формирующейся в этот период политической культуры. В этом контексте особое значение имеют протоколы заседаний Политико-экономического комитета конца 1850-х – начала 1860-х годов, выступавшего одним из общественных «форумов», на котором государственные деятели и представители научной общественности обсуждали актуальные вопросы российской действительности. Данная группа источников также представлена архивными материалами³.

3. Публицистические источники, представленные в печатных изданиях и отложившиеся в архивах, составили одну из основ данного исследования. Они позволяют дать оценку общественно-политической ситуации в России 1850-х – начала 1860-х годов и выделить основные внутривластные проблемы, волновавшие русское общество в этот период и предложения, идущие «снизу» по их разрешению. К ним относятся «Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны» М.П. Погодина, «Дума русского» П.А. Валугева, «О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе» Ю.Ф. Самарина. Материалы неперiodического сборника «Голоса из России», выпускавшегося Вольной типографией в Лондоне: «Современные задачи русской жизни» Б.Н. Чичерина, «Мысли вслух об истекшем тридцатилетии России» Н.А. Мельгунова и др.⁴ Эта группа источников также представлена архивными

---

¹ РГИА. Ф. 735. Оп. 5. Д. 256, 257; ГА РФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1982.

² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 84, 85, 88, 1941, 1972, 1986.

³ РГИА. Ф. 735. Оп. 6. Д. 90, 149.

⁴ Валугев П.А. Дума русского (во второй половине 1855 года) // Русская старина. 1893. Т. LXXIX. Вып. 9. С. 503–514; Жеребцов Н.А. О современной политической и внутренней

материалами¹. Позиции современников по различным проблемам развития России в середине XIX века и путях выхода из кризисного состояния, содержатся в фондах ОР РГБ, ГАРФ и РГИА². Среди периодических изданий, в большом количестве появлявшихся в этот период используются журналы «Русская беседа», «Современник», «Отечественные записки», «Русский вестник», газеты «Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости» и др.

4. Творческое наследие представителей русской общественной мысли середины XIX века, большей частью опубликованное в собраниях сочинений и в рамках научного проекта «Библиотека отечественной общественной мысли»³. Большое значение представляют работы мыслителей, в которых нашли отражение проблемы управления и бюрократизма, а также те статьи, в которых представлено теоретическое осмысление взаимоотношений власти и образованного общества в историческом и современном для авторов контексте⁴.

5. Основным видом источников, предоставляющих достаточный материал для выявления форм взаимодействия между властью и обществом, являются источники личного происхождения: дневники, мемуары и эпистолярные тексты (частью опубликованные в собраниях сочинений,

---

жизни России // Русская старина. 1896. Т. LXXXVI. Вып. 5. С. 633–642; Кавелин К.Д. Мысли об уничтожении крепостного состояния в России // Русская старина. 1887. Т. LIII. Кн. 3. С. 431–463; Погодин М.П. Царское время // Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны, 1853–1856. М.: Тип. В. М. Фриш, 1874; Чичерин Б.Н. Современные задачи русской жизни // Голоса из России: сб. А.И. Герцена и Н.П. Огарева: кн. IV – VI (1857 – 1859). Вып. 2. М.: Наука, 1976. С. 51–130; и др.

¹ ОР РГБ. Ф. 265. Кар. 71. Д. 7; ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 78, 84, 85; Ф. 647. Оп. 1. Д. 50, 55; Ф. 672. Оп. 1. Д. 316; Ф. 678. Оп. 1. Д. 603.

² ОР РГБ. Ф. 169. Кар. 43. Д. 22; Ф. 548. Кар. 2. Д. 39; Ф. 647. Оп. 1. Д. 70; РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 82; Ф. 1250. Оп. 1. Д. 4а, 4в, 4г.

³ Самарин Ю.Ф. О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе // Сочинения Ю.Ф. Самарина: В 12 т. М.: Д. Самарин, 1877 – 1911. Т. 2. Крестьянское дело до высочайшего рескрипта 20 ноября 1857 года. 1878. 445 с. С. 17–136; Погодин М.П. Избранные труды / Сост., авторы вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянц, К.В. Рясенцев. М.: РОССПЭН, 2010. 776 с.; и др.

⁴ Аксаков И.С. О взаимном отношении народа, государства и общества // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/aksakov/iaksakov_o_vzaimnom.html (дата обращения: 07.05.2018).

сборниках «Литературное наследство», журналах «Русская старина», «Русская мысль», «Вестник Европы» и др.¹⁾), среди которых следует выделить несколько подгрупп: 1) дневники, воспоминания, записки государственных деятелей эпохи «Великих реформ» – П.А. Валуева, Д.А. Милютин, А.В. Головнин, Д.А. Оболенского, дневник профессора Санкт-Петербургского университета и чиновника цензурного ведомства А.В. Никитенко²⁾. Сюда же относятся дневники и воспоминания представителей разных течений общественной мысли, которые в своей совокупности, передают общую атмосферу и особенности общественно-политических процессов, протекавших в середине XIX столетия и содержат ценные указания на различные формы контактов между властью и обществом. В данном контексте особо значимыми являются воспоминания П.В. Анненкова, А.Я. Панаевой, А.В. Дружинина, В.П. Мещерского, С.В. Максимова³⁾, оставившего ценные воспоминания о литературной экспедиции 1855 – 1856 годов и др. Взгляды на общественно-политическую ситуацию середины XIX века кругов радикально настроенной общественности представлены воспоминаниями Н.В. Шелгунова, П.А. Кропоткина, Л.Ф. Пантелеева и др. Также следует отметить дневниковые записи современниц – фрейлины А.Ф. Тютчевой, видной деятельницы славянофильского течения общественной мысли В.С. Аксаковой, писательницы и литературного критика М.К. Цебриковой. 2) Вторую подгруппу составляют эпистолярные источники, заключающие в себе богатый

¹⁾ Оболенский Д.А. Мои воспоминания о Великой Княгине Елене Павловне // Русская старина. 1909. Т. СXXXVII. Вып. 3. С. 504–528; Письма К.Д. Кавелина гр. Д.А. Милютину // Вестник Европы. 1909. № 1. С. 5–44; Пржецлавский О.А. Воспоминания О.А. Пржецлавского. Цензура. 1830–1865 // Русская старина. 1875. Т. 13. № 9. С. 131–160; и др.

²⁾ Головнин А.В. Записки для немногих. СПб: Нестор-История, 2004. 576 с.; Дневник П.А. Валуева министра внутренних дел: В 2-х т. / Ред., введ., биограф. очерк и коммент. П.А. Зайончковского. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 1: 1861 – 1864. 1961. 586 с.; Оболенский Д.А. Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2005. 504 с.; Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1843 – 1856 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М.: Российский архив, 2000. 527 с.

³⁾ Максимов С.В. Литературная экспедиция (По архивным документам и личным воспоминаниям) // Русская мысль. 1890. Кн. II. Отд. I. С. 17–50.

материал для изучения интеллектуальной деятельности представителей русской общественности. Они также раскрывают круг интересов, знакомств в научных и литературных кругах, характер их взаимоотношений с представителями государственной власти. В этой подгруппе источников также имеются архивные материалы¹. Следует выделить важные для данного исследования письма Ф.И. Тютчева, А.С. Хомякова, К.С. и И.С. Аксаковых, переписку Т.Н. Грановского, К.Д. Кавелина², письма общественных деятелей представителям либеральной бюрократии Н.А. и Д.А. Милютиным³. Также переписка крупных государственных деятелей и представителей императорской семьи: переписка великого князя Константина Николаевича с ближайшим сотрудником А.В. Головниным и др.⁴

Всего в диссертационном исследовании использованы материалы 23 фондов трех центральных архивов России. Данный корпус источников в своей совокупности позволяет рассмотреть основные особенности взаимодействия власти и общественности в России периода подготовки Великих реформ 1860-х – 1870-х годов и решить поставленные задачи.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые:

1. На основе теории социокультурной модернизации рассмотрено формирование в Российской империи общественности как особого социокультурного явления, поэтапно представлен процесс ее самоидентификации, а также проведен анализ соотношения таких понятий как общество, общественность, публичная сфера.

¹ ОР РГБ. Ф. 334. Кар. 2. Д. 22, 28, 29; Кар. 12. Д. 9; Ф. 169. Кар. 64. Д. 60; Ф. 231/1. Кар. 45. Д. 61; ГА РФ. Ф. 103. Оп. 3а. Д. 68, 75, 90; Ф. 678. Оп. Д. 1152; Ф. 1132. Оп. 1. Д. 159; Р Г И А. Ф. 908. Оп. 1. Д. 97.

² Аксаков И.С. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 3: Исследование украинских ярмарок. Ополчение. Путешествия за границу. Письма 1851–1860 годов. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1892. 677 с.; Тютчева А.Ф. Письмо Вяземскому П.А. 7 мая 1854 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. С. 110; Тютчев Ф.И. Письма Эрн. Ф. Тютчевой // Тютчев Ф.И. Избранные сочинения / Сост. Б.Н. Тарасов. М.: РОССПЭН, 2010; и др.

³ РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 818, 889, 911; ОР РГБ. Ф. 169. Кар. 64. Д. 60; Кар. 73. Д. 7.

⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1987; Ф. 722. Оп. 1. Д. 230, 231; РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 934.

2. Проанализированы конкретные формы властно-общественного взаимодействия в России в середине XIX века в сопоставлении их друг с другом по степени влияния на представителей власти в контексте процесса подготовки преобразований.

3. Реконструирована сложившаяся в общественной среде в период подготовки реформ общая концепция преобразований, ее основные направления и круг актуальных вопросов.

4. Взаимоотношения власти и общественности в исследуемый период проанализированы с использованием теоретико-методологической базы концепции публичной сферы и коммуникативного подхода ее изучения в Российской империи середины – второй половины XIX века.

5. Пересмотрен принятый в историографии подход к общественно-политическому подъему 1850-х – 1860-х годов, который был рассмотрен как целостный исторический феномен, претерпевающий свою эволюцию, выделены его этапы и основные проявления.

6. В научный оборот были введены ранее не опубликованные архивные материалы, что расширяет архивную базу проблемы в целом.

Теоретическая и практическая значимость диссертации состоит в том, что изложенные в ней выводы и теоретические обобщения могут быть использованы при формировании учебных курсов по истории России и истории русской общественной мысли XIX века. Данная тема является частью одного из приоритетных направлений научной работы кафедры «Отечественной истории» – «История российской модернизации» (код по ГРНТИ - 03.23.31).

Методология и методы исследования представлены сочетанием методов классической парадигмы исторического исследования и неклассической модели историографии. Для первой характерно изучение событий и явлений в контексте конкретных исторических условий и причинно-следственных связей, что предполагает единство исторического и логического, которое исходит из принципов историзма, объективности и

системности, позволяющих оценить изучаемую эпоху с учетом ее исторических особенностей и возможностей. Среди общеисторических методов исследования в работе использованы: историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный методы. Историко-генетический метод позволил выделить и рассмотреть основные этапы развития общественности в России как особого социокультурного явления. Определить особенности во взаимоотношениях власти и образованного общества в России в первые годы царствования Александра II удалось с помощью историко-сравнительного метода. Применение историко-системного метода позволило рассмотреть публичную сферу в России середины – второй половины XIX века как посредническую систему коммуникации между властными и общественными структурами.

Проследить особенности процесса идейного роста русской общественности в первой половине XIX века можно с помощью методов неклассической историографии. Среди них феноменологический метод позволил рассмотреть общественно-политическую ситуацию в 50-е годы XIX века как совокупность ее восприятий в сознании современников. Наряду с этим, при анализе источников были использованы методы интеллектуальной истории, позволяющие выявить условия возникновения и движения основных идей, взглядов и настроений общественности и рассмотреть их в конкретно-историческом социокультурном контексте. К тому же методы интеллектуальной истории позволяют выделить особенности изучаемого исторического периода через зафиксированную в нем интеллектуальную культуру, носителем которой в России преимущественно выступало дворянское сословие, имевшее уникальный «стиль мышления» и определенный набор идей.

Теоретико-методологической базой исследования, которая позволяет определить его концептуальную составляющую и выработать собственный исследовательский подход, выступает теория модернизации. В данной работе она применяется при выявлении тех изменений, которые происходили прежде

всего в политической и социокультурной сферах и обуславливали формы сотрудничества между властью и образованным обществом в имперский период российской истории. Особенности модернизации в России и ее социокультурным аспектам посвящены работы таких современных авторов, как А.С. Ахиезер, Б.Н. Миронов, К.В. Самохин, В.Г. Федотова, А.Н. Медушевский¹ и др.

По сравнению с исследованиями, посвященными характеру и особенностям российской модернизации, объяснение процессов социокультурной модернизации в России представлено незначительным количеством специальной литературы. Среди отечественных исследователей следует обратить внимание на исследования Л.К. Евдокимовой, занимающейся теоретической разработкой определения «культурная модернизация», которая, по мнению автора, являясь частью модернизации в целом, представляет собой «деятельность субъектов (в частности, индивидов, групп, общества в целом и государства) по изменению их ценностей и идентичности в целях адаптации для капиталистического устройства»².

Социолог Н.Е. Тихонова под социокультурной модернизацией подразумевает «формирование определенного типа сознания и детерминируемых им поведенческих практик индивидов, протекающее во внутреннем единстве с формированием соответствующих общественных

---

¹ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России): В 2-х т. Т. I: От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 804 с. С. 221–228; Медушевский А.Н. Конституционные проекты в России и их западные источники // Мир России. Социология. Этнология. 1996. №1. С.154–194; Его же. Великая реформа и модернизация России // Российская история. 2011. № 1. С. 3–27; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 2. Указ. соч. С. 141, 262; Самохин К.В. Процессы Российской модернизации в конце XVIII – первой половине XIX веков // СИСП. 2012. №11. С. 29; Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М.: ИФ РАН, 1997. 256 с.; Ее же. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. №4. С. 3–27.

² Евдокимова М.И. Культурная модернизация и культурная революция: дифференциация понятий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (34): в 2-х ч. Ч. I. С. 85–88. С. 86.

институтов»¹. По мнению автора, в России формирование новых социальных институтов и их успешное функционирование было возможно только при соответствии их ценностям и нормам, разделяемым населением.

Историк К.В. Самохин, рассматривающий военный фактор как механизм российской модернизации в XVIII – XIX вв., в своих работах также касается процессов духовной модернизации². По мнению автора, она начинается в царствование Петра I вместе с модернизационными процессами в военно-технической и экономической сферах и состоит в «смене ценностей и социальных установок» преимущественно в слое высшего общества³. Итоги духовной модернизации заключаются в распространении либеральных ценностей среди образованных слоев населения, в то время как крестьянское мировоззрение в конце XVIII – первой половине XIX века не подвергается существенным изменениям⁴.

Методологический инструментарий теории социокультурной модернизации позволяет проанализировать изменения в сознании исследуемых объектов⁵ – власти и общественности, зафиксировать смену ценностей и социальных установок, которые привели к осознанию необходимости совместных усилий властных и общественных структур в решении основных внутривластных проблем империи. Также для анализа пространства коммуникации власти и общества в России середины XIX века была использована концепция публичной сферы и коммуникативный подход

---

¹ Тихонова Н.Е. Социокультурная модернизация в России: (опыт эмпирического анализа): статья 1 // Обществ. науки и современность. 2008. № 2. С. 5–23. С. 5.

² Самохин К.В. Северная война: первый опыт российской модернизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14). С. 180–185; Его же. Процессы Российской модернизации в конце XVIII – первой половине XIX веков // СИСП. 2012. №11 С. 29.

³ Самохин К.В. Северная война: первый опыт российской модернизации. Указ. соч. С. 183.

⁴ Самохин К.В. Процессы Российской модернизации в конце XVIII – первой половине XIX веков. Указ. соч. С. 29.

⁵ Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. Указ. соч. С. 47–48.

ее изучения, разработанные Ю. Хабермасом¹. Они позволили рассмотреть отношение между властью и образованным обществом в изучаемый период как социальное взаимодействие, в рамках которого происходило налаживание их диалога, опосредованного персональными текстами. Несомненную теоретическую значимость для исследования представляет концепция социального поля П. Бурдьё, в соответствии с которой коммуникация власти и общества представляет собой взаимодействие агентов из «поля политики» и литературного, философского, публицистического, академического и других социальных «полей» в общем пространстве производства идей, в котором происходит выработка совместных проектов перспективного общественного развития².

Понятийно-категориальный аппарат исследования. В данном исследовании используется понятие прежде всего политической власти, которая трактуется в институционально-персоналистском контексте как группа лиц, закрепившая свое право принимать значимые для Российской империи решения и реализующая его через систему политических институтов и управленческих практик. В условиях модернизации власть представляла собой взаимодействие тех, кто ее реализует – правящей элиты страны, с той социальной средой, в которой происходит ее реализация, в том числе и посредством коммуникативной деятельности³.

Ключевое понятие данной работы – общественность, в виду своей многозначности в научной исторической литературе трактуется по-разному. Многообразие исторического опыта общественной деятельности в России, закрепленное тождественными понятиями образованное общество и общественность, обуславливает широкий спектр их значений. В данной работе

---

¹ Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society / Transl. by Th. Burger and F. Lawrence. Cambridge: Polity Press, 1989. 301 p. Pp. 6–7.

² Бурдьё П. Социология политики / Пер. с франц. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с. С. 37.

³ Arendt H. Communicative power. Power / Ed. by S.Lukes. Oxford: Blackwell, 1986. Pp. 59–74. Pp. 62–64.

под термином общественность понимается определенный слой русского образованного общества, охарактеризованный В. Я. Гросулом как «общество в обществе»¹. В середине – второй половине XIX века в условиях расширения и политизации публичной сферы в России абстрактное понятие общественность приобретает персонифицированное значение². Процессы общественно-политического подъема 1850-х – начала 1860-х гг., основой которых стало насыщение публичной сферы в России преобразовательными идеями, генерируемыми в том числе и в общественной среде, привели к превращению русского образованного общества из объекта всесторонней государственной опеки в субъект активного социального действия. Социальные границы российской общественности со второй половины XIX века становились все более размытыми и неопределенными.

В целом, в изучаемый период общественность в России состояла из так называемой прогрессивной части русского образованного общества, охваченной процессом самоидентификации, результатом которой становится противопоставление себя с одной стороны – аристократическому (придворному) обществу, а с другой, носителям властных прерогатив. У данной категории людей формировались новые качества – гражданственность и интеллектуализм, в их среде распространялись передовые ценности и идеи, направленные на преобразование, улучшение существующей действительности. Составляющие ее субъекты социального действия присваивали себе право «говорить от имени всей России» и ее народа. Это новое состояние русского образованного общества закрепится в понятии «общественность» только к концу XIX века. Однако использование данного термина представляется возможным при характеристике предшествующих процессов формирования общей идентичности образованных людей в России, которые в независимости от своей сословной и профессиональной

---

¹ Гросул В.Я. Русское общество XVIII – XIX веков. Указ. соч. С. 265.

² Волков В.В. Формы общественной жизни: публичная сфера и понятие общества в России. Указ. соч. С. 176.

принадлежности посвятили свою деятельность служению общественному делу. В такой трактовке формирование российской общественности как особого социокультурного явления смыкается с началом разночинского этапа развития интеллигенции в России¹.

На защиту выносятся следующие **основные положения**:

1. К середине XIX века российская общественность под воздействием долговременных процессов социокультурной модернизации представляла собой относительно самостоятельный субъект общественно-политической жизни, формирующий комплекс актуальных преобразовательных идей, выступив одним из интеллектуальных ресурсов российской модернизации царствования Александра II. Развитие гражданского самосознания в среде русского образованного общества стало одной из причин выхода властно-общественного взаимодействия в середине XIX века на качественно новый уровень.

2. Общественно-политический подъем в России середины XIX века включал два основных этапа. Его первый этап характеризуется патриотическим подъемом русского общества в годы Крымской войны 1853 – 1856 годов. Под воздействием роста критических настроений в общественной среде он трансформировался в общественно-политический и перешел на второй этап своего развития. На втором этапе общественно-политического подъема интеллектуальная элита страны в ответ на кризисную ситуацию, в которой оказалась Россия в годы войны, стремилась выработать и распространить комплекс актуальных идей, открывающих новые творческие возможности для эффективного выхода страны из кризисного положения, реализуя свой модернизационный потенциал, накопленный в предшествующий период.

---

¹ Веселов В.Р. Еще раз о преемственности истории интеллигенции и ее изучения // Интеллигенция России: традиции и новации. Тезисы докладов межгосударственной научно-практической конференции. Иваново, 1987. С. 27–29.

3. В первые годы царствования императора Александра II сложилась уникальная ситуация для налаживания обратной связи между властью и образованным обществом, когда представители русской общественности получили возможность не только обсуждать, но и доводить до власти свое видение актуальных проблем, а власть со своей стороны была готова прислушиваться к общественному мнению и учитывать общественные преобразовательные предложения при разработке основ правительственных модернизационных проектов.

4. В период общественно-политического подъема 1850-х – начала 1860-х годов среди основных форм взаимодействия власти и общественности можно выделить письма и записки, адресованные представителям государственной власти, салоны и кружки, публичные мероприятия, а также легальные научно-просветительские организации, посредством деятельности которых осуществлялось наполнение публичной сферы идеями социально-экономических и политических преобразований.

5. Традиционные формы взаимодействия между властью и общественностью в России во второй половине 1850-х – начале 1860-х годов под воздействием комплекса как внутри- так и внешнеполитических факторов (патриотический подъем в годы Крымской войны, поражение России в войне, вступление на престол нового императора, запущенный в стране реформаторский процесс) приобрели новаторский характер субъект-субъектных отношений, отличающихся стремлением участников коммуникационного процесса учитывать интересы друг друга.

6. Взаимоотношения власти и общественности в России середины XIX века имели особую динамику развития и прошли несколько этапов, во многом определивших процесс подготовки реформ: 1) «взаимное отчуждение» власти и общественности в последние годы царствования Николая I; 2) «политическое оживление» русской общественности с приходом к власти Александра II, попытка наладить диалог с представителями власти с целью активного участия в запущенном в стране реформаторском процессе; 3)

нарастание оппозиционных настроений к концу 1850-х – началу 1860-х годов и разочарование мерами первых лет нового царствования на фоне усиливающихся радикальных настроений и переходу к конфронтации с властью.

Апробация результатов исследования. Материалы диссертационной работы использовались при выполнении исследовательских проектов: «Модернизация России: исследовательский опыт и образовательные практики» при финансовой поддержке гранта Южного федерального университета (ЮФУ) (проект № ВнГр-07/2017-16); «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли» (проект Российского научного фонда 17-78-20117). Основные положения и выводы диссертационного исследования представлены в 19 статьях, среди которых 10 статей с индексацией в РИНЦ, 6 – опубликованы в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации, а также 3 статьи в изданиях, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования (Scopus), из которых 2 в соавторстве. Отдельные результаты исследования получили освещение в докладах, сделанных на восьми научных конференциях, в том числе на пяти международных: «Достижения академической науки на Юге России» (Ростов-на-Дону, 2017), «Российский либерализм: итоги и перспективы изучения» (Орел, 2018), «Проблемы войны и мира в свете всемирно-исторического опыта» (Псков, 2018), «Соседей не выбирают: Восточная Европа как зона культурной конвергенции» (Ростов-на-Дону, 2018), «Александр II: два века в памяти России (1818–2018)» (Санкт-Петербург, 17–19 декабря 2018); на трех всероссийских: «Утопические проекты в истории культуры (к 500-летию «Утопии Т. Мора»)» (Ростов-на-Дону, 11 – 12 ноября 2016), Вторая научно-практическая конференция «Карамзинские чтения». «Александр II и его эпоха». РГИА. Санкт-Петербург. 16 мая 2018 г. II Всероссийская (с международным участием) научная конференция «Утопические проекты в истории культуры» на тему «„Город Солнца“»: в

поисках идеального локуса» (к 450-летию со дня рождения Томмазо Кампанеллы). Ростов-на-Дону 6–8 декабря 2018 г.

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка источников и литературы.

Глава 1. Общественно-политическая ситуация в России накануне «Великих реформ»

1.1 Особенности формирования общественности в Российской империи как социокультурного явления

На протяжении XIX века в Российской империи под влиянием различных факторов происходило формирование основ гражданского общества – гражданского самосознания, политической культуры и вытекающих из нее поведенческих практик, а также протекал процесс осознания образованной частью общества своей способности содействовать власти и оказывать влияние на ее деятельность «снизу» путем проявления гражданской инициативы. Общественно-политический подъем 1850-х – начала 1860-х годов являлся одним из важнейших этапов данного процесса, представляя собой яркое проявление последствий социокультурной модернизации в России. Он привел к качественному изменению не только общественной жизни, но и характера взаимоотношений власти и общественности, определив многие их особенности в период подготовки Великих реформ царствования Александра II.

Единая, сложившаяся на основе политической жизни Западной Европы, концепция гражданского общества предполагает наличие в нем трех основных элементов: свободных ассоциаций граждан, экономического рынка и пространство публичной коммуникации или, иными словами, публичной сферы¹. Ряд современных отечественных исследователей, рассматривая гражданское общество в русле теории модернизации, считают его венцом развития любого цивилизованного политического сообщества, ссылаясь при

---

¹ Волков В.В. Общественность: забытая практика гражданского общества // Электронная библиотека «Гражданское общество» [Электронный ресурс]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Volkov_praktika.pdf (дата обращения: 06.05.2018).

этом на опыт западных стран¹. По их мнению, в России как в стране модернизации «догоняющего» типа неизбежно должно сложиться гражданское общество, не лишенное в то же время существенных национальных особенностей. В подтверждение этого указывается на наличие в стране устойчивой исторической традиции, согласно которой генезис гражданского общества в России, а также общественности как его важнейшего элемента и, соответственно, общественного мнения, относится к последней трети XVIII века². Одной из особенностей данного процесса является то, что в западноевропейских странах формирование публичной сферы происходит на завершающем этапе становления гражданского общества, а в России именно эта сфера становится первым и ключевым обстоятельством его формирования³.

---

¹ Андреев А.Л. Становление гражданского общества: российский вариант // Становление институтов гражданского общества: Россия и международный опыт: Мат-лы междунар. симпозиума 31 марта – 1 апреля 1995 г. М., 1995. С. 20–24; Гражданское общество в России: структуры и сознание / Отв. ред. К.Г. Холодковский. М.: Наука, 1998. 254 с. С. 17; Туманова А.С. Исторический опыт развития гражданского общества в позднимперской и советской России и современные тенденции гражданской самоорганизации // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 2. С. 26–30. С. 27.

² См. подробнее: Вязовик Т.П. Роль публичной сферы в распространении консервативно охранительного дискурса начала XIX столетия // Электронная библиотека «Гражданское общество» [Электронный ресурс]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Vyazovik_role.pdf (дата обращения: 06.05.2018); Каплун В.Л. Что такое Просвещение? – Рождение публичной сферы и публичной политики в России // Электронная библиотека «Гражданское общество». [Электронный ресурс]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kaplun_what_is_it.pdf (дата обращения: 06.05.2018); Малинова О.Ю. Общество, публика, общественность в России середины XIX – начала XX века: Отражение в понятиях практик публичной коммуникации и общественной самодеятельности / «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода: В 2 т. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 428–463. С. 433; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Указ. соч. Т. 2. С. 262–263; Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / Отв. ред. А.С. Туманова. М.: РОССПЭН, 2011; Черных А.И. Гражданское общество в истории России // Гражданское общество: теория, история, современность / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М., 1999. С. 68–84.

³ Волков В.В. Общественность: забытая практика гражданского общества // Электронная библиотека «Гражданское общество» [Электронный ресурс]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Volkov_praktika.pdf (дата обращения: 06.05.2018).

Формирование общественности в России было одним из проявлений процесса социокультурной модернизации, происходившего на протяжении XVIII – XIX вв. Важнейшими условиями возникновения публичной сферы было развитие гражданской культуры, повышение уровня образования, формирование новых поведенческих практик, то есть становление «духа общественности» (*public spirit*), в основе которого лежит «более или менее неосознаваемое единодушие в целях и намерениях»¹, представляющее собой элемент самосознания, самопонимания, становление которого происходит через усвоение культуры цивилизации «модернити». Данные процессы можно обобщить в рамках единого определения – социокультурная модернизация. Европейский вектор развития привел к формированию российской общественности – слоя, способного аккумулировать идеи и подготавливать ответы на «вызовы» европейской цивилизации модернити².

В публичной сфере общественной жизни осуществляется диалог между властью и обществом. По мнению известного немецкого социолога Ю. Хабермаса, публичная сфера опосредует отношения между государством и обществом и позволяет сформироваться публике как проводнику общественного мнения³. В европейских обществах она вырастает как пространство дискуссий и политической критики, несовпадающее со сферой государственной власти, из общественно-литературной сферы на всем протяжении XVIII века⁴. Согласно Ю. Хабермасу институционально публичная сфера опирается на негосударственные организации и институты, вырабатывающие новые формы социальности (салоны, кружки, литературные общества, клубы, масонские ложи и т. д.), а также на средства коммуникации, обеспечивающие циркуляцию общественно значимой информации внутри

---

¹ Парк Р.Э. Избранные очерки. Сборник переводов / Сост. и пер. с англ. В.Г. Николаев, отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2011. 320 с. С. 125.

² Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М.: Едиториал УРСС, 2004. 352 с. С. 9.

³ Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Pp. 6–7.

⁴ Ibid. Pp. 29–33.

публичной сферы (журналы, газеты, книги и т.п.). Современные отечественные исследователи определяют публичную сферу как «некое виртуальное пространство, где в более или менее открытом режиме обсуждаются социально значимые проблемы, формируется общественное мнение, конструируются и переопределяются коллективные идентичности»¹. В круг ее участников на протяжении XIX века входил относительно тонкий слой образованного общества, пишущая и читающая публика, расширение которой сдерживалось рядом причин социально-экономического и политического характера (сословными рамками, огромной протяженностью территории страны, слабой социальной мобильностью, сохранением крепостного права и т.д.)².

Современный исследователь О.Ю. Малинова, проводя анализ исторического развития понятий, отражающих российские практики публичной коммуникации и общественной самодеятельности, отметила, что публичная сфера в России середины XIX века представляла собой пространство, в котором распространялись общественно значимые идеи, но имелось мало возможностей для их открытой публичной критики³. Автор связывает данное обстоятельство с цензурными условиями, при которых многие темы можно было обсуждать только в среде частных лиц, а также с полной независимостью государственного управления от общественного мнения и официальной установкой на запрет публичного обсуждения властных решений. При этом, по мнению Малиновой, особенности российской публичной сферы не предполагали прямого влияния мнения общественности на власть⁴.

---

¹ Малинова О.Ю. Общество, публика, общественность в России середины XIX – начала XX века: Отражение в понятиях практик публичной коммуникации и общественной самодеятельности / «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода: Т. 1. Указ. соч. С. 430.

² Там же. С. 433–434.

³ Там же. С. 439–440.

⁴ Там же. С. 439.

Одним из первых и важнейших элементов публичной сферы в России является общественность. Этот термин впервые употребил А. Радищев в 1789 году для обозначения общественного мнения¹. В 1791 году Н.М. Карамзин в своих «Письмах русского путешественника» употребляет этот понятие для передачи абстрактного состояния взаимоотношения людей, единодушия, царящего в обществе – «мудрой связи общественности», установившейся между общественно активными группами людей, так называемой публикой, участвующей в общественной жизни европейских городов². Понятие общественность является российским аналогом широко распространенного на Западе термина «публика»³. Российский социолог В.Л. Каплун, рассматривая Просвещение как особый социокультурный феномен, связывает с ним появление новой институциональной реальности – «публичной сферы» («public sphere») и новой общественной силы – общественного мнения (public opinion), носителем которого выступает новая социальная группа – публика⁴. По мнению автора, в России появление и расцвет публичной сферы относится к эпохе российского Просвещения, датируемого концом XVIII – первой третью XIX века. В России в екатерининскую эпоху, как и во Франции середины XVIII века, институциональное оформление публичной сферы происходит в сфере литературной деятельности⁵. Этот процесс поощрялся и

¹ Радищев А.Н. Житие Федора Васильевича Ушакова // Радищев А.Н. Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 156–212. С. 197.

² Карамзин Н.М. Письма Русского Путешественника // Карамзин Н.М. Избранные сочинения: В 2-х т. Т. 1. М.; Л.: Художественная литература, 1964. С. 75–605. С. 201.

³ И. Кант использовал слово публика по отношению к образованному обществу: «Но более возможно, и даже почти неизбежно, что публика сама себя просветит, если только предоставить ей свободу» (Кант И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение? // Кант И. Собр. соч.: В 6-ти т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 25–35. С. 34); См. также: Chartier R. The Cultural Origins of the French Revolution. Durham, NC: Duke University Press, 1991. Pp. 20–21.

⁴ Каплун В.Л. Что такое Просвещение? – Рождение публичной сферы и публичной политики в России // Электронная библиотека «Гражданское общество». [Электронный ресурс]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kaplun_what_is_it.pdf (дата обращения: 06.05.2018).

⁵ Каплун В.Л. Что такое Просвещение? – Рождение публичной сферы и публичной политики в России. Указ. соч.; См. также: Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М.: ИД «Искусство», 2001. С. 29–30; Eriksen E. Conceptualizing European public spheres: General, segmented and strong publics. ARENA Working Paper, Centre for European Studies, University of Oslo. Oslo, Norway, 2004. 35 p. P. 3.

направлялся самой императрицей Екатериной II, которая в 1769 году стала руководить журналом «Всякая всячина», чем стимулировала немедленное появление вслед за этим других новых изданий, корреспонденты которых оспаривали с императрицей литературное равенство¹.

Идеи Просвещения, распространявшиеся в России второй половины XVIII века, во многом благодаря деятельности самой самодержавной власти, способствовали началу критического осмысления российской действительности, которое стало основой последующего стремления общества содействовать правительству в деле обновления России². Крупный общественный деятель и историк П.Н. Милюков, выделяя этапы эволюции русского общественного самосознания и распространения в общественной среде «критических воззрений», отмечал, что в конце XVIII века «новая общественность» от «завоевательных планов внешней политики» все более обращается к «проектам внутреннего общественного переустройства»³. Именно с екатерининской эпохой ученый связывал наполнение «новой петровской культуры» соответствующим «новым сознанием», включающим критический элемент, формирование которого происходило через восприятие современной европейской культуры, особенно быстро усваиваемой посредством литературы.⁴

С процессом формирования общественности в России связано появление в русской культуре на рубеже XVIII – XIX веков во многом под влиянием культуры французского Просвещения новой антропологической фигуры – «поэта-гражданина» или «литератора-гражданина», оказывающих воздействие на общество мыслью и печатным словом ради общественного блага, которые они усматривали в свободе человеческой личности, отсутствии

---

¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 4 т. Ч. 3: Вып. 1: Национализм и общественное мнение. СПб: Издание редакции журнала «Мир Божий», 1901. 424 с. С. 293.

² См. подробнее: Raeff M. *Origins of the Russian Intelligentsia, the Eighteenth Century Nobility* / M. Raeff. N.Y.: Harcourt, Brace, 1966. 248 p.

³ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 4 т. Ч. 3: Вып. 1. Указ. соч. С. 12, 249.

⁴ Там же. С. 249–250.

рабства и произвола. В России в этот период ими становились дворяне-интеллектуалы, которые вели литературную, научную или журналистскую деятельность и во имя общих идеалов порывали со своим сословным интересами¹. Обладая рядом материальных и образовательных ресурсов и осознавая себя как нечто отличное как от придворного общества, так и от простого народа, они были способны оказывать влияние с одной стороны, на образованное общество, с другой – на действия правительства. Их общественные практики протекали в русле деятельности французских «людей письменного слова» (*hommes de lettre*), которые во Франции в середине XVIII века имели огромное влияние на общественные настроения и постепенно, по словам А. де Токвиля, стали «главными государственными деятелями» этой страны².

Появление этого слоя людей стало закономерным результатом политики, проводимой российским правительством с начала XVIII века. Следует отметить, что на протяжении имперского периода российской истории государство выступало решающим фактором в процессе социально-экономических, политических и культурных изменений³, при сохранении данной тенденции общественно-политического развития и в XIX веке. Историк русской общественной мысли и литературы А.Н. Пыпин отмечал исключительное развитие государства в России, которое «поглощало в себя все национальные силы, и материальные и нравственные...» и насаждало «европейскую образованность» только для осуществления практической цели всемерного утверждения государства⁴. В свою очередь образованное общество «играло роль чисто служебную, без всяких учреждений, которые

---

¹ Иванов-Разумник Р.В. Что такое интеллигенция? // Lib.ru/Классика [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/i/iwanowrazumnik_r_w/text_0500.shtml (дата обращения: 07.05.2018).

² Токвиль А. Старый порядок и революция / Пер. с фр. М. Федоровой. М.: Моск. философский фонд, 1997. 252 с. С. 112–115.

³ См. подробнее: Field D. *The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855 – 1861*. Cambridge, Mass., 1976. P. 36.

⁴ Пыпин А.Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов: Ист. очерки А.Н. Пыпина. СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1873. 514 с. С. 479.

давали бы ему какую-нибудь долю самодеятельности»¹. Известный общественный деятель Б.Н. Чичерин также признавал за государственной властью ведущую роль в историческом развитии страны и подчиненное по отношению к ней положение общества. Он отмечал, что «в течении столетий государство слагалось и устраивалось под руководством самодержавной власти русских царей. Общество только следовало за нею, подчиняясь ее велениям и мало проявляя самостоятельных сил. Самые либеральные стремления исходили сверху, плохо укореняясь в общественных нравах»².

Но, несмотря на это, преобразования Петра I и Екатерины II стали мощным импульсом внедрения ценностей европейской культуры в сознание российского общества, которые в совокупности с автохтонными импульсами, включавшими в себя идеи традиционализма, мессианства и доминирующей роли «всемогущего государства» в жизни общества, сформировали главные особенности самосознания формирующейся российской общественности³. Вместе с тем, ее представители стремились своим личным вкладом содействовать власти в деле «народного просвещения», занимаясь издательской и публицистической деятельностью, которая «вносила в русское общество новые знания, вкусы, впечатления, настраивала умы в одном направлении, из разнохарактерных читателей складывала однородную читающую публику»⁴ и способствовала формированию общественного мнения. По этому поводу американский исследователь Р. Пайпс отмечал, что создание новой политической культуры, которую олицетворяли русские интеллектуалы, было делом рук российских монархов XVIII века:

---

¹ Пыпин А.Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов: Ист. очерки А.Н. Пыпина. Указ. соч. С. 479.

² Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. Указ. соч. С. 3.

³ См. подробнее: Ширинянц А.А. Нигилизм или консерватизм? Русская интеллигенция в истории политики и мысли. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. 563 с. С. 87; Хильдермайер М. Российский «долгий XIX век»: «особый путь» европейской модернизации? // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 85–101. С. 85–87.

⁴ Ключевский В.О. Воспоминание о Н.И. Новикове и его времени // *Lib.ru/Классика* [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/kljuchewskij_w_o/text_0250.shtml (дата обращения: 06.05.2018).

«Всемогущее русское государство сумело создать даже свою противодействующую силу»¹. Российское правительство, которое заботилось о распространении просвещения, развитии наук, искусств, специализированных форм культуры, а также о подготовке обслуживающих их профессионалов, таким образом, невольно создавало благоприятные условия для формирования основ независимой от власти общественной самодеятельности.

На протяжении первой половины XIX века развитие публичной сферы в России и общественности как ее основного элемента прошло несколько этапов. Постепенная политизация литературной сферы происходит в период правления Александра I. Так, В.Г. Белинский «зарождение публичности» и возникновение общественного мнения связывал с Отечественной войной 1812 года². В начале XIX века публичная сфера включала в себя такие объединения как литературные салоны, офицерские артели, клубы, тайные общества. Резко возрастает количество печатных изданий (журналов, газет), которые способствовали формированию нового для российской истории общественно-политического феномена – «общественного мнения»³. Повышению степени гражданской свободы способствовал первый цензурный устав 1804 года, встреченный обществом с энтузиазмом⁴. Так, в журнале «Вестник Европы» в статье М.Т. Каченовского «О книжной цензуре в России» цензурный устав представлен «спасительным средством для истинного просвещения и для истинного счастья, которое мудрый Августейший обладатель Севера

---

¹ Пайпс Р. Россия при старом режиме / Пер. с англ. М.: Независимая газ., 1993. С. 341.

² Белинский В.Г. Статья восьмая «Евгений Онегин» // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 7. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 431–472. С. 446–447.

³ Каплун В.Л. Что такое Просвещение? – Рождение публичной сферы и публичной политики в России // Электронная библиотека «Гражданское общество». [Электронный ресурс]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kaplun_what_is_it.pdf (дата обращения: 06.05.2018).

⁴ Старкова Л.К. Правительственные и общественные инициативы в вопросах регламентации российской цензуры в начале XIX века // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2011. №2-1. С. 3–11. С. 7.

предписал своему народу»¹. В правление Александра I при общей либерализации внутривластной жизни происходит повышение роли общественного мнения². По мнению исследовательницы Т.В. Андреевой, политическая концепция Александра I основывалась на формирующейся новой модели взаимоотношений власти и общества, направленной на укрепление связи между монархией и подданными»³.

Следующий этап в развитии общественности наступает в период так называемого «замечательного десятилетия» – в 40-е годы XIX века. В это время, характеризовавшееся расцветом литературной критики и складыванием разночинной интеллигенции, понятие «общественность» употреблялось в качестве самоидентификации определенного слоя общества, «прогрессивной» его части, состоящей из пишущей и читающей публики, противопоставляющей себя аристократическому обществу⁴. У данной категории людей формировались новые качества – гражданственность и интеллектуализм, в их среде распространялись передовые ценности и идеи, направленные на преобразование, улучшение существующей действительности. Именно в эту эпоху под воздействием стесняющего общественную инициативу николаевского политического режима стало формироваться представление об обществе (общественности) как об активной силе, противостоящей правительству, которое получило широкое распространение во второй половине XIX – начале XX века⁵.

---

¹ Каченовский М.Т. О книжной цензуре в России // Вестник Европы. 1805. № 3. С. 199–204. С. 202–204.

² См. подробнее: Гросул В.Я. Общественное мнение в России XIX века. М.: АИРО – XXI, 2013. С. 25–27.

³ Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: Правительственная политика и общественное мнение. СПб: Лики России, 2009. 912 с. С. 136.

⁴ Волков В.В. Общественность: забытая практика гражданского общества // Электронная библиотека «Гражданское общество» [Электронный ресурс]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Volkov_praktika.pdf (дата обращения: 06.05.2018).

⁵ Малинова О.Ю. Общество, публика, общественность в России середины XIX – начала XX века: Отражение в понятиях практик публичной коммуникации и общественной самодеятельности / «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Указ. соч. Т. 1. С. 462.

Вместе с тем, публичная коммуникация осуществлялась в печати, которая заметно оживилась во второй половине 1850-х – начале 1860-х годов¹. При этом издательское дело и журналистика, несмотря на свой поступательный рост, связанный с увеличением слоя образованной читающей публики, было ограничено строгой цензурой и запретом на обсуждение широкого круга вопросов, которые касались не только правительственной и административной деятельности, но и различных сфер общественной жизни². Ограничения печатного слова и возможности общественности высказаться о злободневных общественно-политических вопросах частично преодолевались за счет распространения рукописной литературы, что получило широкой размах в годы Крымской войны 1853 – 1856 годов и сразу после нее³.

В 50-60-е годы XIX века, в период подготовки и проведения Великих реформ, когда в общественной жизни возникают новые процессы, сопровождавшие реформационные инициативы государственной власти, общественность переживает новый этап развития. Это происходило под влиянием бурного процесса развития независимой прессы, благодаря распространению которой образованный слой превращался в некое надсословное образование⁴. Передовые общественные деятели начинают дистанцировать себя от пишущей и читающей публики⁵. Под «общественностью» в это время стали понимать критически настроенную по отношению к власти часть образованного общества, наделенную самостоятельным мнением, отличающимся от официальной точки зрения. Представители русской общественной мысли данного периода, осознав

---

¹ См. подробнее: История русской журналистики XVIII – XIX веков / Под ред. Л.П. Громовой. СПб: Изд-во СПбУ, 2003. 672 с. С. 389.

² Розенберг В. Пресса, цензура, общество // Розенберг В., Якушкин В. Русская печать в прошлом и настоящем. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1905. 250 с. С. 93; См. также: Лемке М.К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб: Трудь, 1904. 427 с.

³ Monas S. The Third Section. Police and Society in Russia under Nicholas I. Cambridge (Mass.), 1961. 354 p. Pp.183–184.

⁴ См. подробнее: Reynolds L. Mc. News Under Russia's Old Regime: The Development of a Mass Circulation Press, Princeton, 1991. 313 p.

⁵ ОР РГБ. Ф. 334. Кар. 12. Д. 9. Л. 3.

огромную силу, которую таит в себе общественное мнение, постоянно апеллировали к нему или даже воспроизводили его как новый политический институт¹.

Таким образом, процесс формирования общественности в России как особого социокультурного явления протекал на протяжении всего XIX века. К середине столетия под воздействием специфических условий социально-экономического и политического развития страны русское образованное общество наряду с бюрократией становится единственным носителем как идеологических воззрений, так и общественного мнения, отличного от официозных представлений. Самодержавная власть, имея широкие властные прерогативы и выступая двигателем модернизации государственных и общественных структур, в кризисной ситуации второй половины 1850-х – начала 1860-х годов была вынуждена прислушиваться к «гласу» общественности. В образованном слое русского социума, включающем пишущую и читающую публику, к середине XIX века оформляется собственное самосознание. Его становление активно протекало во второй четверти XIX века, когда русское образованное общество стало осознавать себя носителем специфических черт, отдельным социально-интеллектуальным слоем, призванным в силу своего особого положения способствовать прогрессивному развитию страны. Его представители все чаще заявляют о существовании в стране «передового общества», требующего предоставления больших возможностей для влияния на внутривластный курс правительства. Это самосознание русской общественности, оформившееся к середине XIX века, проявлялось в многочисленных высказываниях его представителей. Так, например, в своей торжественной речи 1849 года, составленной по случаю приезда императора в Москву, профессор истории М.П. Погодин среди других сословий русского общества особо выделял «ученое и пишущее сословие», которое должно

---

¹ Герцен А.И. Very dangerous!!! // Колокол. Первое десятилетие. 1857–1867. Лондон, Женева, 1867. С. 363–364.

«споспешествовать распространению в народе истинных понятий и познаний»¹. Гораздо позднее, в 1870-е годы К.Д. Кавелин также отмечал, что «зачинателями и носителями движения [прогрессивного – прим. автора] являются высшие образованные слои», в которых «сосредотачивается и знание, культура, наука, искусство и вся умственная жизнь общества»².

В своей статье 1857 года под названием «Революция в России» известный общественный деятель А.И. Герцен затрагивал вопрос о зрелости российского образованного общества, то есть степени развития общественного самосознания в стране. Он отмечал, что мыслящие люди в России, «люди прогресса и науки» могут «не только ясно понять и формулировать чего они хотят, но сверх того сумеют понять за народ его желания и стремления»³. Упоминая о крутых мерах Петра I по насаждению в России просвещения, Герцен отмечал, что нынешнему правительству нет необходимости прибегать к «прогрессивному террору». По его мнению, связано это было в первую очередь с тем, что в стране развилась «целая среда зрелая мыслью, готовая идти с правительством или против него, но за народ и с народом»⁴. Он также подчеркивал, что немногочисленное образованное общество в России ничуть не уступает в своем развитии западному⁵. Характеризуя общественно-политическую ситуацию в России второй половины 1850-х годов, он писал, что «совершеннолетняя речь» русского общества «робко и полутайком высказывается в литературе и в образованных кружках»; российскому правительству, со своей стороны, для того, чтобы

---

¹ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 10. 1896. 583 с. С. 227.

² Кавелин К.Д. Общинное владение // Кавелин К.Д. Собр. соч.: В 4 т. СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897 – 1900. Т. 2. 1898. Стлб. 217–286. Стлб. 217.

³ Герцен А.И. Революция в России // Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева: Вольная русская типография. 1857–1867. Лондон–Женева: в 11 вып. / Предисл. М.В. Нечкиной и Е.Л. Рудницкой. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. Факсимильное изд. Вып. 1. С. 11–14. С. 12.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Там же. С. 12.

наладить общую работу по улучшению положения в стране необходимо «перешагнуть за частоколы и заборы табели о рангах»¹.

Видный теоретик славянофильства И.С. Аксаков в цикле статей «О взаимном отношении народа, общества и государства», опубликованных в газете «День» в 1862 года разработал первую социологическую концепцию, основанную на трактовке понятия «общество», признаки которого, выделенные мыслителем, позволяют соотнести этот термин с понятием общественность.

По мнению И.С. Аксакова, «общество» представляет собой «мыслящий класс», в котором «совершается сознательная, умственная деятельность», также это наиболее просвещенная, образованная часть народа, прошедшая процесс самоопределения – «народ самосознающий». Общество занимает срединное место между «народом в его непосредственном бытии» и государством как «внешним определением народа». Оно сформировалось «из людей всех сословий и состояний... соединенных известным общим уровнем образования... Чем выше умственный и нравственный уровень, тем сильнее общество»².

Несомненной заслугой Аксакова является разработанный им подход к изучению «общества» как социокультурного явления без его внутреннего разграничения на сословия и «партии», без определения в нем как «прогрессивных», так и «охранительных» начал³, но с выделением групп по единству воззрений и целей, которые свободно возникают, объединяются или разъединяются между собой. Только общество, сознающее народные начала, «являющее высшую сознательную деятельность народного духа», способно

¹ Герцен А.И. Революция в России // Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева: Вольная русская типография. 1857–1867. Вып. 1. Указ. соч. С. 12.

² Аксаков И.С. О взаимном отношении народа, государства и общества // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/iaksakov_o_vzaimnom.html (дата обращения: 7.05.2018).

³ Аксаков И.С. Литература должна подлежать закону, а не административному произволу // Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность / Сост. С. Лебедева / Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 231–238. С. 234–235.

ограничить государственное вмешательство в общественную жизнь, установить его нравственные пределы. «Без спасительного света общественной критики легко заблудиться. Без свободной критики не может выработаться общественное сознание, – а поддержка общественного сознания составляет необходимое условие успеха всяких правительственных предприятий»¹.

Данное понимание термина «общество» не дает оснований для отождествления его с общественным слоем, обозначаемым в современной литературе термином «интеллигенция». Общество для Аксакова – это слой мыслящих людей, духовно высокоразвитых и осознающих свою просветительскую задачу по отношению к народу. Сам термин «интеллигенция» употребляется Аксаковым нередко с оттенком негативного значения, для обозначения образованных людей, чьи интересы расходятся с интересами народа, ориентированных на западные идеалы и ценности².

В 1850-е годы под воздействием уникального комплекса факторов (поражение в войне, смена императоров, необходимость проведения коренных преобразований, осознанная широкими кругами общественными и правительственными кругами) сформировалась новая модель взаимоотношений власти и общества, которую И.С. Аксаков стремился отразить в своей концепции «общества», приспособив к ней теоретические положения славянофильства. Не следует безоговорочно принимать позицию Н.И. Цимбаева, считавшего, что аксаковская концепция отразила те изменения, которые произошли в социальной структуре русского пореформенного общества³. Необходимо отметить тот факт, что И.С. Аксаков в своей теории отражал реалии общественно-политической жизни России

---

¹ Аксаков И.С. Литература должна подлежать закону, а не административному произволу // Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность / Сост. С. Лебедева / Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 237–238.

² Мотин С.В. О понятии «Интеллигенция» в творчестве И.С. Аксакова и П.Д. Боборыкина // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2012. №27. С.838–844. С. 840.

³ Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Изд-во МГУ, 1978. 264 с. С. 170–175.

кануна Великих реформ. Его концепция стала своеобразным теоретическим осмыслением взаимоотношений власти и образованного общества во второй половине 50-х годов XIX века.

Современник событий, известный русский писатель Ф.М. Достоевский в своей статье 1863 года также подводил своеобразный итог деятельности русского образованного общества в первые годы правления императора Александра II. Характеризуя особенности современной литературы, которая наиболее последовательно выражала основные тенденции в развитии общественной жизни, он отмечал, что в периодической печати повсеместно распространилось обвинение русского общества в несостоятельности, лени и недостатке у него самодеятельности. Однако Достоевский был категорически не согласен с этим обвинением. Писатель считал, что за первые годы царствования нового императора общественная деятельность увенчалась великолепным результатом: «...Все общество проснулось, восстало в одном великом движении и с верою и надеждою стало заявлять свои требования»¹. По его мнению, в период подготовки реформ общество «заявляло себя. Оно чувствовало свое право; оно начало все, что можно было начать; сделало все, что могло сделать; если чего не сделало, значит невозможно было то сделать...»². Достоевский приводил и конкретные примеры общественной самодеятельности, а также обращал внимание на отдельные внутривополитические вопросы, в разрешении которых русское общество проявило себя как довольно организованная и самостоятельная сила. Он призывал своих современников: «Вспомните: общество заявило себя и по вопросу о распространении обществ трезвости, и по вопросу о грамотности, и по вопросу о воспитании, и по вопросу о гласности, и по вопросу крестьянскому: оно составляло по этому вопросу съезды, комитеты, адреса. И большинство и меньшинство этих съездов заявляло, печатало свои мнения,

---

¹ Достоевский Ф.М. Журнальная заметка. О новых литературных органах и о новых теориях // Достоевский. Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. СПб: Наука, 1993. Т. 11. С. 287–301. С. 293.

² Там же. С. 289.

подавало их по начальству»¹. Таким образом, писатель, как и многие другие современники эпохи подготовки Великих реформ выделял этот период в качестве особого этапа в развитии прогрессивного движения русской общественности, становления ее самостоятельности и первых шагов на пути активной самодеятельности.

В целом, социальная структура общественности с трудом поддается четкому определению. Тем не менее, в данном понятии можно выделить две формы его реализации. Во-первых, общественность может выступать как носитель общественного мнения, а, во-вторых, как коллективный агент «конкретного социального действия или деятельности»². Таким образом, по своим основным признакам на протяжении XIX века российская общественность, связанная с отечественными практиками публичной коммуникации и гражданской самодеятельности, формирующая общественное мнение и проявлявшая пристальное внимание к общественно-политическим вопросам, представляет собой один из первых элементов гражданского общества в России.

Политика европеизации русской жизни и порожденный ею социокультурный раскол общества положили начало социокультурной модернизации в России, процессы которой, направленные прежде всего на развитие общественного сознания, на рубеже XVIII – XIX вв. вступили на новый этап своего развития, выразившийся в принципиальном расхождении позиций власти и европейски образованной общественности относительно дальнейших путей развития страны. Одновременно эти процессы привели к формированию трех противопоставляемых друг другу граней российского социума – власти, общества (общественности) и народа, находящихся при

---

¹ Достоевский Ф.М. Журнальная заметка. О новых литературных органах и о новых теориях // Достоевский. Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. СПб: Наука, 1993. Т. 11. С. 290.

² Волков В.В. Общественность: забытая практика гражданского общества // Электронная библиотека «Гражданское общество» [Электронный ресурс]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Volkov_praktika.pdf (дата обращения: 06.05.2018).

этом в тесной зависимости. Процесс раскола внутри самой общественности, выразившийся в размежевании русской общественной мысли на основные направления известные как консервативное, либеральное и радикальное, начавшись еще в первые десятилетия XIX века, в значительной степени углубился в период правления Николая I, который стал важным этапом для развития публичной сферы в России в последующее царствование Александра II.

Почти тридцатилетнее правление императора Николая I представляет собой противоречивую эпоху в истории России. До сих пор продолжаются споры историков, политиков, публицистов о том, чем стал этот период в истории развития России XIX века – «застоем» или «инкубационным периодом для реформ». Французский историк, специалист по истории России А. Безансон охарактеризовал позицию николаевского правительства относительно проведения внутренней политики как противоречивую, при которой оно на практике «продолжает линию просветителей и силится административными методами подтолкнуть Россию к современной европейской цивилизации», а с другой стороны «самовластно внедряет идеологию, полностью противоречащую его реальной деятельности»¹.

Общественно-политическое развитие России во второй четверти XIX века отличалось своеобразием и особым трагизмом, который заключался в дальнейшем размежевании между «недопросвещенной» самодержавной властью и образованным обществом. Выдающийся государственный деятель С.С. Уваров в письме к Николаю I, датированном мартом 1832 года, задавался вопросами, отражавшими в себе реакцию самодержавной власти на процессы социокультурной модернизации, протекавшие в стране: «Как идти в ногу с Европой и не удалиться от нашего собственного места? Каким искусством надо обладать, чтобы взять от просвещения лишь то, что необходимо для существования великого государства и решительно откинуть все, что несет в

---

¹ Безансон А. Советское настоящее и русское прошлое. Сборник статей / Пер. с франц. А. Бабича, М. Розанова. М.: Изд-во «МИК», 1998. С. 16.

себе семена беспорядка и потрясений?»¹. Поиском ответов на эти вопросы была обусловлена специфика развития интеллектуальной жизни русского образованного общества в годы правления Николая I.

По мнению В.О. Ключевского, после подавления восстания декабристов и на протяжении всего царствования Николая I, происходило кардинальное изменение вектора общественного развития². Усиление политической реакции, введение строгой цензуры и полицейского контроля над общественной жизнью радикально трансформирует характер взаимоотношений власти и общества. По словам современника Б.Н. Чичерина, в период правления Николая I: «В первый раз русское правительство, дотоле стоявшее во главе просвещения, выступало явным его врагом»³. Расхождение между передовой частью общества и правительством во взглядах на основные внутренне и внешнеполитические вопросы произошло еще во второй половине правления Александра I и ярко проявилось в восстании декабристов⁴. Но, в отличие от своего предшественника, император Николай был более последовательным в подавлении инакомыслия. По образному выражению историка А.А. Кизеветтера в николаевское царствование: «...Все живые побегии прогрессивной общественной мысли взнуздывались всезахватывающей политической опекой»⁵. Внутриполитический курс самодержавия, предполагавший «постепенное усовершенствование», обозначил отказ от всякого сотрудничества с обществом, превращая его в

---

¹ Уваров С.С. Письмо Николаю I / Зорин А.Л. Идеология «православия – самодержавия – народности»: Опыт реконструкции // Новое литературное обозрение. 1997. Т. 26. С. 96–100. С. 98.

² См.: Ключевский В.О. Курс русской истории: В 5 ч. СПб., 1904. 1146 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.runivers.ru/new_htmlreader/?book=7814&chapter=451301 (дата обращения: 20.05.2018); Платонов С.Ф. Время Николая I // Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории [Электронный ресурс]. URL: https://www.booksite.ru/localtxt/pla/ton/ov/platonov_s_f/44.htm#57 (дата обращения: 08.05.2018).

³ Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. Указ. соч. С. 8.

⁴ См.: Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М.: Высшая школа, 1993. С. 131–132, 143.

⁵ Кизеветтер А.А. Исторические очерки: Из истории политических идей. Школа и просвещение. Русский город в 18 в. Из истории России в 19 ст. М.: [ОКТО], 1912. С. 407.

объект неустанного попечения и пресекая любые попытки общественной самостоятельности, что привело в итоге к взаимному отчуждению власти и образованного общества к концу николаевского царствования.

Одним из ключевых противоречий и парадоксов Николаевской эпохи стало определяющее развитие общественной жизни этого периода сочетание всесторонней государственной опеки и административного гнета с расцветом русской общественной мысли и растущим интеллектуализмом общества, в недрах которого вызревали прогрессивные идеи и стремление содействовать власти в преобразовательном процессе. В самом широком смысле под интеллектуализмом следует понимать «насыщенность мыслями, идеями»¹ и, согласно замечанию известного немецкого философа Г. Гадамера, в развитии всякой культуры в определенный исторический период можно наблюдать «тягу к интеллектуализации, то есть просветительскую тенденцию»². Подобного рода тенденция в России второй четверти XIX века ярко проявилась в деятельности «прогрессивной» части русского общества, которая под воздействием стесняющего общественную инициативу николаевского политического режима стремилась впитать в себя новейшие достижения западной науки и общественной мысли, адаптировав ее достижения к российским реалиям и осознав себя в новом качестве активного субъекта общественно-политического процесса, способного противостоять правительству и наравне с ним участвовать в выборе стратегии развития страны.

Характеристика личных качеств государя была неотделима от общих оценок всего периода его правления, омраченного в особенности последними годами, когда, по мнению многих современников и исследователей, наступила мрачная реакция и безнадежный застой. Формирование стереотипных образов «Николая Палкина», «тюремщика русской свободы», закрепившихся в

---

¹ Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: ЭТС, 2010. 5140 с. С. 1910.

² Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 368 с. С. 93.

советской историографии берет свое начало с публицистической, обличительной деятельности современника императора А.И. Герцена, который говорил о Николае I: «Ум узок, сердца совсем нет», он «желал везде и во всем убивать всякий дух независимости, личности, фантазии и воли»¹. Личные качества, приписываемые императору, проецировались на весь период его царствования, которое Герцен называл «моровой полосой», а известный государственный и общественный деятель П. П. Семенов Тянь-Шанский «эпохой косности и обскурантизма»². Крайне негативный образ Николая I был сформирован русскими либеральными историками – современниками эпохи. Историк С.М. Соловьев, прозвал Николая I деспотом, который Россию превратил в казарму³. Выдающийся русский ученый Б.Н. Чичерин говорил о императоре: «Он был деспот и по натуре, и по привычке... Он не терпел никакой независимости и ненавидел всякое превосходство»⁴. На первое место во внутренней политике самодержавия выдвигалась тенденция к подавлению свободы личности и всякой общественной инициативы, скрываемая под личиной официально провозглашаемой охранительной концепции. Так, историк русской общественной мысли и русской интеллигенции Р.В. Иванов-Разумник характеризовал период правления Николая I как эпоху официального мещанства, в которой через теорию официальной народности распространилось «сугубо мещанское стремление поставить всех на одну шеренгу, выкрасить в общий серый цвет, обстричь под одинаковый уровень». По мнению исследователя, теория официальной народности, подавляя личность, беспощадно зафиксировала и закрепила все

¹ Герцен А.И. Былое и Думы. Ч. 1 – 3 // Lib.ru/Классика [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0090.shtml (дата обращения: 10.05.2018).

² Семенов-Тянь-Шанский П.П. Эпоха освобождения крестьян в России (1857 – 1861 гг.) в воспоминаниях П.П. Семенова-Тянь-Шанского: В 2 т. Т. 1. СПб: Тип. Мин-ва Путей сообщения, 1911. 440 с. С. 25.

³ Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/solovyev_s_m/solovyev_s_m_moi_zapiski.html (дата обращения: 08.05.2018).

⁴ Воспоминания Б.Н. Чичерина // Русское общество 40 – 50-х годов XIX в.: В 2-х ч. Ч. II. М.: Изд-во МГУ, 1991. 254 с. С. 110.

существующее, затормозила прогрессивное развитие. Над людьми, которые после восстания декабристов, при всесторонней опеке правительства должны были полностью излечиться от вольнодумства и легкомыслия, «устанавливается строгая дисциплина воспитания, цензуры, официального шпионства»¹. Но при этом, по мнению того же Иванова-Разумника, русская интеллигенция «не угасла духом, но наоборот, окрепла и возмужала, расцвела пышным цветом именно в эту страшную эпоху второй четверти XIX века»².

Николай I был достаточно последовательным, предпринимая меры по предотвращению событий подобных тем, что произошли 14 декабря 1825 года. По мнению историка А.Е. Преснякова, император на протяжении четверти века стремился решить главную задачу своего царствования – «сохранить в неприкосновенности свое самодержавие и задержать, по возможности, победу новых течений общественной жизни...»³. Тем не менее, даже в этих условиях русская общественность ради прогрессивного развития страны была готова на сотрудничество с николаевским режимом, в котором продолжали видеть силу, способную к преобразованиям вести страну по пути прогресса. Однако этот хрупкий консенсус между властью и образованной частью общества был нарушен в 1848 году, когда император из-за опасений перед внешней революционной угрозой перешел к откровенно реакционному курсу. В условиях «сильнейшей реакции в ничем неповинной России» большинство представителей русской общественной мысли в независимости от идейных направлений оказались в оппозиции к николаевскому правительству. В дальнейшем взаимное отчуждение власти и общественности продолжало нарастать⁴.

---

¹ Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли: Индивидуализм и мещанство в рус. лит. и жизни XIX в.: В 2-х т. Т. 1. СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1907. С. 138.

² Там же. С. 139.

³ Пресняков А.Е. Российские самодержцы / Под ред. А.Н. Казакевич. М.: Книга, 1990. 464 с. С. 294.

⁴ См. подробнее: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового

С 1848 года в России происходит невиданное до сих пор стеснение мысли, слова и общественной деятельности. Ужесточение цензуры посредством негласных комитетов полностью лишало общественность доступа к печати как к средству выражения своих желаний и стремлений¹. Николаевское правительство приняло все меры, чтобы европейские потрясения не привели к заражению общества «дерзкими и буйственными мудрованиями», издавалось огромное количество циркуляров «пресекающих, предупреждающих и сокращающих»². Писатель и историк литературы Н.А. Энгельгардт образно отметил, что «к 1848 году скопилась такая удушающая атмосфера, что писатель едва мог дышать»³. Современница событий А.Я. Панаева, входившая в круг писателей «Современника», писала о невероятных строгостях и препятствиях в допуске произведений к публикации: «Нас уверяли, что «Современник» непременно запретят; в редакции каждую минуту ждали ночного посещения жандармов»⁴. Писатель Ф.В. Булгарин, являясь осведомителем III отделения об общественных настроениях, в 1849 году писал его управляющему Л.В. Дубельту: «Нынешняя наша цензура дожила до высшей степени смешного. Составился целый список запрещенных слов: запрещается самое полезное и благонамеренное. По всей России кружат анекдоты, изображающие цензуру в смешном виде – и невольно все бестолковые ее действия относятся на счет правительства»⁵.

государства. Указ. соч. Т. 2. С. 219–220; Экштут С.А. Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного века. Указ. соч. С. 56–57.

¹ См. подробнее: Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры: (1700 – 1863 г.) СПб: Ф. Павленков, 1892. 495 с. С. 338–354.

² Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли: Индивидуализм и мещанство в рус. лит. и жизни XIX в.: В 2-х т. Т. 1. СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1907. С. 143–145.

³ Энгельгардт Н.А. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703 – 1903). СПб: А.С. Суворин, 1904. 389 с. С. 85.

⁴ Панаева А.Я. (Головачева) Воспоминания / Вступ. ст. К.И. Чуковского; прим. Г.В. Краснова, Н.М. Фортунатова. М.: Правда, 1986. 512 с. С. 185.

⁵ Булгарин Ф.В. Ф.В. Булгарин – Л.В. Дубельту. 5 октября 1849 / Докладные записки и письма Ф.В. Булгарина в III Отделение // Lib.ru/Классика [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/bulgarin_f_w/text_0050.shtml (дата обращения: 08.05.2018).

Современные исследователи называют «Мрачное семилетие» конца николаевского правления (1848 – 1855 годов) периодом «информационного коллапса», когда возрастающая потребность общественности в актуальной информации не могла быть удовлетворена имеющимися каналами, носящими к тому же официозный характер¹. Создавшаяся ситуация не могла продолжаться слишком долго, в литературных и научных кругах росло недовольство существующим политическим режимом. Исключительному надзору подверглись университеты, в которых было упразднено преподавание философии, прекратилась практика заграничных командировок в европейские университеты, число студентов было ограничено до 300 человек². Профессор Московского университета Т.Н. Грановский в письме к А.И. Герцену, характеризуя положение, сложившиеся от притеснительных мер правительства к 1850 году, писал: «Много порядочных людей впали в отчаяние и с тупым спокойствием смотрят на происходящее»³.

Но, если николаевская эпоха была временем притеснения и удушения всяческой свежей мысли, всяческого стремления к обновлениям и реформам, то откуда же тогда взялся тот слой либеральной бюрократии, как центральной, так и провинциальной, которая в содружестве с общественными деятелями стала основным двигателем буржуазных реформ 1860-х годов? Ответ на этот вопрос может быть дан исключительно путем выявления коренных внутренних противоречий николаевской эпохи. Одно из них состоит в том, что установление «цензурного террора» и повсеместного контроля над проявлениями общественной активности не могло остановить становления общественности в качестве значимой социально-интеллектуальной силы. Режим «мрачного семилетия» еще более усилил ее потребность в

---

¹ См. подробнее: Макушин Л.М. Информационная безопасность: цензурный режим и печать (1825 – 1855). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. 166 с.

² Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. Указ. соч. С. 191.

³ Герцен А.И. Былое и думы. Часть шестая. Англия (1852 – 1864) // Lib.ru/Классика [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0150.shtml (дата обращения: 08.05.2018).

самовыражении и обсуждении актуальных проблем российской жизни, что было обусловлено неразрешенностью и консервацией «больных» вопросов, а также развитием чуткого общественного сознания.

Помимо этого, следует упомянуть о том, что николаевская эпоха стала временем формирования высокопрофессиональных бюрократических кадров, обладавших достаточными знаниями и опытом для проведения коренных преобразований в государстве. Совместно с прогрессивными общественными деятелями, сотрудничая с ними, бюрократы новой формации были готовы решать многочисленные внутренние проблемы России¹. Их объединяло неприятие крепостничества и стремление содействовать монархии в деле реформирования страны. По словам Б.Н. Чичерина, они составляли меньшинство, но «значительное и просвещенное»². Сплочение либеральной части чиновничества и представителей общественности на основе единства взглядов и общей практической работы происходило в рамках деятельности созданного в 1845 году под председательством великого князя Константина Николаевича Русского географического общества и в примыкавшем к нему «интимном кружке» братьев Милютиных, а также в «литературном салоне» А.П. Елагиной³. «Новые люди» – крупные государственные деятели середины – второй половины XIX века, такие как Д.А. и Н.А. Милютины, А.В. Головнин, М.Х. Рейтерн, В.А. Татаринов, С.И. Зарудный и др., подготовившие и проводившие многие реформаторские проекты 1860-х годов, опыт практической работы и необходимые теоретические знания обрели в Министерстве государственных имуществ и Министерстве внутренних дел

---

¹ См. подробнее: Боборыкин П.Д. Подгнившие «вехи»: (Конспект публичной лекции) // В защиту интеллигенции: Сб. статей. М., 1909. С. 129–132, 134–135; Карпачев М.Д. Либеральные веяния русской бюрократии пореформенного времени // Вестник НВГУ. 2008. №1. С. 41–50.

² Чичерин Б.Н. Россия накануне XX столетия. Указ. соч. С. 12.

³ Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1843 – 1856 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М.: Российский архив, 2000. С. 136–137; Семенов-Тянь-Шанский П.П. Эпоха освобождения крестьян в России (1857 – 1861 гг.) в воспоминаниях П.П. Семенова-Тянь-Шанского: В 2 т. Т. 1. СПб: Тип. Мин-ва Путей сообщения, 1911. С. 13.

времен николаевского правления. П.П. Семенов-Тянь-Шанский отмечал, что «наибольший контингент лиц, способных для служения великому делу освобождения крестьян, приготовило из всех государственных учреждений то министерство, которое император Николай I называл своим «главным штабом» по крестьянскому делу, а именно Министерство государственных имуществ»¹.

Другим очагом формирования и распространения общественной мысли в России выступали отечественные университеты, образовательный уровень и кадровый состав которых в николаевскую эпоху значительно вырос. Лекции популярных преподавателей, приковывавшие к себе огромное внимание, литературная и научная жизнь, кипевшая в них в 1830 – 1840-е годы, интеллектуальная среда, в орбиту которой включалось все больше людей – все это способствовало развитию живой мысли, распространению просвещения. По словам выпускника Московского университета Б.Н. Чичерина: «Из университета выходили даровитые молодые люди, которые обещали прибавление новых сил к тесному кругу русского образованного общества»². Более того, по справедливому замечанию историка М.М. Шевченко, среднее столичное чиновничество в бытовом и идейном плане сливалось с общественностью, его настроения составляли весомый компонент в общественном мнении последних лет николаевского царствования³. Московский университет в 1840-е гг. выступал в качестве мощного аккумулятора идей, притягивая к себе мыслящую часть «молодой России», не только образовывал молодое поколение, но и содействовал формированию новых культурно-общественных связей, способа мыслей и характера действий. Писатель И.А. Гончаров, зачисленный в Московский университет

---

¹ Семенов-Тянь-Шанский П.П. Эпоха освобождения крестьян в России (1857 – 1861 гг.) в воспоминаниях П.П. Семенова-Тянь-Шанского: В 2 т. Указ. соч. Т. 1. С. 20.

² Там же. С. 28.

³ Шевченко М.М. Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М.: «Три квадрата», 2003. С. 181–182.

на словесное отделение в 1831 году отмечал особую свободу науки, царившую в университете и благотворно влиявшую на юные души студентов, для которых «университет отворял широкие ворота не в одну научную сферу, но и в самую жизнь».¹ Университет как научный и общественный центр в лице своих попечителей, профессоров и студентов оказывал влияние на общество, создавая вокруг себя особую социокультурную среду. К тому же Московский университет в 40-е годы XIX века представлял собой особую зону контактов, взаимовлияний и резких столкновений профессоров двух идейных направлений – западничества и славянофильства, не только по научным или учебно-методическим, но и по общественно-политическим вопросам. Чичерин отмечал, что «в то время словесный факультет был главным поприщем деятельности Шевырева и развития славянофильских идей; юридический же факультет был оплотом западников».² Но, несмотря на идейные разногласия, «люди сороковых годов» и профессора, и студенчество были интегральным целым, ощущая себя, особой частью русского общества, которая способствовала развитию национального самосознания и русской мысли. Современник, известный общественный деятель К.Д. Кавелин отмечал, что в Москве 1840-х годов «запасались и вырабатывались те нравственные силы, которые пошли в дело при начавшемся после Крымской войны обновлении нашего внутреннего быта и строя»³.

Именно в это время появляется особый тип профессора-просветителя – носителя гуманистических идей, сочетавшего в себе любовь к науке с вдохновенным отношением к искусству. Таким был профессор Московского университета Т.Н. Грановский, один из самых влиятельных ученых в московском образованном обществе, который по словам современника «...мог

---

¹ Гончаров И.А. Воспоминания. В университете // Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник / Сост. Ю.Н. Емельянов. М.: Современник, 1989. 736 с. С. 146.

² Воспоминания Б.Н. Чичерина // Русское общество 40 – 50-х годов XIX в.: В 2-х ч. Ч. II. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 14.

³ Кавелин К.Д. Т.Н. Грановский // Кавелин К.Д. Собр. соч. Т. 3. Стлб. 1075.

быть славою и красою любого университета. Его поэтическая личность, его яркий талант, его высокий нравственный строй делали его самым видным представителем этой блестящей эпохи университетской жизни».¹ Мысль Грановского о том, что российское самодержавие не исчерпало свой реформационный потенциал и способно возглавить преобразовательный процесс в стране, станет лейтмотивом деятельности либеральных чиновников и представителей общественности в период подготовки крестьянской реформы, студенческие годы которых пришлись на 1830 – 1840-е годы². По мнению специалиста в области системы университетского образования России XIX века Ф.А. Петрова, университеты России 1830-х – 1840-х годов подготовили кадры реформаторов эпохи Великих реформ. Исследователь отмечал: «Реформы 60-х годов обдумывались и облюбовались не в палатах тогдашних государственных мужей, а... в бедных студенческих квартирах и по скромным гостиним литераторов и ученых»³.

Николаевский режим, настаивающий на «основополагающем, онтологическом различии России и Европы», закреплённом в имперском лозунге «Православие, самодержавие, народность»⁴, способствовал активизации общественной мысли, представители которой именно во второй четверти XIX века разрабатывают ряд историко-философских концепций, отражающих представление об «особом пути» России в развитии мировой истории. Русское общество в 1840-е годы переживало настоящий духовный подъем, выразившийся в напряженных интеллектуальных исканиях, попытках обрести в спорах между западниками и славянофилами самосознание в процессах мировой культуры и тысячелетней русской истории. Американский

---

¹ Галахов А.Д. Записки человека. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 448 с. С. 27.

² Петров Ф.А. Российские университеты 40-х гг. XIX в. и деятели Великих реформ // Зайончковский П.А. 1904–1983 гг.: статьи, публикации и воспоминания о нем. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 205–218. С. 215.

³ Там же. С. 217.

⁴ См. подробнее: Удалов С.В. Империя на якоре: консервативная идеология в России второй четверти XIX века // Тетради по консерватизму: Альманах Фонда ИСЭПИ: № 4. М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2015. С. 80–94.

историк Р.С. Уортман называет интеллектуальную жизнь 1840-х годов, основное значение которой усматривается им в обретении образованным обществом нового представления об истине, подъемом российской интеллигенции¹. По мнению К.Д. Кавелина, в 1840-е годы произошло пробуждение в России умственной жизни, с неопределившимися еще стремлениями, без устоявшихся мнений и взглядов: «Тогда совершался такой же перелом в русской мысли, какой, вслед за тем, начался и во внутренней жизни России...»². Ученый рассматривал этот период идейного развития России в тесной взаимосвязи с эпохой Великих реформ, причем «перелом» в развитии общественной мысли, по его мнению, предшествовал переменам в социально-экономическом и политическом строе, идейно подготавливая преобразования, которые в 40-е годы XIX века оформлялись в концепциях западников и славянофилов.

К концу 40-х годов XIX века в России сложилась пусть и немногочисленная, но регулярно читающая публика, которая, расширяя свой кругозор и оттачивая мышление, не могла мириться с наложением запрета на свободную мысль. Именно в эти годы русская литература переживала свой «золотой век», а русская журналистика – расцвет и усиление общественного значения. Данные тенденции были связаны с условиями, в которых проходило становление российской публичной сферы в годы николаевского правления. При бдительном наблюдении за характером общественных настроений со стороны специально для этого созданного III Отделения, любое действие, имевшее политический подтекст, запрещалось и каралось властью, пресекалось мерами цензурного контроля. Такое положение способствовало тому, что именно литературная деятельность становится единственно возможной формой выражения гражданской позиции³. В соответствии с этим

---

¹ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2002 – 2004. Т.1: От Петра Великого до смерти Николая I. С. 26.

² Кавелин К.Д. Т.Н. Грановский // Кавелин К.Д. Собр. соч. Указ. соч. Т. 3. Стлб. 1077.

³ Berlin I. Introduction to Russian intellectual history. Anthology. Edited by Marc Raeff. N.Y.: HarcourtBrace & World, 1966. 404 p. P. 13.

характерно замечание В.Г. Белинского о том, что русская литература в 1830-1840-е годы приближается к периоду своей зрелости, характеризующийся обращением литераторов к отражению общественных явлений русской действительности и в особенности появлением среди них интереса к участи людей низших сословий¹.

Б.Н. Чичерин, рассматривая основные тенденции общественно-политического развития России на протяжении XIX века и взаимодействия в этом процессе власти с передовой частью общества, отмечал, что «...в царствование Николая I вся мыслящая часть русского народа смотрела на правительство, как на своего врага»². Этот укоренившийся за время николаевского правления общественный недуг, по мнению ученого, не смог излечить даже период подготовки и проведения Великих реформ царствования Александра II. Характеристика развития общественности в николаевское время, данная мыслителем, содержит в себе противоречие как прямое отражение протекавших на его глазах процессах. С одной стороны, именно на период правления Николая I и тот характер взаимоотношений, который установился между властью и обществом в это время, Чичерин возлагал основную вину за недопонимание между правительством и общественностью к концу XIX века превратившееся в пропасть между ними. Он особо подчеркивал, что угнетение мысли в николаевское царствование, достигшее крайней точки после 1848 года, «с водворением большей свободы» во второй половине 1850-х годов привело к распространению «крайних направлений», разгулу социалистической пропаганды, отравляющей молодежь³. С другой стороны, русское общество, несмотря на «суровый гнет, который над ним тяготел» во второй четверти XIX века сохранило в себе живую мысль и духовно созрело к концу николаевского царствования⁴.

---

¹ Пыпин А.Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов: Ист. очерки А.Н. Пыпина. Указ. соч. С. 465–466.

² Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. Указ. соч. С. 169.

³ Там же. С. 17.

⁴ Там же. С. 12.

Под иным углом на развитие общественных сил во второй четверти XIX века смотрел публицист и писатель начала XX века И.И. Колышко, взгляды которого на значение николаевской эпохи были близки воззрениям консервативного публициста князя В.П. Мещерского. Определяя закономерности развития духовной сферы в период правления Николая I, Колышко отмечал, что под гнетом власти расцвела духовная сторона жизни. «Без палки Николая I были бы Герцен, Пушкин, Гоголь?!», – восклицал автор и далее пояснял: «Дух, что пар в котле, требует мощных стенок и нагнетания»¹. Сравнивая развитие общественной мысли эпохи Николая I с Александровской эпохой Великих реформ, автор писал: «После Николая I в России стенки эти и гнет ослабели. Эпоха Александра II в смысле духовного самовозгорания была у нас мутной; духовная суть освободительных реформ накопилась предыдущей эпохой...». Николаевская эпоха, по мнению писателя, «...родила мощную публицистику и беллетристику, положивших основание для философского решения глубоких внутренних проблем»². Тем самым автор определял период николаевского правления как время развития средств, способных воплотить общественный потенциал и накопления духовных сил и «умственной мощи» общества, проявивших себя в эпоху падения крепостного права.

Видный юрист и общественный деятель В.Д. Спасович оставил ряд ценных замечаний, позволяющих охарактеризовать отношения власти и общества в период правления Николая I. Период правления Николая I он назвал эпохой «безусловного консерватизма». По мнению Спасовича, николаевская правительственная система «брезгала всякими другими средствами [управления – прим. автора], кроме чисто бюрократических, и не терпела никаких самопроизвольных проявлений неофициального патриотизма». Отсюда проистекало подозрительное отношение к

---

¹ Колышко И.И. Великий распад: Воспоминания / Сост. И.В. Лукоянова. СПб: «Нестор-История», 2009. 464 с. С. 243–244.

² Там же. С. 244.

славянофилам. Вследствие этого, по мнению Спасовича, власть «вовсе не расположена была входить в союз с прессою, допускать, например, действовать добровольцев-публицистов», даже если их позиция не противостоит правительственной политике, что было характерно, например, для получившего популярность и признание уже в царствование Александра II М.Н. Каткова¹.

Таким образом, николаевская эпоха представляла собой эпоху становления и интеллектуального взлета русской общественной мысли. В недрах созданной императором системы воспитывались кадры будущих реформаторов, развивалась напряженная умственная и духовная деятельность образованной части русского общества, а 1840-е годы вошли в историю России как «замечательное десятилетие» – время того усиленного интеллектуального движения, в ходе которого рождались вечные идеи об особом пути России, закладывались основные направления преобразовательной стратегии, идущей от образованного общества. Знаменитые идеалисты сороковых годов постоянно твердили о том, что «поколению их, как переходному, суждено только приготовить материалы для реформ и изменений»². Жесткая охранительная политика, проводимая в эпоху Николая I, стала тем «фактором давления», который способствовал концентрации русского общества, его сосредоточению на наиболее актуальных вопросах современности, осознанию невозможности успешного их разрешения без привлечения представителей общественности. В условиях цензурно-полицейского гнета общественность использовала любые легальные формы для интеллектуальной деятельности, находя в ней своеобразный выход для формирующихся в нем потребностей.

Можно выделить два основных фактора, способствовавших росту интеллектуализма общества в царствование Николая I. С одной стороны, в

---

¹ Спасович В.Д. Жизнь и политика маркиза Велепольского. Эпизод из истории русско-польского конфликта и вопроса. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1882. 342 с. С. 58.

² Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838 – 1848 // Литературные воспоминания / Вступит. статья В.И. Кулешова. М.: Худож. лит., 1983. 694 с. С. 205.

период, когда восстание декабристов указало на необходимость скорейших коренных преобразований во всем государственном строе, николаевское правительство, ведя неспешную подготовку реформ в обстановке бюрократической тайны, отгородилось от «всякого общения с живыми силами страны»¹. В свою очередь процессы социокультурной модернизации продолжали влиять на общественно сознание образованной части общества, которая в начале XIX века с общих отвлеченно философских рассуждений о взаимодействии русской и западной культур, о путях развития двух цивилизаций выходит из стадии теоретической созерцательности и ищет практического применения, накопленных в первой половине XIX века представлений о лучшем устройстве страны. С другой стороны, идейному росту общественности способствовала сама российская действительность: «безграмотность, неправосудие, разбой, крамолы, личности угнетение, бедность, неустройство, непросвещение и разврат»², состоявшая в совершенном противоречии с просветительскими идеями, широко распространившимися в образованном обществе.

На протяжении николаевского правления публичная сфера в России включала многочисленные площадки, на которых осуществлялось устное общение – «живые дискуссии», проходившие в полуприватном пространстве литературно-философских кружков, обществ, светских салонов и в широком интеллектуальном поле публичных лекций в университетах, на торжественных обедах, юбилеях, благотворительных публичных чтениях. Крупный общественный деятель К.Д. Кавелин, активный участник литературного салона А.П. Елагиной отмечал, что на протяжении всего царствования Николая I «в литературных кружках и салонах зарождалась,

---

¹ Кизеветтер А.А. Внутренняя политика в царствование императора Николая Павловича // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/kizevetter/kizevetter_vnutrennyaa_politika_v_carstvovanie.html#001 (дата обращения: 07.05.2018).

² Хомяков А.С. О старом и новом // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/nikolay1/homjakov_star_nov.html (дата обращения: 15.05.2018).

воспитывалась, созревала и развивалась тогда русская мысль, подготовлялись к литературной и научной деятельности нарождавшиеся русские поколения»¹, в них «зародилось и созрело все наше последующее умственное движение...»². Участник кружка славянофилов А.И. Кошелев писал о его влиянии, которое в последние годы николаевского правления, приобретало все более действенный характер «не только в литературной, но и в общественной, даже политической жизни России»³. Повышение значимости таких объединений было связано с цензурными условиями, при которых издательское дело и журналистика, несмотря на свой поступательный рост, обусловленный увеличением слоя образованных людей (к 1850-м годам в России насчитывалось около 20 тысяч лиц с высшим образованием⁴), было ограничено в своей деятельности запретом на обсуждение широкого круга вопросов, которые касались не только правительственной и административной деятельности, но и различных сфер общественной жизни. Причем на создание кружков наиболее передовых людей этого времени вдохновляла пропаганда идей, которая велась в 1840-е годы в журналах «Отечественные записки» А.А. Краевского и «Современнике» И.И. Панаева, ставших очагами культурного и интеллектуального развития этого периода.

Литература в самом широком своем значении в первой половине XIX века в связи с отсутствием в России каких-либо институтов, способных артикулировать общественную самодеятельность, взяла на себя выполнение общественно-политических функций. К концу николаевского правления общественность как никогда раньше стала испытывать острую потребность в

---

¹ Кавелин К.Д. Авдотья Петровна Елагина // Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1989. С. 320–335. С. 334.

² Кавелин К.Д. Т.Н. Грановский // Кавелин К.Д. Собр. соч. Т. 3. 1899. Стлб. 1075–1080; См. подробнее: Суровцева Е.В. Социокультурная ситуация при Николае I (1825 – 1855) // Современные научные исследования и инновации. 2011. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/06/610> (дата обращения: 07.05.2018).

³ Кошелев А.И. Записки // Русские мемуары. Избранные страницы. (1826 – 1856) / Сост. И.И. Подольская. М.: Правда, 1990. С. 138.

⁴ Экштут С.А. Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного века. Указ. соч. С. 64.

печатном слове. Профессор С.М. Соловьев вспоминал: «Несмотря на то, что мысль была в опале, скована цензурой, книжки журналов ожидались с нетерпением и прочитывались с жадностью...»¹. Именно общественно-литературная сфера в виде негосударственных организаций (литературные общества, салоны, кружки) и средств коммуникации (литературные журналы) составила институциональную опору для формирования публичной сферы во второй четверти XIX века.

В России второй четверти XIX века передовая мысль, выраженная в слове, становится тем средством, которое «созревшее» русское общество может предъявить власти в качестве мерила своей самостоятельности и показателя наличия у нее собственной позиции по «больным» вопросам страны. Общественность «уйдя в себя» после восстания декабристов, обнаружила внутри достаточно сил и интеллектуального потенциала, развивая который в годы николаевского царствования, смогла уже после смерти Николая I в виде идейного манифеста предъявить новому самодержцу собственные взгляды на решение внутривластных проблем.

Период правления Николая I, отличающийся высокой степенью интеллектуальной концентрации русского образованного общества, стал для него периодом самопознания. Связано это было с определенным уровнем развития публичной сферы в России, формирующейся под воздействием социокультурной модернизации. Процесс самопознания русской общественности протекал в постоянной апелляции к западноевропейскому опыту государственного и общественного строительства, с обращением к ценностям западной цивилизации, которые приобретали в русской общественной среде либо негативные, либо позитивные коннотации. От самопознания русское общество перешло к самоосознанию себя как активного

---

¹ Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/solovyev_s_m/solovyev_s_m_moi_zapiski.html (дата обращения: 08.05.2018).

субъекта, который вправе повлиять на принятие важных политических решений.

Завершение периода правления Николая I, далеко неоднозначного по своему характеру, ознаменовалось широким распространением критических и даже враждебных оценок современниками всего николаевского режима и личности императора. Данные настроения впервые открыто проявились в период Крымской войны 1853 – 1856 годов, когда под влиянием военных неудач и смерти императора патриотический подъем, ставший первоначальной формой социальной активизации, трансформировался в общественно-политический. На смену николаевскому царствованию шла новая эпоха, в которую характер взаимодействия власти и общества претерпит значительные изменения, в силу комплекса объективных и субъективных обстоятельств, приобретя ряд новых черт и особенностей.

1.2 Крымская война 1853 – 1856 годов как фактор изменения общественных умонастроений в России

В XVIII – XIX веках военный фактор играл огромную роль в истории внутреннего развития России, стимулируя модернизационные процессы в стране¹. Начиная с эпохи реформ Петра I преобразования, проводимые в стране, так или иначе были связаны с необходимостью ведения войны или поддержания боеспособности государства в мирное время. По мнению ряда исследователей, война вообще является основным условием прогресса, ликвидируя разнообразные пережитки старого общества и давая возможность для новых форм его организации².

Именно в царствование Петра I, на протяжении большей части которого велась Северная война, закрепилось традиционное для российского

---

¹ См. подробнее: Самохин К.В. Модернизация Российской империи в пореформенный период // Альманах современной науки и образования. 2013. №5 (72). С. 149–155.

² Гуревич П.С. Идет война кошмарная // Война и антивоина: что такое война и как с ней бороться на рассвете XXI века. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 412 с. С. 14.

имперского правительства тесное переплетение и взаимовлияние военных нужд и необходимости внутренних государственных преобразований¹. Данная особенность сохранялась на протяжении всего имперского периода.

Войны, которые Россия вела в XIX столетии, помимо влияния на социально-экономическую и военно-техническую сферы, оказывали огромное воздействие на крепнущее общественное и национальное самосознание, выступая мерилем уровня развития самостоятельности общественных сил и их независимости от самодержавной власти. Под общественным самосознанием в данном случае понимается категория, данная немецким социологом Г.А. Линднером, смысл которой заключается в том, что «отдельные личности не только принимают фактическое участие в богатой духовной жизни всего общества, но вместе с тем сознают это участие»². Один из наиболее ярких представителей славянофильства И. В. Киреевский отмечал характерную для образованного человека своего времени особенность: «Он хочет знать, что делается в мире, в судьбе ему подобных, часто без малейшего отношения к себе. Он хочет знать, чтобы только участвовать мыслью в общей жизни, сочувствовать ей изнутри своего ограниченного круга»³. Крымская война, как и «Гроза 12-го года» в значительной степени повлияли на формирование культуры «соучастия», со-бытия общества со своим государством на основе совместного коллективного действия, когда и общество и власть, разделяя общую ситуацию, проникаются духом эмоционально-интеллектуально-нравственной сопричастности⁴. При этом происходит постепенный переход от неререфлексивного фактического участия отдельных личностей и групп в материальной и духовной жизни общества к

---

¹ Самохин К.В. Северная война: первый опыт российской модернизации. Указ. соч. С. 181.

² Линднер Г.А. Общественное самосознание // Зомбарт В. Социология. Л.: Мысль, 1926. С. 30–34. С. 32.

³ Киреевский И.В. Обзорение современного состояния литературы // Полн. собр. соч.: В 2-х т. / Под ред. М.О. Гершензона. М.: Типография Императорского Московского ун-та, 1911. Т.1. 287 с. С. 123.

⁴ Яковлева Е.Л. Время собирать камни... // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1 (33). С. 119–124. С. 123.

осознанному и управляемому участию, что является важным этапом эволюции общественного сознания, составляющей интеллектуально-психологическую основу социокультурной модернизации общества.

После Отечественной войны 1812 года внимание русской общественности к внешнеполитическим событиям значительно возросло, что было обусловлено формированием независимого общественного мнения. Непрерывные военные конфликты, которые Россия вела на Ближнем востоке против Персии и Османской империи, на Западе против Польши вызывали неослабевающий интерес у общества, которое не только следило за ходом военных действий, но и формировало собственное мнение о них. Так, в частности, в период русско-турецкой войны 1828 – 1829 годов начальник III Отделения А.Х. Бенкендорф в своих ежегодных отчетах о состоянии общественного мнения указывал, что оно сформировало свое собственное отношение к командованию русских армий, характеру их деятельности, общему ходу и итогам военной кампании, которое далеко не всегда совпадало с официальной точкой зрения¹. Шефом жандармов объясняет это большой долей национального самолюбия, непониманием в массах политических затруднений и увлеченностью мелким тщеславием. Несмотря на успешное завершение войны и выгодный для России Андрианопольский мир общество не испытывало полного удовлетворения: «все ждали занятия Константинополя»².

Из всех событий XIX столетия самое значительное влияние на русское общество оказала Крымская война, которая привела к росту его социально-политической активности, что во многом способствовало началу глубоких внутренних преобразований в России. После войны в развитии общественного самосознания начинается новый этап, который выражался в резкой

---

¹ Гр. А.Х. Бенкендорф о России в 1827 – 1830 гг. (Ежегодные отчеты III отделения и корпуса жандармов) // Красный архив. 1929. Т. 6 (37). С. 138–174. С. 159.

² Там же. С. 113–114.

активизации интеллектуальной деятельности представителей русской общественной мысли.

Крымская война отличается от предшествующих русско-турецких противостояний XVIII – XIX веков тем, что противниками России, наряду с Турцией, выступили передовые европейские державы – Англия и Франция. Активное вмешательство западноевропейских стран и крайне затруднительное положение России, оказавшейся в состоянии войны против коалиции могущественных государств, не имея союзников, воспринималось современниками как столкновение двух гигантских и противоречивых сил: «Восток и Запад, мир Славянский и мир Латинский, православная церковь в борьбе не только с Исламом, но и с прочими христианскими исповеданиями...»¹. Крымскую войну как противостояние двух миров – России и Запада – через призму религиозного столкновения рассматривал видный теоретик славянофильства А.С. Хомяков. В брошюре «Несколько слов православного христианина», опубликованной в 1855 году он подчеркивал, что несмотря на политические основания борьбы «на одной из воюющих сторон стоят исключительно народы, принадлежащие православию, а на другой римляне и протестанты, обступившие исламизм»². С другой стороны, об этом же говорил английский статс-секретарь по иностранным делам лорд Кларендон, характеризуя Восточную войну как битву «цивилизации против варварства»³.

В определении характера Крымской войны как межкультурного и межцивилизационного противостояния применима концепция английского историка А. Тойнби «вызов-ответ», в соответствии с которой Крымскую войну

---

¹ Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник, 1853 – 1855 / Под ред. С.В. Бахрушина и М.А. Цявловского. М.: СП Интербук, 1990. 220 с. С. 123–124.

² Хомяков А.С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу одного окружного послания Парижского архиепископа // Хомяков А.С. Полн. собр. соч.: В 2-х т. / Под ред. Ю. Самарина. Прага: Тип. д-ра Ф. Скрейшовского, 1867. Т. 2: Сочинения богословские. С. 85.

³ Цит. по: История дипломатии: В 2-х т. / Под ред. В.П. Потемкин, сост. С.В. Бахрушин и др. М.: Соцэкгиз, 1941. Т. 1. 566 с. С. 447.

следует рассматривать как «вызов» среды внешнего окружения к российской цивилизации, а также как «стимул удара», повлиявший на российское творческое меньшинство, которое занялось подготовкой «ответа» западным индустриальным цивилизациям на новом этапе качественных изменений, которые повлекла за собой непрекращающаяся социокультурная трансформация¹. Многие современники в последующем отмечали, что военные неудачи пробудили русское общество от «летаргического сна», в котором оно находилась на протяжении николаевского царствования². Так, по мнению известного современника событий Б.Н. Чичерина, в результате череды неудач России в Крымской войне русское образованное общество оказалось пораженным в самых заветных своих чувствах – «в сознании своей мощи», т.е. внешнеполитического могущества империи. После этого потрясения оно уже не могло оставаться в прежних рамках николаевской системы и, по словам мыслителя, «с неудержимой силой стремилось выйти из того невыносимого положения, в которое поставил его беспощадный и слепой деспотизм Николая I»³. Необходимо отметить, что, по мнению Тойнби, именно творческое меньшинство «вдыхает в социальную систему новую жизнь»⁴ и применительно к середине XIX века его следует отождествлять с просвещенной бюрократией в союзе с образованной частью русского общества. Не следует забывать о том, что в российских условиях середины XIX века цивилизационный подход Тойнби применим с долей значительных оговорок, но он может быть использован в качестве обобщающей культурологической схемы для исследования циклических процессов в обществе.

---

¹ См. подробнее: Елин С.П. Элита и циклические процессы в обществе // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2012. №10. С. 85–90.

² Феоктистов Е.М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы 1848 – 1896 // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/feoktistov/feoktistov_zh_kulisami_politiki_i_literatury.html (дата обращения: 16.12.2018).

³ Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. Указ. соч. С. 10.

⁴ Тойнби А. Постигание истории. Указ. соч. С. 213.

Ни одна из предшествующих войн, которые вела Россия, не воспринималась обществом с таким острым противоречием. Исходя из классификации войн, разработанной известным военным историком А.А. Керсновским, Крымская война по своей официальной форме и по мнению подавляющей части русского общества (по крайней мере на начальном этапе) являлась справедливой, то есть велась в защиту высших духовных ценностей¹. В то же время уверенность в необходимости вооруженного покровительства братским славянским народам Балкан, а также готовность к защите собственной страны с оружием в руках и вера в непогрешимость внешнеполитического курса, проводимого императором, вступали в острое противоречие с осознанием необходимости внутриполитических преобразований, невозможных в условиях неизбежного укрепления режима, вызванного победоносной войной.

Противоречивое отношение к Крымской войне, сформировавшееся у современников, привело к двойственности историографических подходов к ее изучению². Историки дипломатии и военные историки рассматривают войну как закономерный эпизод в нескончаемой борьбе великих держав за сферы влияния в слабеющей Османской империи, в результате которого Россия потерпела неудачу, без каких-либо серьезных территориальных уступок³. С другой стороны, для внутреннего развития России поражение в Крымской войне стало переломным моментом, обернулось «крахом николаевского режима» и вызвало в обществе небывалое оживление, отразившееся в общественно-политическом подъеме первых лет правления Александра II. Катастрофический характер, который придавался Крымской войне, в научной

---

¹ Керсновский А.А. *Философия войны*. М.: Анкил-воин, 1995. 240 с. С. 16.

² См. подробнее: Толстой С.Г. *Отечественная историография Крымской войны (вторая половина XIX – первая половина XX вв.)*: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 272 с. С. 35.

³ Богданович М.И. *Восточная война 1853 – 1856 годов*: В 4-х т. СПб: Тип. Ф. Сущинского, 1876. Т. 1. 278 с.; Дубровин Н.Ф. *История Крымской войны и обороны Севастополя*: В 3-х т. СПб: тип. Т-ва «Обществ. Польза», 1900. Т.1. 438 с.

литературе обычно связывался с «неумелым» военным руководством и общей несостоятельностью николаевского режима¹.

Настроения, господствовавшие в начальный период Крымской войны, имели много общего с эпохой «Грозы 12-го года». Ф.И. Тютчев, с конца 1830-х годов живший предчувствием нового столкновения с европейскими странами, охарактеризовал Отечественную войну 1812 года и Крымскую войну как «Пунические войны» Запада против России². Угроза территориальной целостности и независимости страны, идущая извне со стороны могущественной европейской коалиции, привела к ответной реакции русского общества, нашедшей свое выражение в широком патриотическом подъеме, охватившем все слои русского общества, начиная с образованных кругов и заканчивая крестьянством.

Под патриотизмом понимается «единство духовности, гражданственности и социальной активности человека, является действенной побудительной силой и реализуется в деятельности личности на благо Отечества»³. При этом, патриотизм является сложным, многоаспектным явлением. В зависимости от конкретно-исторической ситуации в обществе он может варьироваться от полной поддержки существующего политического режима до его жесткой критики и полного отрицания. На протяжении Крымской войны патриотические настроения в русском обществе прошли эволюцию от восторженно-воодушевленного патриотизма, отчасти стимулируемого верховной властью, к рационально-критическому, суть которого изложил еще П.Я. Чаадаев в выражении: «Я предпочитаю бичевать свою родину, предпочитаю огорчать ее, предпочитаю унижать ее, только бы

---

¹ См. подробнее: Бестужев И.В. Крымская война 1853 – 1856 гг. М.: Издательство АН СССР, 1956. 174 с. С. 14.

² Тютчев Ф.И. Письма во время Крымской войны. 1855 г. // Русский архив. 1899. №2. С. 505–520. С. 518.

³ Лутовинов В.И. Современный Российский патриотизм: сущность, особенности, основные направления // Studia Humanitatis. 2013. № 2. С. 18–45. С. 27.

не обманывать»¹. При этом в эпоху Крымской войны патриотические настроения в русском обществе не ограничивались только оценками – восторженными или критическими. Особенностью этого конфликта было чрезвычайно широкое проявление так называемого деятельного патриотизма, выразившегося в активной сопричастности трудностям и невзгодам, с которым столкнулась страна в период войны. Это выразилось в массовом ополченческом движении, в огромных денежных пожертвованиях со стороны различных кругов общества², формировании отрядов милосердия и т.д.

Вступая в войну, николаевское правительство стремилось создать официальную версию надвигавшегося конфликта, с целью разжечь патриотический энтузиазм в обществе, проводя параллели с Отечественной войной 1812 года. В ответном письме Николая I Наполеону III, ставшего достоянием гласности, император писал следующее: «На что бы Ваше Величество не решилось, я не отступлю ни пред какою угрозою. Доверяю Богу и моему праву, и Россия, ручаюсь в том, явиться в 1854 году такою же, как была в 1812-м»³. В Высочайшем Манифесте, вышедшем после вступления в войну Англии и Франции, вновь звучит призыв к народной памяти о событиях 1812 года и подтверждается готовность встретить врага с твердостью: «Мы и ныне не тот ли самый народ Русский, о доблестях коего свидетельствуют достопамятные события 1812 года. Да поможет нам всевышний доказать сие на деле!»⁴. Одновременно с этим, в официальных документах и правительственных органах печати настойчиво проводилась мысль о «справедливом» характере вооруженного конфликта, в котором Россия выполняла священную миссию защиты братских единоверных народов Балкан

---

¹ Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего // Полн. собр. соч. и избр. письма: В 2-х т. М.: Наука, 1991. Т. 1. С. 523–538. С. 469.

² РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 805. Л. 2.

³ Ковалевский Е.П. Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 годах. СПб: Тип. братьев Глазуновых, 1871. 345 с. С. 301.

⁴ Цит. по: Ковалевский Е.П. Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 года. Указ. соч. С. 136.

и Закавказья¹. Подчеркивалось, что эта война была частью многовековой борьбы России против притеснителей православной христианской веры². В Манифесте от 20 октября 1853 года, вышедшем в ответ на объявление Турцией войны России, Николай I провозглашал: «Россия вызвана на брань: ей остается, возложив упование на Бога, прибегнуть к силе оружия, дабы принудить Порту к удовлетворению за те оскорбления, коими отвечала она на самые умеренные наши требования и на законную заботливость нашу о защите на Востоке православной веры, исповедуемой и народом русским...»³. Эта же идея развивается и в Высочайшем Манифесте 11 апреля 1854 года, собственноручно написанном императором: «Православной ли России опасаться сих угроз? Готовая сокрушить дерзость врагов, уклонится ли она от священной цели, Промыслом Всемогущим ей предназначенной? Нет! Россия не забыла Бога! Она ополчилась не за мирские выгоды; она сражается за Веру Христианскую и защиту единоверных своих братьев, терзаемых неистовыми врагами»⁴. Дореволюционный историк русской литературы и общественной мысли Н.П. Барсуков справедливо отмечал: «Покровительство восточным Христианам Русский царь считал принадлежностью своей короне, миссию, завещанную ему от предков»⁵.

Православная церковь, являясь государственным институтом, с первых дней войны распространяла в обществе официальную точку зрения на военный конфликт и помогала светской власти решать задачи, связанные с общенациональными интересами и усилением патриотических чувств. Церковными иерархами трактовали войну как «брань народа Божия с

¹ См.: Новости заграничные // Северная пчела. 1855. № 44. С. 221.

² Тарле Е.В. Крымская война. Т. 1. С. 264.

³ Высочайший манифест «О войне с Оттоманскою Портою». 20 октября 1853 г. // Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собр. 2-ое. Т. XXVIII. Отд. 1-е. № 27628. С. 490–491. С. 490.

⁴ Собственноручно написанный и исправленный Императором Николаем манифест 11 апреля 1854 г. // Николай Первый и его время: Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков / Сост. вступ. ст. Б.Н. Тарасов. М.: ОЛМА-Пресс, 2000. Т. 1. [Электронный ресурс]. URL: http://gosudarstvo.voskres.ru/tarasov/nic2_1.htm#11 (дата обращения: 08.07.2018).

⁵ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 13. Указ. соч. С. 1.

язычниками»¹, а также их западными покровителями враждебными православной вере. Так, в письме Московского Митрополита Филарета к адмиралу П.И. Рикорду говорится о том, что Россия, ведущая борьбу против гонителей христианства, получила неожиданный удар со стороны неправославного Запада – «именующиеся Христианами явились друзьями врагов и мучителей Христианства»². Учитывая сильное влияние церкви на население, можно утверждать, что подобная точка зрения стала всеобщей. Главная же цель войны, с точки зрения церкви, заключалась не только в защите своего Отечества, но и в том, чтобы «растерзать узы» под чуждым игом страждущих «единоверных нам сынов православного Востока»³.

Начало войны вызвало в обществе патриотическое воодушевление, сила которого была обусловлена выходом накопившейся прогрессивной энергии, сдерживаемой в предшествующий период гнетом николаевского режима. Будущий консервативный идеолог В.П. Мещерский писал об этом времени: «Нигде, ни в каких умах не чувствовалось и не слышалось иного настроения, как патриотической готовности идти навстречу этой войне, невзирая ни на какие угрозы»⁴. Видный представитель славянофильства К.С. Аксаков в разгар Крымской войны писал: «Строгое время, в которое мы живем, требует откровенного слова»⁵. Возникшее в годы войны в обществе стремление к самовыражению привело к тому, что общественное мнение стало восприниматься современниками как «новая сила, вызванная наружу тяжелыми обстоятельствами, в которых находится отечество, и призванная на обновление русского государства»⁶. В 1854 году в списках распространяется стихотворение К.С. Аксакова «Свободное слово», выразившее стремление

¹ Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 13. Указ. соч. С. 9.

² Письмо Московского Митрополита Филарета // Морской сборник. 1854. №5. С. 41–43. С. 42.

³ Там же. С. 42

⁴ Мещерский В.П. Воспоминания. М.: Захаров, 2003. 862 с. С. 19.

⁵ Цит. по: Цимбаев Н.И. Записка К.С. Аксакова «О внутреннем состоянии России» и ее место в идеологии славянофильства // Вестник МГУ. 1972. № 2. Серия 8. История. С. 47–60. С. 53.

⁶ ОР РГБ. Ф. 557. Кар. 5. Д. 61. Л. 1 об.

всей передовой общественности к свободному выражению мыслей, которое воспринималось как действенное средство против невежества и лжи, как всеобщее движения к «к свету... к правде»¹. Об общественном оживлении 1853 года в ноябрьском письме к жене писал Ф.И. Тютчев: «...Теперь поговорим о политике, возникающие заботы которой нарушают общее оцепенение, владевшее всеми до сих пор. Отрезвление произошло, и начинают понимать...»².

Вместе с тем, надвигающаяся война с могущественными европейскими державами вызывала в обществе неясные, тревожные ожидания надвигающихся опасностей. В конце 1853 года И.С. Аксаков в переписке с А.И. Кошелевым отмечал: «...События столпились, теснят и давят друг друга; отовсюду надвигаются тучи; в воздухе веет грозой!»³. Б.Н. Чичерин в своих воспоминаниях передает схожее настроение, также сравнивая готовившийся военный конфликт с «грозой», которая принесет неминуемые изменения: «Но уже приближалась гроза, которая должна была освежить тот спертый и удушливый воздух, которым мы дышали. Издали уже слышались раскаты грома; они раздавались все ближе и ближе. Наконец, гроза разразилась в самых недрах отечества. С напряженным вниманием следило русское общество за всеми переходами этой войны»⁴.

Большая часть русского общества, несмотря на «ум, пораженный ужасом», была уверена в успешном исходе войны для России. 1 февраля 1854 года С.Т. Аксаков писал младшему сыну: «Политический горизонт становится час от часу мрачнее, и грозных туч накапливается больше. Меня не покидает убеждение, что из этой страшной войны Россия выйдет торжествующей». Далее он продолжал, что, если «только государь скажет: все против нас,

¹ Аксаков К.С. Свободное слово ПАРТИЯ [Электронный ресурс] URL: <http://apesni.org/starrev/aksakov-k.htm> (дата обращения: 08.05.2018).

² Тютчев Ф.И. Письма Эрн. Ф. Тютчевой // Тютчев Ф.И. Избранные сочинения / Сост. Б.Н. Тарасов. М.: РОССПЭН, 2010. С. 262.

³ И.С. Аксаков – А.И. Кошелеву. 25 декабря 1853 // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 3. С. XX–XXI, XXIV.

⁴ Воспоминания Б.Н. Чичерина. Указ. соч. С. 105–106.

против православной веры нашей... – такие чудеса понаделаются, каких история еще не видела. Денег и войска явится столько, что некуда будет девать... Я признаюсь тебе, что в 1812 году дух мой не был так взволнован, как нынче, да и вопрос был не так значителен»¹. Русских археолог П.С. Савельев в январе 1854 года писал из Петербурга профессору Московского университет М.П. Погодину, с которым его объединяли славянофильские взгляды: «Мы, конечно, сильны верою и убеждением: мы победим»². Еще до объявления войны, 4 октября 1853 года близкая к славянофилам фрейлина А.Ф. Тютчева в своем дневнике отмечала: «Сомнения нет, мы, Россия, на стороне правды и идеала: Россия сражается не за материальные выгоды и человеческие интересы, а за вечные идеи. Потому невозможно, чтобы она была побеждена, она должна, в конце концов, восторжествовать»³. В русском обществе получают распространение эсхатологические настроения, в контексте которых надвигающееся военное столкновение рассматривалось как реализация исторического предназначения России. По мнению выдающегося религиозного философа Н.А. Бердяева, это настроение было характерно для истории любого христианского народа и «особенно остро чувствовалось в катастрофические эпохи, в войнах, в революциях, в кризисах цивилизации», а ужасы войны «дают людям острое эсхатологическое чувство приближения конца»⁴. Наглядным примером этих настроений может служить мартовское стихотворение 1854 года А.С. Хомякова под названием «Суд Божий», в котором звучит призыв к Всевышнему: «Твой суд совершится в огне и крови / Свершат его слепо народы... / О Боже, прости их и всех призови! / Исполни их веры и братской любви, / Согрей их дыханьем свободы!»⁵. Другой теоретик славянофильства И.В. Киреевский также осознавал особое, историческое

¹ Цит. по: Тарле Е.В. Крымская война. Указ. соч. Т. 1. С. 422.

² Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 13. Указ. соч. С. 35.

³ Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Указ. соч. С. 123–124.

⁴ Бердяев Н.А. Война и эсхатология // Путь. 1939 – 1940. № 61. С. 3–14. С. 4.

⁵ Хомяков А.С. Суд Божий // Lib.ru/Классика [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/h/homjakow_a_s/text_0010.shtml (дата обращения: 08.05.2018); См. также: Тарле Е.В. Крымская война. Указ. соч. Т. 1. С. 462–463.

значение переживаемого момента и писал И.С. Аксакову в апреле 1854 года: «Время такое необыкновенное, какое бывает только в тысячетлетние переломы эпох: все времена слились: в настоящем и прошедшее не уходит, и будущее прежде прихода ощутительно. А между тем все неожиданно и удивительно. Тайна веков слышна и Провидение видимо»¹. По мнению С.Т. Аксакова, война для России должна стать своеобразным «моментом истины». Ее исход должен решить: «...Взойти ли России на высшую ступень силы и славы или со стыдом и смирением сойти с того высокого пьедестала, на котором она стоит теперь»².

Следует отметить, что именно славное боевое прошлое Российской империи вселяло в русское общество непоколебимую уверенность в военном могуществе страны. По мнению князя Д.А. Оболенского, для общественного мнения естественно находиться «в приятном обольщении насчет славы России». Он подчеркивал, что такое «общественное мнение» создано самим правительством, «которое постоянно твердит нам одно: что мы непобедимы и могущественны, что у нас все есть и что превосходно, что в особенности военная часть доведена до совершенства и что самая война произошла от того, что все завидуют нашему могуществу»³. Эту мысль в своих воспоминаниях подтверждал писатель Н.С. Лесков: «Все мы тогда чувствовали себя необыкновенно веселыми и счастливыми, бог весть отчего и почему. Никому и в голову не приходило сомневаться в силе и могуществе родины... Все как-то смахивали тогда на воробьев последнего тургеневского рассказа: прыгали, чирикали, наскакивали, и никому в голову не приходило посмотреть, не реет ли где поверху ястреб, а только бойчились и чирикали: – Мы еще повоюем, черт возьми! Воевать тогда многим ужасно хотелось. Начитанные люди с

---

¹ И.В. Киреевский – И.С. Аксакову. 8 апреля 1854 // Киреевский И.В. Избранные статьи / Сост. В.А. Котельников. М.: Современник, 1984. С. 327.

² Цит. по: Тарле Е.В. Крымская война. Указ. соч. Т. 1. С. 422.

³ Оболенский Д.А. Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. Указ. соч. С. 67.

патриотической гордостью повторяли фразу, что «Россия – государство военное ...»¹.

Но, в то же время, необходимо отметить, что далеко не все представители просвещенного общества были уверены в удачном для России исходе надвигавшейся войны. Ф.И. Тютчев, которого многие современники называли поэтом-пророком, незадолго до вступления в войну Англии и Франции, трезво оценивая внешнеполитическую обстановку, писал: «Мы, по всем вероятностям, накануне одного из самых ужасных кризисов, когда-либо потрясавших мир. Перед Россией встает нечто еще более грозное, чем 1812 год... Россия опять одна против всей враждебной Европы... Иначе и не могло быть; только глупцы и изменники этого не предвидели»².

На начальном, русско-турецком этапе войны общественные настроения во многом перекликались с позицией официальных источников и были направлены на поддержку правительственного курса относительно судьбы Османской империи. В частности, младший из братьев Аксаковых – Иван Сергеевич в конце 1853 года писал другому видному славянофилу А.И. Кошелеву: «Я доволен 1853 годом и по многим нравственным результатам для себя, а для общественной жизни по выдвинутым им вопросам, хотя бы по Турецкому!»³. Западники также рассматривали начавшуюся войну как уникальную возможность для России защитить свои внешнеполитические принципы и укрепить позиции страны в турецких делах⁴.

Военные победы в ноябре 1853 года на Кавказе и Черном море воодушевили русское общество, все больше убеждая его представителей в

---

¹ Лесков Н.С. Печерские антики (Отрывки из юношеских воспоминаний) // Lib.ru/Классика [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/l/leskow_n_s/text_0300.shtml (дата обращения: 08.05.2018).

² Тютчев Ф.И. Сочинения: В 2-х т. М.: Художественная литература, 1984. Т. II. Письма. 447 с. С. 206.

³ И.С. Аксаков – А.И. Кошелеву. 25 декабря 1853 // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 3. С. XX–XXI, XXIV.

⁴ Вернадский И.В. Романское начало и наполеониды. СПб: Тип. Э. Веймара, 1855. 52 с. С. 2; К.Д. Кавелин о смерти Николая I: Письма к Т.Н. Грановскому / Статья и коммент. Ш.М. Левина // Литературное наследство. М.: АН СССР, 1931 – 2008. Т. 67. 1959. С. 591–614. С. 605.

способности России отстаивать свои интересы и помочь «народам соплеменным, чающим избавления». Профессор Московского университета С.П. Шевырев в январском письме 1854 года Погодину отмечал: «От всей России войне сочувствие. Флигель-адъютанты доносят, что таких дивных и единодушных наборов еще никогда не бывало»¹. Историк особо отметил изменение общественных настроений, произошедшее в столице: «Никогда еще мнения в Петербурге, так резко не высказывались, как теперь. Русского тотчас отличишь от западника. Жертвовать все готовы. Есть движения, напоминающие двенадцатый год...»². Гораздо позже, спустя десятилетие И.С. Аксаков, не раз возвращавшийся к оценке исторического значения Крымской войны, во время польского восстания 1863 года, назовет патриотизм 1853 года «простодушным»³, неприемлемым в новых исторических условиях.

Патриотический подъем, в наибольшей степени охвативший славянофильские круги, привел к появлению целой серии патриотических произведений, стихов, пьес, проникнутых верноподданническими настроениями. Военные стихотворения славянофилов проникнуты национальными и религиозными мотивами, уверенностью в особом историческом предназначении России, грядущем военном триумфе страны. К.С. Аксаков начало войны встретил стихотворением «Орел России», в котором с помощью поэтических средств стремился обосновать исторические притязания России на Константинополь⁴. И.С. Аксаков в апреле 1854 года отразил свои впечатления – приближение «чудного мига», наполненного для России «новой славой», в стихотворении «На Дунай!»⁵. Поэт и композитор

¹ Цит. по: Зайончковский А.М. Восточная Война 1853 – 1856: В 2-х т. СПб: Полигон, 2002. Т. 2. 566 с. С. 378.

² Цит. по: Зайончковский А.М. Восточная Война 1853 – 1856. Указ. соч. Т. 2. С. 378.

³ Аксаков И.С. Как России готовиться к войне // Lib.ru/Классика [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/a/aksakow_i_s/text_1860_kak_rossiya_gotovirtsya_oldorfo.shtml (дата обращения: 08.05.2017).

⁴ Троицкий В.Ю., Лебедев Е.Н. Поэзия славянофилов // Литературные взгляды и творчество славянофилов: 1830 – 1850-е годы / Отв. ред. К.Н. Ломунов. М.: Наука, 1978. С. 290–368. С. 326.

⁵ См. подробнее: Ожерельев К.А. Ода И.С. Аксакова «На Дунай! туда, где новой славы...» (1854) как отражение историософских и эстетических взглядов славянофильства //

Ф.Н. Глинка ответил на объявление войны военно-патриотическое стихотворением «Ура! На трех ударим разом...»¹, которое было опубликовано в № 1 «Северной пчелы» 2 января 1854 года и затем вышло отдельным изданием с иллюстрациями, получив широкую известность среди населения, продавалось в пользу раненых солдат и матросов по 10 копеек серебром за экземпляр². Это стихотворение, отражающее характерный для всей страны настрой на борьбу, проникнутое уверенностью в военном успехе России, через напоминание о русских боевых победах в наполеоновских войнах, о чести и славе русского оружия, было призвано консолидировать нацию в борьбе с неблагодарными, по мнению современников, предавшими христианство англичанами и французами в нечестивом союзе с турками.

Участник войны 1812 года, знаменитый поэт П.А. Вяземский откликнулся на события Крымской войны циклом патриотических произведений, пользовавшихся большой популярностью в обществе и при дворе. В 1854 году был выпущен небольшой сборник военных стихотворений Вяземского «К ружью!». Стихотворение-призыв с одноименным названием, помещенное в сборнике, в котором с восторженным задором звучит всеобщая готовность защищать родной край в момент очередной опасности: «Вражда и страсть нас вызывают к бою... / Ничтожный гнев поток перед скалою! / Волнам скалы не одолеть»³, было отправлено автором с письмом выдающимся военным деятелям П.С. Нахимову и В.О. Бебутову. Другое известное стихотворение поэта «Песнь русского ратника» проникнутое глубоким

Филология и лингвистика в современном обществе: материалы II междунар. науч. конф. (г. Москва, февраль 2014 г.). М.: Буки-Веди, 2014. С. 31–33.

¹ Глинка Ф.Н. Ура! // Военно-патриотические стихотворения времен Восточной (Крымской) войны [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/g/glinka_f_n/text_1854_patrioticheskie_stihi.shtml (дата обращения: 08.05.2017).

² Ура! Федора Глинка. СПб: Тип. Императорской АН, 1854. 14 с. С. 2.

³ Вяземский П.А. Стихотворения // Полн. собр. соч. князя П.А. Вяземского: В 12 т. СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1887. Т. 11. 1853 – 1862 гг. 467 с. С. 38–39.

религиозным смыслом от лица русского солдата провозглашает: «Брошусь в бурю боевую / За алтарь, за Русь Святую / И за Белого царя»¹.

Патриотические настроения охватили и тех представителей русской литературы, которые никогда не отличались консервативными взглядами. В частности, поэт А.Н. Майков в марте 1854 года написал стихотворение «Коляска», которое шокировало его либеральных друзей откровенно льстивым характером, вызвавшим недовольство даже в правительственных кругах².

Опубликованная переписка «двух добрых друзей» – Наполеона III и Николая I в январе 1854 года привлекла к себе значительное внимание русской общественности. Ответ Николая I на провокационное письмо императора французов, по мнению историка и участника Крымской войны Е.П. Ковалевского, стал «выражением духа народного, только облеченного в формы более умеренные»³. Ковалевский отмечал, что в то время, когда союзнический флот стоял в Черном море «ни один русский не склонился бы перед надменным диктаторством Людовика-Наполеона, и если не всякий верно понимал значение громадных сил, скоплавшихся против нас, то всякий помнил 1812 год и веровал в правоту своего дела, твердость и несокрушимость русского духа. В России был общий возглас – война! Как будто долго сдерживаемый порыв, наконец порвал все дипломатические путы и освободился от них»⁴.

Западники не разделяли восторженных настроений своих оппонентов, трезво оценивая возможности России в предстоящей общеевропейской войне. Для них священный религиозный «ореол», сформированный вокруг нараставшего конфликта пропагандисткой деятельностью властей и

¹ Вяземский П.А. Стихотворения // Полн. собр. соч. князя П.А. Вяземского: В 12 т. Т. 11. С. 40–41.

² Кошелев В.А. Иван Аксаков: консервативная оппозиция как литературная идеология // Русская литература. 2006. № 1. С. 76–94. С. 84.

³ Ковалевский Е.П. Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 годах. Указ. соч. С. 133.

⁴ Там же. С. 133–134.

мессианскими чаяниями славянофилов, представлял собой не более чем прикрытие истинных намерений Российской империи, стремившейся получить преобладание на Ближнем Востоке¹. При этом, являясь горячими патриотами своей родины, они с восторгом встречали известия о победах русского оружия, болезненно переживая военные неудачи². Профессор Московского университета Т.Н. Грановский, с большим вниманием следивший за ходом событий, ясно осознавал опасность, грозившую стране, и задавался вопросом: «Чем приготовились мы для борьбы с цивилизацией, высылающей против нас свои силы?»³. Преувеличенные надежды, широко распространенные в обществе после Синопской победы русского флота, раздававшие кругом возгласы: «Мы их шапками забросаем»⁴ –, раздражали его. В то же время, Грановский не мог примириться с мнениями иной направленности, для которых было желательно поражение России в качестве горького, но полезного урока, считая их для себя не менее оскорбительными. Встречая вокруг себя противоречивые мнения, он нравственно сильно страдал, о чем написал своему другу Н.Г. Фролову из Москвы в октябре 1854 года: «Так много совершается кругом, так много противоречий в голове и в сердце, что под час не знаешь, куда деваться с этой ношей. Образованных отголосков на собственные мысли слишком мало»⁵. Как истинный патриот Грановский желал, чтобы каждый соотечественник в годину испытаний был готов на деле бороться и умереть за свою родину, даже «без желания победы России», как писал он позже, после падения Севастополя.

«Вихрь патриотического энтузиазма» весны 1854 года, охвативший русское общество привел к настоящему духовному оживлению. Историк Е.В.

¹ Чичерин Б.Н. Восточный вопрос с русской точки зрения // Записки кн. С.П. Трубецкого. СПб: Сириус, 1906. С. 125–154. С. 128–129.

² Дружинин А.В. Повести. Дневник. М.: Наука, 1986. 511 с. С. 248–249.

³ Цит. по: Т.Н. Грановский и его переписка: В 2-х т. М.: Тов-во тип. А.И. Мамонтова, 1897. Т. 1: Биографический очерк / А. Станкевича. 283 с. С. 252.

⁴ Там же. С. 251.

⁵ Т.Н. Грановский к Фроловым // Т. Н. Грановский и его переписка. Т. 2: Переписка Т.Н. Грановского. 496 с. С. 434.

Тарле писал по этому поводу: «Хор славословия и восторженнейшей лести, не всегда в тот момент фальшивой, стал так могуч, строен, согласен, без единого диссонанса, как никогда до той поры не был»¹. А.Ф. Тютчева в письме поэту П.А. Вяземскому, жившему в 1854 году в Карлсруэ, описывала общественную жизнь в России так: «Жизнь здесь кипит, это настоящая духовная оттепель, пробуждаются все благородные и добрые чувства; восточный вопрос производит в душах действие подобное чувству любви – дураки делаются умными, скряги щедрыми, трусы храбрецами, и даже самые апатичные пробуждаются к жизни»². Французский посол в Петербурге генерал-маркиз Кастельбажак в феврале 1854 года в донесении своему правительству охарактеризовал общественную реакцию на военные события как «национальное возбуждение»³.

В марте 1854 года на страницах далекого от славянофильских взглядов журнала «Современник» было опубликовано стихотворение Ф.И. Тютчева «Пророчество», проникнутое идеями панславизма и верой в спасительную миссию России. Оно заканчивалось словами, вызвавшими большой резонанс: «И своды древние Софии в возобновленной Византии вновь осенит Христов алтарь / Пади пред ним, о царь России, и встань, как всеславянский царь!»⁴. Дочь поэта писала по этому поводу: «Мой отец, увлеченный с головой... восточным вопросом, написал прекрасные стихи... Цензура смутилась повергла это лирическое произведение на благоусмотрение императора, который собственноручно зачеркнул эту строфу и написал на полях: "Подобных фраз не допускать"»⁵.

Император был прекрасно осведомлен о направленности общественных настроений, в то же время, не одобряя их размаха и восторженности. Когда

¹ Тарле Е.В. Крымская война. Указ. соч. Т. 1. С. 423.

² Тютчева А.Ф. Письмо Вяземскому П.А. 7 мая 1854 г. Указ. соч. С. 110.

³ Тарле Е.В. Крымская война. Указ. соч. Т. 1. С. 420.

⁴ Тютчев Ф.И. Пророчество // Тютчевiana [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/tiutcheviana/stihi/bp/158.html> (дата обращения: 08.05.2018).

⁵ Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Указ. соч. С.134.

ему докладывали, что «при начале войны все сословия в России как будто пробудились от сна, сильно заинтересовались узнать причину, цель войны и намерения правительства», то он с неудовольствием заметил графу Орлову: "Это не их дело"¹. Николай I не признавал за русским обществом его права на свободное выражение своего мнения по любым злободневным вопросам. Формировать и распространять позиции и суждения о текущих событиях или о делах минувших лет могла только верховная власть и ее представители. Русское общество, чувствовавшее в себе сильную потребность в свободном слове, особенно обострившуюся во время войны, вызывало у николаевского правительства не всегда справедливые подозрения и опасения за внутреннее положение страны: осложнения во внешней политике не должны были усугубляться внутренним вольнодумством.

Цензура, достигшая в годы Крымской войны чрезмерной строгости, бдительно следила за распространяющейся в обществе «нежелательной» литературой о событиях войны. В частности, в Орловской губернии к публикации была запрещена брошюра «Падение Турции», содержащая предсказания будущих побед русского оружия. По этому поводу циркуляр местного департамента полиции сообщал: «По сему последовала собственноручная Его Императорского Величества резолюция: "Лучше избегать, ибо пользы от сего нет"»².

Общественность, по мнению императора, должна была выполнять пассивную роль всемерного поддержания властных инициатив, без проявления собственной творческой активности. В начале 1854 года А.С. Хомяков задавал наболевший вопрос: «Но где доступ слову? Двадцать лет душили мысль. В важную минуту наткнулись на бессмыслие, и мне чувствуется страшная беспомощность, скрываемая под плохой личиной спокойствия и надежды»³.

---

¹ Оболенский Д.А. Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. Указ. соч. С. 93.

² Цит. по: Холодов В.А. Крымская война 1853 – 1856 гг. в восприятии населения Орловской губернии. Указ. соч. С. 18–19.

³ Цит. по: Зайончковский А.М. Восточная Война 1853 – 1856. Указ. соч. Т. 2. С. 382.

В период войны перед русским обществом остро встал вопрос о необходимости выражения собственного мнения посредством печатных органов. «Северная пчела» являлась единственной частной газетой в России, имевшей право давать политическую информацию, но печатала ее в исключительно в угодном для правительства виде. Б.Н. Чичерин неоднократно указывал на резко возросшую роль общественного мнения, кое «даже в самых неправильных своих увлечениях является могуществом, с которым должны считаться правительства»¹. Он считал, что русское правительство в период Крымской войны допустило крупный просчет: «Принося жертвы на алтарь законной монархии... оно упускало из вида силы общественные, невидимые, неписанные, но которые окончательно увлекают за собою видимые власти и изменяют писанные трактаты»². Ученый считал, что без поддержки общественного мнения, выражаемого периодической печатью, формирование антирусского союза в Европе было бы невозможным³.

Общественная потребность в независимом печатном органе была осознана как средство активного противодействия огромному количеству злословия в адрес России со стороны европейских стран, усиливавшегося с начала 1850-х годов. Чичерин указывал, что «вражда к России сделалась лозунгом общественного мнения в Европе»⁴ и существует настоятельная необходимость противодействия этому силой печатного слова.

Современники на протяжении всего хода войны отмечали, что на страницах газет Англии и Франции на Россию изливаются потоки лжи и брани. С.Т. Аксаков в 1854 году писал сыну: «Что пишут об нас за границей, того нельзя выносить никакому человеческому терпению. Поневоле начинаешь чувствовать ненависть ко всем иностранцам, особенно к

---

¹ Чичерин Б.Н. Об общих началах европейской политики и в особенности о внешней политике России // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв. Альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 2004. Т. XIII. С. 285–330. С. 297.

² Там же. С. 296.

³ Там же. С. 296–297.

⁴ Там же. С. 296.

англичанам, но хорош и Наполеон!»¹. Е.В. Тарле, занимаясь вопросом формирования образа России во французской прессе накануне Крымской войны, особо подчеркивал неприкрытую враждебность «клеветов Наполеона III», облакающих готовившуюся войну в форму культурного и религиозного крестового похода против «православной ереси» и «русских варваров»². Враждебность иностранной прессы достигает пика после распространения известий о Синопской победе русского флота, поразившей европейское общественное мнение и оскорбившей правительства европейских стран. Один из современников отмечал, что после «нападения у Синопа» европейская пресса «на все лады повторяла свои любимые темы об опасности, которая грозит европейской цивилизации от русского варварства»³. Британский военный историк и участник Крымской войны А.У. Кинглейк, с большим уважением отзывавшийся о России, отмечал, что отвлечь внимание английской общественности от ошибок английского правительства в «синопском погроме» было возможно только путем поиска виновного, которым английская пресса выставила императора Николая I⁴.

Русская печать, освещающая события войны, значительно уступала европейской по многим параметрам, в особенности по количеству публикаций и объему читающей публики. Образованная часть русского общества получала информацию о войне из иностранных газет. Князь Оболенский писал по этому поводу: «Я знаю, что придет минута, где все до единого соединятся в одном общем чувстве, но не менее того, очень жаль, что правительство не изыскивает средств руководить общественным мнением, хотя бы в отпор той дряни, которая каждый день читается в иностранных журналах»⁵. А.Ф. Тютчева отмечала, что для «доказательства нашей правоты» в войне приходится

---

¹ Тарле Е.В. Крымская война. Указ. соч. Т. 1. С. 422.

² Там же. С. 403.

³ Цит. по: Зайончковский А.М. Восточная Война 1853 – 1856. Указ. соч. Т. 2. С. 296.

⁴ Цит. по: Чернышевский Н.Г. Рассказ о Крымской войне (по Кинглеку) // Полн. собр. соч.: В 15 т. Т.10. М.: Изд-во худож. лит-ры, 1951. С. 193–440. С. 197.

⁵ Оболенский Д.А. Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. Указ. соч. С. 56.

«прибегать к заимствованию из немногих доброжелательных к нам статей, печатающихся в заграничных газетах»¹. Русская газета на французском языке *Journal de St. Petersburg*, являвшаяся официальным органом Министерства иностранных дел, не удовлетворяла требований русской общественности, унижала национальную гордость публикацией оправдательных статей, выставяющих, как писала Тютчева «нас... бесконечно смиренными и униженными перед ее величеством Европой»². По ее мнению, чрезмерная свобода печати, в странах, стоящих во главе европейской цивилизации приводит к распространению глупых и дерзких статей с абсурдным содержанием³. Русское же общество задыхается от противоположного зла: «Мы немые, мы молчим и безнаказанно позволяем себя оскорблять даже в том случае, когда на нашей стороне правда и здравый смысл»⁴.

Выход из сложившейся ситуации многие представители образованного общества видели в создании газеты, «в которой бы русская мысль могла находить себе выражение с известной свободой, и противопоставлять свои доводы и свою правоту глупому и крикливому недоброжелательству, ежедневно изливаемому против нас европейской прессой. Но при существующем порядке вещей такая газета может существовать лишь при условии покровительства свыше, которое защитило бы ее от когтей цензуры»⁵. О необходимости создания политической газеты, способной в условиях войны отстаивать русское общественное мнение, задумывались Ф.И. Тютчев и историк А.Н. Попов, стремившиеся довести эту мысль до цесаревича. Но никаких реальных шагов в этом деле предпринято не было, что и привело к поражению России в информационной войне, сопровождавшей вооруженный

---

¹ Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Указ. соч. С. 132–133.

² Там же. С. 133.

³ А.Ф. Тютчева приводила следующий пример: «...Статья некоего Ле-Дюк, бывшего гувернером в Петербурге, в которой он подробно расписывает, что император Николай сошел с ума, что он потерял рассудок, потому что Сенат не поднес ему титула " Великого" в день 25-летия его царствования, как он того ожидал». (Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Указ. соч. С. 133).

⁴ Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Указ. соч. С. 132–133.

⁵ Там же. С. 133.

конфликт 1853 – 1856 годов. И это поражение имело последствия не менее значительные, чем дипломатические неудачи и военно-техническая отсталость страны.

Патриотический подъем, охвативший все слои русского общества, не ограничился духовно-нравственным проявлением и эмоциональным выражением возвышенных чувств любви к Родине в произведениях словесности или легкомысленным настроением «шапкозакидательства». На втором этапе вооруженного конфликта, когда с весны 1854 года война подступила к границам России и приобрела угрожающий для страны характер, широкий размах получает так называемый деятельностный патриотизм, обладающий побудительной силой, способной направить нацию или отдельную личность на выполнение конкретных поступков на благо отечества¹. В особенности стремление общества принять участие в войне и помочь русской армии усиливается в период героической обороны Севастополя. Этот город в глазах русского общества стал символом героизма и таким же «камнем преткновения для захватчиков, как в 1812 году Москва»².

В общественных кругах началось широкое движение в поддержку армии. В Крым в действующую армию со всех концов России стали стекаться посылки с необходимыми вещами, недостаток которых ощущался наиболее остро: теплой одеждой, медикаментами, простынями и т.п. По инициативе великой княгини Елены Павловны была создана Крестовоздвиженская община сестер милосердия, благодаря деятельности которой были спасены многие жизни³.

Другой формой деятельностного патриотизма стало приобретает добровольческое движение в действующую армию, принявшее массовый

---

¹ Лутовинов В.И. Современный Российский патриотизм: сущность, особенности, основные направления. Указ. соч. С. 34.

² Шигин В.В. Севастополь. История. Легенды. Предания. М.: Вече, 2008. 448 с. С. 376.

³ См. подробнее: Краткий очерк деятельности сердобольных вдов в Крымских госпиталях, во время войны России с Англией, Францией и Турцией на берегах Черного моря, в 1854 – 1856 г. СПб., 1858. 26 с.

характер. Б.Н. Чичерин писал об этом времени: «Оборона Севастополя возбуждала и страхи, и восторг. Со всей России собирались ополчения, в которые шли даже люди из общества, никогда не знавшие военной службы, как Юрий Самарин и Иван Аксаков»¹. Представители лучших дворянских семей, таких как Голицыны, Римские-Корсаковы и другие, записывались в армию и поступали нижними чинами в различные полки, стремясь как можно скорее отправиться на театр боевых действий².

В июне 1854 года высшее общество было потрясено смертью на поле боя в Валахии одного из добровольцев – А.Н. Карамзина – старшего сына известного историографа³, оставившего безмятежную жизнь во дворце своей жены – великосветской красавицы Авроры Демидовой и поступившего в армию. Племянник убитого, представитель петербургской аристократии, князь В.П. Мещерский писал, что в то время «в нашей семье все, разумеется, горело патриотизмом»⁴. И.С. Аксаков 13 июня 1854 года писал родителям: «Как жаль Андрея Карамзина! Его поступление на военную службу без всякой надобности, предпочтение, оказанное им трудам военным пред роскошными удобствами жизни, вследствие искренних Русских убеждений, – все это должно примирить с ним каждого, резко осуждавшего его прежде»⁵. 18 февраля 1855 года сам И.С. Аксаков записался офицером в московское ополчение, но в боях участия не принимал, дойдя в составе Серпуховской дружины до Бессарабии⁶.

Патриотический порыв и стремление не только словом, но и делом помочь своей стране охватил и представителей провинциального русского общества. Будущий участник революционного движения 1860-х годов Л. Ф. Пантелеев, обучавшийся во время Крымской войны в Вологодской гимназии,

¹ Воспоминания Б.Н. Чичерина. Указ. соч. С. 106.

² Цит. по: Зайончковский А.М. Восточная Война 1853 – 1856. Указ. соч. Т. 2. С. 293.

³ См. подробнее: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 13. Указ. соч. С. 74–77.

⁴ Цит. по: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 13. Указ. соч. С. 74.

⁵ Аксаков И.С. Письма к родным (1849–1856). М.: Наука, 1994. 653 с. С. 271.

⁶ Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. Указ. соч. С. 52, 54.

в своих воспоминаниях передавал охвативший юношей его окружения мечтательный порыв послужить на благо родине. Он вспоминал: «Была Крымская кампания; все, даже дети, пылали воинственным жаром, а я особенно... В один прекрасный день, помнится, четверо из пансионеров, отпущенных домой на воскресенье, скрылись... Однако через несколько дней беглецы были разысканы в нескольких десятках верст от Вологды; оказалось, что они бежали, чтобы поступить в армию...»¹. Сам Пантелеев признавался, что не поступил добровольцем в армию только потому, что «по молодости лет не хватило... ни смелости, ни догадливости»².

Выходец из иркутской купеческой семьи Н.А. Белоголовый, во время Крымской войны учившийся на медицинском факультете Московского университета, в своих воспоминаниях признавался, что в 1855 году он испытывал сильную внутреннюю борьбу между желанием вернуться на родину, где он не был более семи лет, и стремлением помочь раненым военным: «...мое 19-летнее сердце не могло оставаться равнодушным к героическим усилиям русской армии, и я рвался туда – на эти севастопольские укрепления, где лилась родная кровь и валялись тысячи раненых, которым, в качестве врача, я мог принести посильную пользу»³. Вернувшись в Иркутск в июле «рокового» 1855 года, Н.А. Белоголовый говорит о том, что местное общество «несмотря на громадное пространство, отделявшее его от России, с лихорадочным интересом следило за крупными событиями, совершившимися там: за падением Севастополя, окончанием войны и заключением Парижского мира. Много было обиды для национального самолюбия во всех этих фактах, но это тяжелое чувство значительно умерялось явными признаками поворота

---

¹ Пантелеев Л.Ф. Воспоминания / Вступ. ст., подготовка текста и прим. С.А. Рейсера. М.: Гослитиздат, 1958. 848 с. С. 117.

² Там же. С. 117.

³ Белоголовый Н.А. Из воспоминаний сибиряка о декабристах // Русские мемуары. Избранные страницы. (1826 – 1856). Указ. соч. С. 30–78. С. 62.

к лучшему в русской жизни, - признаками, с которыми знакомила нас каждая почва, приходившая из России»¹.

Во многих губерниях России развернулось массовое добровольческое движение. Российские газеты этого периода пестрят сообщениями о наборе добровольцев, происходивших из самых разных сословий. Так, «Орловские Губернские Ведомости» за апрель 1854 года сообщали: «С некоторого времени множество лиц разных сословий, в том числе податного состояния и крепостные люди, являются с просьбами об определении их в военную службу...»². «Северная пчела» неоднократно публиковала информацию о поступлении на военную службу дворян-добровольцев различных губерний³.

Еще более массовый характер приобретает сбор денежных средств на нужды армии, в котором принимали участие представители всех без исключения слоев населения – от крестьян до высшей столичной аристократии. В официальном органе военно-морского ведомства – журнале «Морской сборник» в период войны появился специальный раздел «Приношения», куда помещалось описание пожертвований для нужд военно-морского флота со стороны как частных лиц, так и различных обществ. О размахе этой деятельности свидетельствуют следующие данные, приводимые в этом издании: Граждане города Путивля пожертвовали на нужды воинов 237 рублей⁴. Купцы и мещане г. Устюжны в пользу Черноморского флота пожертвовали 2, 515 руб. серебром⁵. В майском номере за 1854 год содержатся сведения о собранных по подписке чиновниками Первого Департамента С.-Петербургской палаты Гражданского Суда пятистах рублей серебром на устройство канонирских лодок⁶. Помещик Саратовской губернии,

¹ Белоголовый Н.А. Из воспоминаний сибиряка о декабристах // Русские мемуары. Избранные страницы. (1826 – 1856). Указ. соч. С. 73.

² Цит. по: Холодов В.А. Крымская война 1853 – 1856 гг. в восприятии населения Орловской губернии. Указ. соч. С. 18.

³ Внутренние известия // Северная пчела. 1855. № 36. С. 179.

⁴ Приношения // Морской сборник. 1854. № 6. С. 153.

⁵ Там же. С. 153.

⁶ Приношения // Морской сборник. 1854. № 5. С. 72.

Петровского уезда Топачев пожертвовал три тысячи рублей серебром, которые были направлены в инвалидный капитал¹. В помощь семьям убитых и раненых солдат разные общества устраивали благотворительные вечера. Так, Екатеринославское общество пожертвовало триста пятьдесят рублей, собранными на музыкальном вечере местных любителей музыки². Курское благородное общество в пользу русских воинов собрало на концертах 1755 рублей серебром³. Огромную сумму в 66.000 руб. серебром на сооружение канонирских лодок и другие военные потребности пожертвовало лифляндское дворянство⁴.

Крестьянское население России, не имевшее денежных средств, также стремилось оказать посильную материальную помощь русской армии. Так, «крестьяне Орловского, Ливенского, Малоархангельского и Кромского уездов передали армии 100 мешков муки, 150 лошадей с телегами и много фуража»⁵. Наряду с многотысячными суммами, предоставляемыми представителями зажиточных слоев общества, газеты того времени сообщали о многочисленных мелких пожертвованиях. «Московские ведомости» сообщали о поступлении от неизвестного купца Алехина 12 р., от московских: купца Глушкова 100 р., мещанина Беяева 20 р., мещанки Ильиной 1 р., от крестьянина Могуткова 3 р. <...>; 2-е вещами: от г-жи Чайковской: бинтов 60 штук, от дочери московского купца девицы Ольги Глушковой: бинтов 80 штук, компрессов 5 ф.»⁶. Все это свидетельствовало о глубоком и искреннем стремлении всех слоев русского общества оказать посильную помощь своим воинам, испытывавшим тяжелые лишения.

В то же время, необходимо отметить, что неудачное развитие для России военных действий неизбежно вело к возникновению в обществе

¹ Приношения // Морской сборник. 1854. № 5. С. 72.

² Там же. С. 73.

³ Приношения // Морской сборник. 1854. № 6. С. 153.

⁴ Там же. С. 151.

⁵ Орловские Губернские Ведомости. 1854. 21 августа. С. 143.

⁶ Московские ведомости. 1855. № 2. С. 13.

растерянности и недоумения со временем перераставшего в критическое отношение к российской действительности и правящему режиму. Все больше представителей русской общественности задавались вполне закономерными вопросами – в чем причины того бедственного положения, в котором оказалась Россия в ходе войны, кто виноват в поражениях русской армии, почему страна оказалась одна перед лицом могущественной европейской коалиции? Ответы на эти вопросы порождали подъем критических настроений, все шире охватывавших российское общество в 1854 – 1855 годах.

Изменения в характере влияния войны на общественность можно проследить по записям в дневнике В.С. Аксаковой, которая в феврале 1855 года писала: «Все тягости войны, все труды и опасности остаются те же и даже с каждым днем увеличиваются, но отнят дух, одушевлявший всех, отнята уверенность в пользе этих трудов и жертв, отнято сознание, что не даром они приносятся...»¹. Для большинства представителей русской общественности становится очевидным, что страна, несмотря на свое видимое материальное могущество, несмотря на героизм русских войск, не была готова победоносно завершить военные действия. Об изменении тональности настроений, господствовавших в русском обществе в период войны, Б.Н. Чичерин писал: «Сначала Синопский бой исполнил его [русское общество – прим. автора] патриотическим одушевлением: но затем одно за другим приходили роковые известия: высадка неприятеля в Крыму, Альма, Инкерман, Балаклава, Черная. Все это показывало, что войска образованных народов не так легко закидать шапками, как воображали закоснелые патриоты»². Невзирая на все крайности николаевской системы, русское общество было готово терпеть ту удушливую, сковывающую общественное развитие внутривластную атмосферу, которая насаждалась центральными учреждениями во главе с императором. И

---

¹ Аксакова В.С. Дневник В.С. Аксаковой (1854–1855): 1855 г. // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/vaksakova_1855.html (дата обращения: 02.12.2018).

² Воспоминания Б.Н. Чичерина. Указ. соч. С. 106.

это терпение было объяснимо «непоколебимой верой в престиж могущества»¹ и бесспорного внешнеполитического превосходства России перед Западом. Ситуация кардинально изменилась, когда эта вера была разбита на бастионах Севастополя. Мрачное разочарование в военном потенциале России охватывает И.С. Аксакова, который писал в начале ноября 1854 года: «Страшная борьба! На их стороне наука, искусство, талант, храбрость, все матерьяльные средства; на нашей – только правота дела и личное мужество войск; остального ничего нет»². Поколение, воспитанное на славе военных побед страны, было приучено к мысли «о военной неуязвимости России» и оказалось не в состоянии «не назвать отступление поражением, а поражение – катастрофой»³. Для общества все более очевидным становится осознание того, что главным виновником этой катастрофы является творец той политической системы, которая господствовала в России на протяжении почти тридцати лет. Вместе с этим приходит горькое, но неизбежное осознание того, лишь «очистительное» поражение способно подорвать эту жесткую административную систему, которую олицетворял теперь уже не терпимый, а яростно порицаемый Николай I. Готовность к защите собственной страны с оружием в руках и вера в непогрешимость российского внешнеполитического курса в защиту православных славянских народов, вступали в общественном сознании в острое противоречие с осознанием необходимости внутривнутриполитических преобразований, невозможных в условиях неизбежного укрепления режима, вызванного победоносной войной. К.Д. Кавелин в декабре 1855 г. в письме к публицисту Е.Ф. Коршу передавал эти общественные настроения, отмечая, что «люди желающие перемен» не стремятся в настоящий момент к заключению мира, ведь «по их мнению,

---

¹ Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Указ. соч. С. 155.

² Аксаков И.С. Письма к родным (1849–1856). Указ. соч. С. 331.

³ Айрапетов О.Р. Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830 – 1904). СПб: Алетейя, 1998. 315 с. С. 39–40.

пережитого еще недостаточно; нужны уроки посерьезнее, потяжелее» иначе «опять все затянется плесенью...»¹.

Двойственность отношения среди общественности к происходившим внешнеполитическим событиям и к их возможным последствиям для страны, прослеживается в воспоминаниях С.М. Соловьева. Историк писал, что высадка союзников в Крыму с одной стороны, оскорбила патриотическое чувство унижением России, но с другой – убедило, что только «бедствие, и именно несчастная война, могло произвести спасительный переворот, остановить дальнейшее гниение»². Кошелев, выражая позицию людей своего круга, писал: «...мы были убеждены, что даже поражение России сноснее и даже для нее и полезнее того положения, в котором она находилась в последнее время»³. Особенная двойственность в оценке Крымской войны для будущего развития России характерна для воззрений А.С. Хомякова. Осознавая неизбежность поражения России в войне, он видел в нем не только «наказанье за грехи», но и «надежду на возрождение родины»⁴. Эти идеи отразились в ряде его произведений, написанных после войны. В них мыслитель надеялся на неизбежное духовное возрождение России, которое в будущем позволит ей вернуть себе международное влияние посредством внутреннего обновления⁵. Сердца русских патриотов страдали при известиях о поражениях, страдало национальное чувство, чувство гордости за страну, взращенное и за годы николаевского царствования. Но при этом было очевидно, что победа приведет к еще большему укреплению режима, терпеть который более было невозможно. Необходимо отметить, что у части

¹ Цит. по: Корсаков Д.А. К.Д. Кавелин. Материалы для биографии. Из семейной переписки и воспоминаний // Вестник Европы. 1886. Т. 4. Кн. 7. С. 5–37. С. 35.

² Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/solovyev_s_m/solovyev_s_m_moi_zapiski.html (дата обращения: 08.05.2018).

³ Записки А.И. Кошелева // Русское общество 40-50-х годов XIX в. Ч. I. М.: Изд-во МГУ, 1991. 237 с. С. 94.

⁴ Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков. М.: Путь, 1912. 251 с. С. 68.

⁵ Носков В.В. Крымская война и развитие славянофильской философии истории // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2002. №2. С. 103–119. С. 106.

представителей русской общественности известия о военных неудачах вызывали удовлетворенность и даже плохо скрываемую радость. Будущий революционер-народник Н.В. Шелгунов вспоминал о встрече в день получения в Петербурге известий о поражении русских войск на Черной речке с П.П. Пекарским, отличавшимся либеральными взглядами: «Пекарский шел опустив голову, выглядывал исподлобья и с подавленным и худо скрытым довольством, вообще он имел вид заговорщика, уверенного в успехе, но в глазах его светилась худо скрытая радость. Заметив меня, Пекарский зашагал крупнее, пожал мне руку и шепнул таинственно, в самое ухо: "Нас разбили" ...»¹. Е.М. Феокистов отмечал, что «Во время Крымской войны люди, стоявшие высоко и по своему образованию, и по своим нравственным качествам, желали не успеха России, а ее поражения». Это объяснялось тем, что они опасались укрепления господствовавшей «ненавистной» системы управления в случае победы России над силами коалиции. Сама мысль о таком исходе военного противостояния, по словам Феокистова, «безжалостно оскорбляла самые заветные их помыслы и стремления»².

В этот период общество охватывает все более широкое осуждение личности императора и созданного им режима, перераставшее со временем в полное отрицание сколь-нибудь прогрессивного характера николаевского царствования. Е.М. Феокистов отмечал, что в последние годы николаевского правления правительственная система «оскорбляла все лучшие чувства и помыслы образованных людей и с каждым днем становилось все невыносимее; ненависть к Николаю не имела границ»³. Разочарование и уныние, характерное для общественных настроений конца 1840-х годов, сменились смятением и ожесточением, которые проявились в критике

¹ Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания: В 2-х т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1967. 510 с. С. 232–233.

² Феокистов Е.М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы 1848 – 1896 // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/feoktistov/feoktistov_za_kulisami_politiki_i_literatury.html (дата обращения: 16.12.2018).

³ Там же.

Николая I и всего периода его царствования уже после смерти императора. Письма Т.Н. Грановского, датируемые 1855 годом, проникнуты тоской и гневом: «Великая страна, еще недавно стоявшая на верху славы и могущества, в два года приведена в самое печальное состояние... Эта война окончательно разорвала союз царя с народом, она опозорила это царствование»¹. Еще более жестко эти настроения высказывал недавний апологет николаевского правления М.Н. Погодин. Военные поражения заставили его обратить внимание на ненормальность отношений, укоренившихся в стране в период царствования Николая I: «Ум притуплен, воля ослаблена, дух упал, невежество распространилось, подлость взяла везде верх, слово закоснело, мысль остановилась, люди обмелели, страсти самые низкие выступили наружу, и жалкая посредственность, пошлость, бездарность взяла в свои руки по всем ведомствам бразды управления. Священный союз между царем и народом потрясен!»².

Известие о падении Севастополя в августе 1855 года вызвало в русской общественности небывалый всплеск негодования и привело к утрате веры в успешный исход войны. В.С. Аксакова уже в сентябре этого года писала: «Нет, к несчастью, кажется, уже зло так велико, так далеко зашло, пагубная система прошедшего царствования успела уже пустить такие сильные корни, что отвратить это зло не могут никакие личные усилия и воля даже самого государя»³. Болезненное осознание неотвратимости поражения охватило очень многих: «Грустно... я болен Севастополем», – писал Валуев 28 августа – в день, когда стало известно о печальном финале севастопольской эпопеи. Толстой, участвовавший в обороне города как доброволец записал: «Я плакал,

¹ Т.Н. Грановский к К.Д. Кавелину // Т.Н. Грановский и его переписка. Указ. соч. Т. 2. С. 454.

² Погодин М.П. О влиянии внешней политики на внутреннюю // Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны, 1853–1856. Указ. соч. С. 245–271. С. 267.

³ Аксакова В.С. Дневник В.С. Аксаковой (1854–1855): 1855 г. // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/vaksakova_1855.html (дата обращения: 02.12.2018).

когда увидел город объятый пламенем и французские знамена на наших бастионах; и вообще во многих отношениях это был день очень печальный»¹.

И в то же время, для многих падение Севастополя было вполне закономерным финалом, печальным итогом прошедшего царствования. «Севастополь пал не случайно... он должен был пасть, чтобы явилось на нем дело Божие, т. е., обличение всей гнили правительственной системы, всех последствий удушающего принципа...»² – писал И.С. Аксаков в конце 1855 года. Неудачный исход Крымской войны, обнажившей все «язвы» российской действительности стал восприниматься современниками как главный неутешительный итог почти тридцатилетнего николаевского царствования, а политический режим, созданный при Николае I, – как одна из преград на пути к свободному и прогрессивному развитию России. Еще в 1854 году во время дипломатических переговоров в Вене, когда России были выдвинуты условия, воспринятые в обществе как унижительные, П.А. Вяземский выделил причины унижения страны на международном уровне. По его мнению, они имели глубокие внутривластные основания и крылись в самой деятельности правительства, которое «везде подавляло личность и требовало одного безусловного повиновения, не хотело и опасалось людей, из людей сделало слепые и бездушные орудия, пружины»³. Далее он отмечал, что такие принципы, положенные в основу государственного управления, привели к бездарности военного командования, технической и материальной неподготовленности русских войск, безответственности в международных делах, что наложило «пятно позора» на русскую честь. Схожие мысли высказывал поэт А.Н. Яхонтов, которые еще в начале войны выпустил ряд патриотических стихов, проникнутых надеждой на скорую победу. В конце

---

¹ Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22-х т. Т. 18. Письма. М.: Художественная литература, 1984. 899 с. С. 398.

² Аксаков И.С. Письма к родным (1849–1856). Указ. соч. С. 385.

³ Вяземский П.А. Старая записная книжка. Ч. III. Кн. 19 (1854) // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/vyazemskiy/vyazemskiy_staraya_zapisnaya_knjka3.html#a019 (дата обращения: 08.05.2018).

войны в его стихотворениях отражены совершенно иные настроения. В них звучит горькое разочарование, злая сатира, направленная против государственных чиновников, которые «у войска воровали крохи» и военачальников, превративших войско в «парадную игрушку»¹.

Перед русской общественностью самой действительностью остро был поставлен горький вопрос о причине плачевного положения страны во всех сферах государственной и общественной жизни, на которое явно указала война. На заключительном этапе Крымской войны, в разгар обороны Севастополя, значительно активизировалась интеллектуальная детальность западнического крыла русской общественной мысли.

Незадолго до смерти императора Николая I Б.Н. Чичерин написал знаменитую статью «Восточный вопрос с русской точки зрения 1855 года», распространявшуюся в России в рукописных списках и опубликованную лишь в 1861 году. С присущей ему логикой и ясностью автор выразил в своей рукописной записке идеи, присущие многим представителям мыслящей России. Действия николаевского правительства в этой войне он представил, как цепь следующих одна за другой дипломатических и военных неудач. В этих неудачах историк не видел ничего странного, ведь правительство «произвол, господствующий во внутренних делах, перенесло, наконец, и на внешние сношения, если оно осторожность во внешней иностранной политике стало считать излишнею преградой своему властолюбию. Странно было бы в самом деле вести дела свои двумя совершенно различными путями; странно было бы внешнюю политику, хотя основанную на ложном начале, вести осторожно и обдуманно, а во внутренних делах поступать произвольно и нелепо. Произвол и нелепость должны же были когда-нибудь прорваться, они прорвались так, что Европа пришла в смятение, и Россия очутилась на краю

---

¹ Саюнов И.О. Крым в стихотворениях А.Н. Яхонтова // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015. Вып. 1. С. 292–297. С. 295.

пропасти»¹. При этом мужество русских войск, их беспримерный героизм поражал даже тех, кто считал поражение закономерным и необходимым для России уроком. Литературный критик, западник-эстет А.В. Дружинин писал: «Защита Севастополя для нас славнее Лейпцига, Кульма, а Бородина и подавно. Потеря денег велика, частные скорби неисчислимы, но слава наша нимало не пострадала»².

Таким образом, на протяжении войны четко прослеживается перерастание патриотического воодушевления, проникнутого уверенностью в победе России, в критическое осмысление окружающей российской действительности, ее пороков и «язв», которые в итоге и стали причиной неудачного исхода военного противостояния. Представители русской общественности, подвергавшие острой критике виновников военных неудач, не переставали быть горячими патриотами своей родины. Но свою миссию они видели в том, чтобы указывать самодержавной власти на острые проблемы, давно стоящие перед страной и обнажившиеся в ходе войны. Критический патриотизм, возобладавший в обществе на заключительном этапе Крымской кампании, имел для общественного сознания двойные последствия. С одной стороны, он ориентировал общественное мнение на понимание и рациональное осмысление ошибок и просчетов собственных властей, «открывал глаза» на проблемы государственного и общественного устройства, заставлял задуматься о необходимости коренных преобразований, как власть, так и общество, с другой стороны, он распалял оппозиционные настроения, вел к резко негативной оценке деятельности правительства и дискредитации власти, отказу от диалога и сотрудничества инициативных сил с ней, что в будущем приведет к дестабилизации обстановки и росту радикальных антиправительственных настроений в обществе.

---

¹ Чичерин Б.Н. Восточный вопрос с русской точки зрения // Записки кн. С.П. Трубецкого. Указ. соч. С. 131–132.

² Дружинин А.В. Повести. Дневник. Указ. соч. С. 350–351.

К концу Крымской войны для русского общества стало совершенно очевидно, что именно система, созданная Николаем I, привела Россию к чрезвычайно сложному внутреннему и внешнеполитическому положению. Консервативный политический режим, существовавший в России на протяжении трех десятилетий, был окончательно скомпрометирован в русском общественном мнении проигранной войной, потрясшей мировоззрение целого поколения. Оценки масштабов поражения в российском обществе были существенно завышены, что было обусловлено унижением чувства национальной гордости в обществе, воспитанном на славе военных побед Российской империи. Крымская война воспринималась не только как военное столкновение государств, но и как, прежде всего, противостояние различных цивилизаций, «нравственных и умственных противоположностей». В этом отношении поражение в Крымской войне во многом ускорило восприятие Россией достижений западной цивилизации. Это предопределило иноцивилизационный вектор модернизации страны в последующее царствование, новый этап которой был обусловлен моральным потрясением, вызванным поражением в общеевропейском конфликте.

В годы Крымской войны и особенно на ее заключительном этапе как российским правительством, так и широкими общественными кругами была осознана настоятельная необходимость в широком обновлении различных сфер государственной и общественной жизни. Более того в условиях патриотического подъема этих лет происходила мобилизация не только материальных ресурсов страны, но и того интеллектуального «запаса» преобразовательных идей, который был накоплен русским обществом за годы николаевского царствования. В целом этот «запас» представлял собой модернизационный потенциал русской общественности или иными словами интеллектуальные ресурсы, составляющие теоретическую базу общественной «модели» модернизации, которую русское образованное общество рассматривало в качестве основы будущих преобразований и было готово предложить власти во второй половине 1850-х годов. Таким образом,

Крымская война и ее неудачный исход, ставший настоящим нравственным потрясением для русских патриотов, положили начало активизации русского образованного общества на поприще общественной деятельности. Война сыграла огромную роль в процессе оформления общественности в России как самостоятельной, мыслящей силы, стремящейся к участию в составлении и осуществлении преобразовательных проектов. Высокая степень мобилизации российского общества в годы Крымской войны, выразившаяся в патриотическом подъеме, сохранилась и в период подготовки крестьянской реформы и стала одним из ресурсов модернизационного процесса царствования Александра II.

1.3 Оценка общественно-политической ситуации в России во второй половине 1850-х – начале 1860-х годов представителями общественности

В середине XIX века в России сложилась особая общественно-политическая ситуация, обусловленная критическим положением страны, которая, после кончины императора Николая I, олицетворявшего собой целую эпоху, потерпев поражение в Крымской кампании и находясь в общеевропейской изоляции, оказалась перед очевидной необходимостью существенных перемен сложившейся за годы николаевского правления государственной системы. Главной насущной проблемой стала отмена крепостного права и проведение широких буржуазных преобразований. Происходило изменение «морального климата» русского общества, усиливалась роль общественности в разработке и принятии политических решений. В данный период, по словам современника «общество напрягало все

силы, чтобы создать себе новое, независимое положение и перенести центр тяжести общественной инициативы на себя»¹.

С приходом Александра II к власти общественно-политический подъем, начавшийся еще в годы Крымской войны, вступает в новую фазу своего развития. Общественность стремилась принять активное участие в разрешении тех актуальных проблем, которые стояли перед Россией в этот период. Вторая половина 50-х годов XIX века стала эпохой невиданной в истории России активизацией общественных сил, вступивших в конструктивный диалог с властью, которая в этот период не могла не учитывать общественного мнения при определении внутривластного курса.

Исследование общественно-политического подъема 1850-х – начала 1860-х годов как феномена, ставшего одним из проявлений процессов социокультурной модернизации, следует рассматривать на двух уровнях: институциональном, охватывающем публичную сферу и антропологическом, на котором возможно проследить новые культурные практики (способы действия и мысли) социальных акторов в конкретный момент отечественной истории.

Сам термин «подъем» вне исторического контекста в справочной литературе имеет несколько значений. Одно из них связано с общим улучшением психологического состояния отдельного человека или общества в целом². Подъем определяется также как развитие, движение вперед и в этом отношении его следует рассматривать как закономерный, подготовленный предшествующим развитием взлет общественной мысли. В наибольшей степени ситуацию кардинального изменения «морального климата» в

---

¹ Шелгунов Н.В. Из прошлого и настоящего // Штурманы будущей бури: Воспоминания участников революционного движения 1860-х годов в Петербурге / Сост. А.Н. Цамутали. Л.: Лениздат, 1983. С. 81.

² Подъем // Толковый словарь русского языка Д.В. Дмитриева [Электронный ресурс]. URL: <http://www.endic.ru/dmytriev/Podm-2998.html> (дата обращения: 20.09.2018).

обществе можно проследить по настроениям современников, отраженным в многочисленных источниках личного происхождения.

После поражения Российской империи в Крымской войне правящей элитой и широкими общественными кругами была осознана настоятельная необходимость в проведении масштабных преобразований. Интеллектуальная элита страны в ответ на кризисную ситуацию, в которой оказалась Россия в годы войны, стремилась выработать и распространить комплекс актуальных идей, открывающих новые творческие возможности для эффективного выхода страны из кризисного положения. В этот период требование свободы слова, гласности и отказа от мелочной опеки над общественной деятельностью стало общим лозунгом представителей русской общественности в независимости от их идейных взглядов и убеждений. Симптоматично было заявление одного из публицистов, изложенное в записке, появившейся в разгар войны: «...Узнать Россию можно только от нее самой. Надо, чтоб она заговорила без страха и оглядки, другими словами – чтоб в ней возникло общественное мнение. Вызвать же и воспитать его может одна гласность»¹.

Вторая половина 1850-х – начало 1860-х годов по праву считается переломным моментом в российской истории, насыщенным множеством знаковых общественно-политических событий. Широко распространившееся в общественной среде стремление дать собственную оценку кризисной ситуации в России свидетельствовало не только о глубокой трансформации общественного сознания, но и отражало программу реформ, идущую «снизу» и оказавшую существенное влияние на общую концепцию преобразований 1860-х – 1870-х годов.

В этот период прогрессивные общественные деятели были убеждены в том, что свободный обмен мнений, циркуляция взглядов и идей в публичном пространстве позволит не только обнажить все существующие «язвы» общественно-политического устройства России, но и станет действенным

---

¹ Мельгунов Н.А. Россия в войне и мире // Голоса из России: сб. А. И. Герцена и Н. П. Огарева: в 4-х вып.: в 10-ти кн. М.: Наука, 1975. Вып. 2. Кн. 4. С. 34–56. С. 53.

вспомогательным средством в формировании различных преобразовательных проектов на высшем уровне. Среди общественных деятелей именно дарование свободы общественному мнению мыслилось как начальная мера в реформировании страны, которая позволит направить реформаторский курс правительства в нужное, с общественной точки зрения, русло.

В общественно-политическом подъеме в России в середине XIX века можно выделить два основных этапа. Первый из них связан с активизацией русского общества в годы Крымской войны, когда общественность стремилась поддержать власть в борьбе против внешнего врага, оказать содействие русской армии и флоту, ответить на вопрос о причинах поражения России.

Второй этап общественного подъема связан с приходом к власти Александра II и изменением общественно-политической обстановки в стране, обусловленным некоторым смягчением и либерализацией существующего режима. Этот период современники характеризовали как «оттепель». Ф.И. Тютчев первым использовал эту метафору по отношению к общественно-политической атмосфере середины 1850-х годов и общему курсу на преобразования, взятый правительством Александра II¹. А.И. Герцен, радостно встретивший известия о смерти Николая I, также писал о приходе «весенней оттепели после николаевской зимы»². Историк С.М. Соловьев в унисон распространившимся общественным настроениям отмечал: «...С 1855 года пахнуло оттепелью; двери тюрьмы начали отворяться; свежий воздух производил головокружение у людей, к нему не привыкших...»³.

---

¹ Аксакова В.С. Дневник В.С. Аксаковой (1854–1855): 1855 г. // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/vaksakova_1855.html (дата обращения: 02.12.2018).

² Герцен А.И. Былое и думы. Часть седьмая. (Вольная русская типография и «Колокол»). [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0160.shtml (дата обращения: 08.05.2018).

³ Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/solovyev_s_m/solovyev_s_m_moi_zapiski.html (дата обращения: 08.05.2018).

1855 год является уникальным в истории России – год прихода к власти Александра II стал началом всеобщего «пробуждения» и стремления общественности выйти из состояния «мертвого оцепенения» на поле активной преобразовательной деятельности и инициативы. Р.С. Уортман считал, что в 1855 году с приходом к власти Александра II возник символический разрыв между царствованиями, несмотря на заявление Александра в верности принципам отца, он все же «отказался от всех основ николаевской авторитарности»¹. Тем не менее, «Россия сильно потрясена последними событиями, – писал Герцен в 1855 году. – Что бы ни было, она не может возвратиться к застою; мысль будет деятельнее, новые вопросы возникнут...»². В экстремальных условиях внешних и внутренних изменений и потрясений, совершавшихся в 1855 году, происходила трансформация общественного сознания, что было обусловлено не только сменой носителя императорской власти, но и кризисной внешнеполитической обстановкой, перерастанием патриотического подъема времен начала Крымской войны в общественно-политический.

Произошло прежде всего духовное раскрепощение общественных сил, проявившееся во всеобщем подъеме. К.Д. Кавелин называл этот период временем «умственной и нравственной капитализации»³, эпохой «постепенного обновления России»⁴. В своем письме к Д.Н. Милютину 1857 года он также отмечал: «...в публике заметна смелая и благотворная работа мысли»⁵. «Чувствовалось, что возбуждение охватило все уголки России и потребует какого-либо выхода...»⁶. По мнению Н.В. Шелгунова, павший Севастополь обратил внимание общественности на внутренние проблемы,

¹ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. М.: ОГИ, 2004. 796 с. С. 45.

² Герцен А.И. Третье обозрение освобождающейся Руси // Полярная звезда. 1855. Книжка первая. С. 3–10. С. 3.

³ ОР РГБ. Ф. 334. Кар. 2. Д. 22. Л. 14.

⁴ ОР РГБ. Ф. 169. Кар. 43. Д. 22. Л. 3.

⁵ ОР РГБ. Ф. 169. Кар. 64. Д. 60. Л. 4.

⁶ Зайончковский А.М. Восточная Война 1853 – 1856. Т. 2. С. 517.

пробудил критическую мысль: «Все, что было в России интеллигентного, с крайних верхов и до крайних низов, начало думать, как оно еще прежде не думало... Все стали думать и думать в одном направлении, в направлении свободы, в направлении разработки лучших условий жизни для всех и для каждого»¹. Другой современник отмечал, что «все общественное движение представлялось одною широкою, поднимающеюся волною, захватывающее и правящие сферы, и средние круги обывателей, не совсем чуждых общественным интересам, и передовые ряды интеллигенции страны»². И.С. Аксаков писал об этом времени: «Все в движении, все в брожении, все тронулось с места, возится, копошится, просится жить!..»³.

Чувство наступившей «весны» после долгой, суровой «зимы» николаевского царствования порождало во всех, наряду с неприкрытым осуждением пережитой эпохи, безграничную радость, светлые надежды на будущее. По словам Н.В. Шелгунова: «Это было удивительное время – время, когда всякий захотел думать, читать и учиться и когда каждый, у кого было что-нибудь за душой, хотел высказать это громко»⁴.

По мнению современников, первые годы царствования нового императора были проникнуты либеральной атмосферой. Вторая половина 1850-х годов стала временем формирования в русском образованном обществе так называемой «либеральной партии», объединивший всех, кто выступал за эволюционный путь постепенного реформирования «сверху» и был готов содействовать в этом правительству. В 1855 году Б.Н. Чичерин в статье «Современные задачи русской жизни» отмечал: «Либерализм! Это лозунг всякого образованного и здравомыслящего человека в России. Это знамя, которое может соединить около себя людей всех сфер, всех сословий, всех

¹ Шелгунов Н.В. Из прошлого и настоящего. Указ. соч. С. 101.

² Цит. по: Лемке М.К. Эпоха цензурных реформ 1859 – 1865 годов. Указ. соч. С. 24.

³ Аксаков И.С. Передовая статья // Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность. Указ. соч. С. 153–157. С. 154.

⁴ Шелгунов Н.В. Из прошлого и настоящего. Указ. соч. С. 36.

направлений»¹. В 1856 году сенатор К.Н. Лебедев, размышляя о мотивах, побудивших императора назначить гр. П.Д. Киселева послом в Париж, записал: «...в современной атмосфере искренне или притворно – все либералы»². Общественный деятель А.А. Киреев считал, что к 1861 году все «мыслящее» дворянство симпатизировало «либеральному мышлению правительства»³. Гораздо позже консервативный мыслитель Л.А. Тихомиров, подводя итоги правления Александра II, либерализм в период с 1856 по 1881 год назвал «господствующим умственным направлением»⁴. Появление таких схожих оценок, принадлежащих разным лицам, было прежде всего связано с запущенным в стране во второй половине 1850-х – начале 1860-х годов модернизационным процессом, обозначившим, по замечанию наблюдательного современника, переход «от идеи крепостного и служилого государства к идее государства свободного»⁵.

Господствующие в этот период либеральные идеи или, по словам современника, «либеральное движение всей просвещенной России»⁶ объединяли прогрессивных государственных и общественных деятелей, занимавшихся выработкой стратегии реформирования государственной и общественной жизни, которая бы позволила направить развитие страны в соответствии с передовыми западноевропейскими образцами.

Общая либерализация политического режима с приходом к власти нового императора в 1855 года и нараставший в стране общественный подъем ознаменовали начало качественно нового этапа в развитии русской общественной жизни. Если в предшествующий период почти тридцатилетнее правление Николая I, по меткому замечанию декабриста Н.В. Басаргина,

---

¹ Чичерин Б.Н. Современные задачи русской жизни. Указ. соч. С. 52–53

² Лебедев К.П. Из записок сенатора К.П. Лебедева // Русский архив. 1893. Кн. 1. Вып. 4. С. 337–399. С. 353.

³ ОР РГБ. Ф. 126. Д. 1. Т. 1. Л. 3.

⁴ Тихомиров Л.А. Конституционалисты в эпоху 1881 года. М.: Унив. тип., 1895. 122 с. С. 20.

⁵ Шелгунов Н.В. Из прошлого и настоящего. Указ. соч. С. 55.

⁶ ГА РФ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1987. Л. 5.

«основанное на всеобъемлющей централизации, довело значение и действие самого общества до нуля»¹, то в новых условиях русская общественность заявила о себе как самостоятельная мыслящая сила, стремившаяся к активному участию в подготовке реформ. Видный государственный деятель, представитель просвещенной бюрократии эпохи Великих реформ Д.А. Оболенский, наблюдая активизацию образованного общества, отмечал: «Усиленная деятельность правительства по преобразованию не могла не вызвать к жизни все дремавшие общественные силы»². Подготовка правительством решения главного вопроса русской жизни – крестьянского, стимулировала изменения и естественный духовный рост внутри русского образованного общества, которое, получив возможность публично обсуждать социально-экономические и даже политические вопросы, преодолевая прежние полуприватные рамки литературных кружков и салонов, стремилось дать свою оценку кризисной внутривластной ситуации, сложившейся в России в этот период. Происходит выдвижение на общественную арену интеллигенции как особого социокультурного слоя русского общества. Известный историк и публицист того времени К.Д. Кавелин, характеризуя современную ему фазу развития умственного состояния русского образованного общества, писал «...у нас наступает, если уже не наступил, один из тех фазисов развития, когда мыслящее отношение к действительности, к себе и окружающему стремится перейти в деятельное, творческое»³.

Свое практическое воплощение модернизационный потенциал русской общественности получил в многочисленных частных преобразовательных предложениях и проектах второй половины 1850-х годов. Обсуждение основных внутривластных проблем в рамках различных общественных «площадок» – на страницах журналов, в салонах и кружках и др., привело к

---

¹ Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1988. 544 с. С. 420.

² Оболенский Д.А. Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. Указ. соч. С. 193.

³ Кавелин К.Д. Наш умственный строй // Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. Указ. соч. С. 307–319. С. 308.

попыткам донести до верховной власти отдельные меры, направленные на их разрешение. Представитель либеральной бюрократии эпохи Великих реформ князь Д.А. Оболенский отметил беспрецедентное по массовости и всеохватности стремление к составлению записок и проектов реформирования, охватившее русское образованное общество с приходом к власти императора Александра II¹. Он вспоминал: «Со всех сторон посыпались в Петербург проекты железных дорог, записки о разных финансовых реформах и улучшениях, о судебном преобразовании, об освобождении крестьян, о преобразовании армии и пр. и пр.»². В этот период Оболенский, имевший доступ к прогрессивным членам императорской семьи, которым были не чужды либеральные взгляды, выступил в роли посредника между представителями общественности и великокняжескими дворами Елены Павловны и Константина Николаевича.

По словам современников, в этот период каждый здравомыслящий человек осознавал необходимость поворота во внутренней политике, вся передовая общественность «с каким-то трепетным ожиданием устремила взоры к престолу»³. Все испытывали искреннее теплое сочувствие к новому императору, стремились оказать свою помощь, восстановить утерянное в годы Николая I доверие между обществом и государем. Одну из мер нового императора – помилование гимназистов, участвовавших в «политическом» заговоре в конце 1855 года, восторженной заметкой встретил К.Д. Кавелин⁴. Передовые люди, представители разных общественных течений, до тех пор смотревшие на власть как на враждебную силу, теперь, по словам современницы, «вдруг с детской доверчивостью и любовью, и надеждой обращаются к новому государю... Эти люди готовы предложить ему руку на

¹ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 82.

² Оболенский Д.А. Мои воспоминания о Великой Княгине Елене Павловне. Указ. соч. С. 527.

³ Воспоминания Б.Н. Чичерина. С. 113.

⁴ ОР РГБ. Ф. 548. Кар. 2. Д. 39.

союз любви и доверия, готовы предложить ему свою деятельность на благо общее»¹.

На приезд императорской семьи в Москву в сентябре 1855 года с целью поддержания патриотических чувств среди подданных после падения Севастополя, откликнулся М.П. Погодин в своей статье, опубликованной в «Московских ведомостях», напрямую обратившись к императору: «Мы ожидаем от тебя новых указаний, возбуждений, поощрений, мы ожидаем от тебя милости, льготы, наряда. Со внутренним устройством, никакие внешние враги нам не опасны, никакие несчастья для нас не страшны»².

В период подготовки отмены крепостного права определяющим вектором общественной деятельности и творческих поисков русской общественности стало стремление ее представителей предложить власти «концепцию либеральных преобразований, адаптированную к условиям России»³. В первые годы царствования Александра II, ставших также началом нового «витка» модернизационных преобразований в стране⁴, основное содержание этой концепции, сводившееся к требованию «свободы умственной и гражданской», к формуле «действие – право государево, мнение – право страны», к неприятию крепостничества, объединяло представителей русского образованного общества разных идейных взглядов и политических убеждений.

Стремление достичь консенсуса с властью и постараться «удержать» ее в реформаторском направлении было особенно характерно для представителей либеральной общественности, среди которой ведущую роль играли такие общепризнанные идеологи русского либерализма как Б.Н. Чичерин и К.Д. Кавелин. Их совместное «Письмо к издателю», опубликованное в 1856 году в

---

¹ Аксакова В.С. Дневник В.С. Аксаковой (1854–1855): 1855 г. // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/vaksakova_1855.html (дата обращения: 02.12.2018).

² Московские ведомости. 1855. № 109. С. 1067.

³ Нарезный А.И. Истоки российского либерализма. Указ. соч. С. 205.

⁴ Опыт российских модернизаций. XVIII – XX века / Отв. ред. В.В. Алексеев. М.: Наука, 2000. 246 с. С. 54.

первом сборнике «Голосов из России» и адресованное А. И. Герцену, по мнению советских исследователей, имело программный характер и содержало основные положения либерального реформаторского проекта середины XIX века¹. Его суть состояла в необходимости освобождения крестьян «без потрясения всего общественного организма», «введения свободы совести в государстве», в отмене или как компромиссный вариант – ослаблении цензуры². Данные меры, по мнению авторов письма, способствовали бы утверждению гражданских прав и свобод в России и проведению реорганизации аппарата государственного управления. В этом пункте речь прежде всего шла о восстановлении прямых отношений между царем и «истинно образованным людьми», минуя бюрократию, превратившуюся во врага царя и России. Было отмечено, что под гнетом чиновничьей аристократии задыхается русская мысль, которая могла бы принести много пользы для императора в делах управления государством³. По сути эти положения были повторением плана либеральных преобразований, который Б. Н. Чичерин изложил еще в 1855 году в своей статье «Современные задачи русской жизни».

В первые годы нового царствования представители общественности в независимости от своих идейных взглядов и убеждений все свои стремления и надежды, связанные с необходимостью преобразований в стране, возлагали на самодержавную власть в лице императора, который, по их мнению, был единственным кто мог возглавить реформационный процесс при поддержке и соучастии новой силы, заявившей о себе в это время – силы общественного мнения. А.А. Киреев отмечал, что во второй половине 1850-х гг. правительство стояло «на хорошей дороге»⁴. В общественной среде в этот

¹ Революционная ситуация в России в середине XIX века. С. 87; Сладкевич Н.Г. Борьба общественных течений в русской публицистике конца 50-х – начала 60-х годов XIX века. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1979. 127 с. С. 8.

² Кавелин К.Д., Чичерин Б.Н. Письмо к издателю // Голоса из России: сб. А.И. Герцена и Н.П. Огарева: кн. I – III (1856 – 1857). Вып. 1. Кн. 1. М.: Наука, 1974. С. 9–36. С. 21.

³ Там же. С. 17.

⁴ ОР РГБ. Ф. 126. Д. 1. Т. 1. Л. 17 об.

период совершенно не возникало вопросов о необходимости ограничения самодержавия¹. Так, публицист Н.А. Мельгунов в статье 1855 года «Мысли вслух об истекшем тридцатилетии России», предостерегая молодежь от использования в достижении целей радикальных решений, отмечал, что в России «...всякое начинание проистекает сверху»². В другой статье «Россия в войне и в мире» автор уточняет, что преобразования, которые предлагает общественность, не включают требование ограничения верховной власти: «...не конституционные сделки нам нужны, а самодержавные реформы»³, – заявляет Мельгунов.

В этот период реформационный потенциал за самодержавной властью признавали даже радикальные представители русской общественной мысли. Н.Г. Чернышевский писал в «Современнике»: «Благословение, обещанное миротворцам и милостивым, увенчает и Александра II счастьем так, как еще не был увенчан ни один монарх в Европе, ибо большое счастье самому начать и провести в жизнь освобождение своих подданных»⁴.

Уникальность первых лет царствования Александра II заключалась в том, что общественность и правительство стремились к одним, общим переменам, сливались в одну общую силу, способную предотвратить внутренний кризис. В особенности это проявилось в изменении характера материалов, публикуемых в правительственных органах печати. Современники отмечали, что даже такие специализированные издания, как «Военный сборник» и «Морской сборник» «совсем вышли из пределов своей прежней программы и ничем не отличались от обыкновенных толстых журналов»⁵. Подобные изменения отмечает и В.С. Аксакова: «Получили

¹ Нарезный А.И. Проблемы модернизации самодержавия в русской общественной мысли XIX века. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2014. 204 с. С. 122.

² Мельгунов Н.А. Мысли вслух об истекшем тридцатилетии России // Голоса из России: сб. А. И. Герцена и Н. П. Огарева: в 4-х вып.: в 10-ти кн. М.: Наука, 1974. Вып. 1. Кн. 1. С. 62–151. С. 150.

³ Мельгунов Н.А. Россия в войне и мире. Указ. соч. С. 146.

⁴ Цит. по: Леонтович В.В. История либерализма в России (1762 – 1914). Указ. соч. С. 153.

⁵ Шелгунов Н.В. Из прошлого и настоящего. Указ. соч. С. 94.

номер 2-й «Морского сборника» и с наслаждением читаем все статьи в нем, даже все хозяйственные распоряжения; во всем слышится правда, свобода мысли, откровенность, полная доверия; дышится отраднее, точно читаешь об чужом государстве; и как такое направление быстро принесло успех, вызвало жизнь, благородное решение на пользу общую, привлекало к деятельности прекрасных честных людей, как благотворно оно воспитывает всех своим влиянием!»¹.

Известная речь Александра II перед московскими предводителями дворянства 30 марта 1856 года, в которой с одной стороны, император отрицал слухи о его намерениях отменить крепостное право, а с другой – подтверждал неминувость будущего освобождения крестьян, по мнению советских историков, имела противоречивый характер и была направлена на успокоение умов «встревоженных крепостников». При этом подчеркивалось, что в этой противоречивой позиции императора проявилось вся слабость самодержавия, вызванная последствиями Крымской войны и, что особенно важно, нарастающим общественным подъемом². Следует отметить, что подъем, представляющий собой консолидацию и активизацию наиболее передовых слоев образованного общества, в данный период не ослаблял самодержавный режим, а наоборот, являясь проявлением общественной инициативы и участия общества в общем деле преобразования страны, способствовал и поддерживал реформационный потенциал власти и демонстрировал способность общества, если не наравне с самодержавной властью, то хотя бы на правах ее младшего партнера учувствовать в решении крестьянского вопроса.

Одним из важнейших проявлений общественного подъема стало резкое оживление литературной деятельности, появление большого количества новых периодических изданий, ослабление цензурных ограничений.

---

¹ Аксакова В.С. Дневник В.С. Аксаковой (1854–1855): 1855 г. // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/vaksakova_1855.html (дата обращения: 02.12.2018).

² Дружинин Н.М. Москва в годы Крымской войны // Вестник АН СССР. 1947. № 6. С. 49–63. С. 63.

Оживление в научных и литературных кругах происходит еще при Николае I с 1853 года. Назначение на должность министра народного просвещения А.С. Норова вместо ненавистного всем князя П.А. Ширинского-Шахматого было встречено обществом с большим энтузиазмом. Этот шаг воспринимался как отказ от политики притеснения российского образования, характерный для последних предвоенных лет николаевского правления. Со всех сторон последовали благожелательные отзывы по поводу нового назначения. В своем «Дневнике» А.В. Никитенко указывал, что Норов отваживался мечтать об упразднении негласного бутурлинского комитета, который в общественном мнении был равен торжеству реакции¹. Несмотря на то, что в тот момент смягчения цензуры еще не последовало в литературных и общественных кругах происходит заметное оживление. Негласное табу, наложенное на упоминание имени В.Г. Белинского в публицистике было фактически снято. Его традиции критики на страницах «Современника» в это время продолжал Н.Г. Чернышевский. И.С. Тургенев, ранее высланный из столицы, получил разрешение вернуться². Одновременно с ним разрешение выехать из Вятки, куда он был фактически сослан, получил М.Е. Салтыков-Щедрин³. В среде московских западников возникает идея создания нового общественно-политического издания, во главе которого должен был стать Е.Ф. Корш⁴.

Умственно и морально стесненное в предшествующее царствование общество стремилось к коллективной работе, к обновлению всего строя политической жизни. Слово – печатное или произнесенное публично, приобретает возможность оказывать благотворное воздействие как на общество, так и на власть, о чем мечтали еще в период предшествующего

---

¹ Никитенко А.В. Записки и дневник: В 3-х т. Т. 1. М.: Захаров, 2005. 640 с. С. 546.

² Чайковская И.И. Иван Тургенев как «антигерой» мемуаров Авдотьи Панаевой (за страницами панаевских «воспоминаний») // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. №1. С.187–200. С. 191.

³ Иванов-Разумник Р.В. М.Е. Салтыков-Щедрин: В 2-х т. Т. 1. М.: Федерация, 1930. 384 с. С. 120–121.

⁴ Т.Н. Грановский к Е.Ф. Коршу // Т.Н. Грановский и его переписка. Указ. соч. Т. 2. С. 467.

царствования представители русской литературы, например, Н.В. Гоголь¹. Пристальное внимание мыслящих людей было сосредоточено на решении вопроса об отмене крепостного права. Крепнущее гражданское самосознание русской общественности, поддерживаемое духом времени, усматривало в наличии крепостного права источник невежества и всяких противоречий, рабство народа в России на протяжении столетий приводило к утрате у привилегированной части общества «нравственных сил, отличающих человека и составляющих гражданина»². Строки, написанные декабристом Д. Завалишиным в 1825 году: «Ах, скоро ль кончится терпенье/ И долго ль будем в рабстве жить;/ Свободы нашей похищенье, / Ах, долго ль будем мы сносить?!»³ и «Тем боле должны вы стадиться: / Рабов имея – в рабстве вы. / И вам ли думать о свободе, / Коль угнетаете других!»⁴ были осознаны широкими кругами русской общественности спустя 30 лет. Комплекс стыда в связи с сохранением крепостного права как один из долговременно действовавших социально-культурных факторов наиболее ярко проявил себя к середине XIX века. Русское просвещенное общество под долгим воздействием западных идей понимало всю несправедливость сохранения рабского положения большинства населения страны. При этом, необходимо отметить, что представители общественности, задумываясь о необходимости ликвидации крепостного права, рассуждали прежде всего в категориях морали и не осознавали экономических реалий своего времени⁵. Связано это было с тем, что экономическая целесообразность никогда не была определяющей в системе ценностей благородного сословия⁶. В этом отношении 1855 год стал

¹ Vassena R. “Chudo nevedomoi sily”: Public Literary Readings in the Era of the Great Reforms. *The Russian Review*, vol. 73, no. 1 (Jan., 2014), pp. 47–63. P. 47.

² Лунин М.С. Письма из Сибири // России верные сыны / Сост. В. Г. Тюкавкина. М.: Молодая гвардия, 1988. 541 с. С. 476–477.

³ Декабристы. Антология в двух томах // Сост. Вл. Орлова. Т. 1. Л.: Худож. лит., 1975. 496 с. С. 392.

⁴ Там же. С. 393.

⁵ Экштут С.А. Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного века. Указ. соч. С. 42, 45, 50.

⁶ Крот М.Н. Дворянский вопрос в консервативной концепции модернизации России второй половины XIX в. // Вестник РМИОН. Исторические, социально-философские и культурные

рубежной датой в формировании нового типа мышления, нового качества общественного сознания, чутко реагирующего на общественно-политическую ситуацию и осознавшего свою действительную возможность влиять на принятие властных решений, направлять курс правительственных преобразований.

Другим фактором, определяющим общественное сознание с приходом к власти Александра II, стало изменение отношения к наследию декабристов. Если в николаевское правление на эту тему был наложен запрет, правительство стремилось по словам декабриста Н.В. Басаргина «как можно ниже поставить нас [декабристов] в общественном мнении, лишить нас всяких средств иметь влияние на общество»¹, то с приходом к власти Александра II ситуация значительно изменилась. Ф.М. Достоевский писал, что «изъятие декабристов», представлявших собой «чистый элемент» привело к изменению морального климата в обществе в худшую сторону: распространению цинизма и обеднению нравственного облика русского дворянства. В 1855 году правительство принимает ряд мер по оздоровлению общественной атмосферы, считаясь с популярностью в обществе декабристских сюжетов.

Еще в начале XIX века выдающийся государственный деятель М.М. Сперанский отмечал, что правительство любой страны не может действовать вопреки духу времени, заключающемуся в стремлении общества к политической свободе и гражданственности², государственность должна соответствовать уровню развития общества. Данное соответствие поддерживается преобразованиями политического устройства государства, проведением реформ, удачный момент для которых наступает при общей подготовленности умов к восприятию политических новаций. Отсутствие

аспекты модернизации в России в XIX – начале XXI вв. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2014. С. 26–38. С. 27.

¹ Басаргин Н.В. Записки // России верные сыны. Указ. соч. С. 468.

² Сперанский М.М. План государственного преобразования графа М.М. Сперанского: (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.). М.: Русская мысль, 1905. 359 с. С. 261.

противоречивости и конфликтов между властью и общественность возможно при соответствии образа мыслей, состоянию образа правления. Именно в середине XIX века, с приходом к власти Александра II сложился удачный момент для преобразований, когда образ мыслей, состояние общественного духа совпало с инициативностью самодержавной власти, с ее готовностью прислушаться к общественному мнению. Применительно к середине XIX века можно выделить начальный этап формирования в России гражданского общества как идеальной модели взаимодействия и сотрудничества государства и общественности.

Важнейшим проявлением общественно-политического подъема стало распространение гласности, которая обеспечила открытость и прозрачность реформационного процесса, способствовала быстрому политическому просвещению общественности, формированию у различных слоев общества гражданского самосознания. Правительство отказалось от секретности при обсуждении ключевого вопроса внутренней политики – крестьянского, что являлось, с одной стороны, актом доверия к здоровым общественным силам со стороны власти, а с другой – показателем резко возросшего интеллектуально-творческого уровня образованной части общества. К разработке и обсуждению проектов реформ была привлечена не только высшая бюрократия и чиновники среднего звена, но и представители общественности, составляющие интеллектуальную элиту страны, что позволило в этот период наладить диалог с властью и создать условия для движения к гражданскому обществу. В 1861 году Ф.М. Достоевский на страницах журнала «Время», подводя итоги общественной деятельности за последнее пятилетие, особо отметил распространение «благодетельной гласности». Он писал, что она представляла собой не просто освещение отдельных злоупотреблений и недостатков отдельных должностных лиц, но и стала важным фактором общественного прогресса, условием формирования гражданственности. Достоевский писал, что, «доводя до общего сведения все, что способно или шевельнуть душу, или пролить новый свет на какие-нибудь далекие и темные

углы... нашей житейской действительности, доселе незамеченные», гласность способствует пробуждению общества от прежней инерции и обращению его к современным вопросам¹.

Особенно ярко необычность и глубину перемен, происходивших в России, передает Д.А. Милютин, так как он был лишен возможности наблюдать постепенность и последовательность изменений. Он увидел результат их вдруг, после четырехлетнего пребывания на Кавказе. Приехав в Петербург в конце 1860 года, он был поражен увиденным: «Мертвенная инерция, в которой Россия покоилась до Крымской войны, и затем безнадежное разочарование, навеянное Севастопольским погромом, сменились теперь юношеским одушевлением, розовыми надеждами на возрождение, на обновление всего государственного строя. Прежний строгий запрет на устное, письменное и паче печатное обнаружение правды был снят, и повсюду слышалось свободное, беспощадное осуждение существующих порядков. Печать сделалась орудием обличения зла. Правительство принялось за коренные преобразования...»².

Вторую половину 1850-х годов в своих воспоминаниях известный консервативный общественный деятель и современник событий В.П. Мещерский назвал «эпохой обличения»³. Д.А. Оболенский писал по этому поводу: «Рукописная литература, в разных видах и с разных сторон, обличала всех и все»⁴. Широкое распространение критические общественные настроения получили на заключительном этапе Крымской войны и особенно после сдачи Севастополя в августе 1855 года. Первые оценки внутриполитической ситуации представителями общественности носили довольно эмоциональный характер, обусловленный унижением национальной

---

¹ Ф.М. Достоевский. Внутренние новости // Время. 1861. № 1. Отд. IV. С. 11.

² Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Д.А. Милютина, 1843 – 1856. Указ. соч. С. 39–40.

³ Мещерский В.П. Воспоминания. Указ. соч. С. 39.

⁴ Оболенский Д.А. Мои воспоминания о Великой Княгине Елене Павловне. Указ. соч. С. 525.

гордости. Война, за ходом которой русское общество следило с напряженным вниманием, дала новый импульс общественной мысли, печати, публицистике и литературе. Новый этап наступил в развитии западнического и славянофильского течений, представители которых стремились как можно полнее выразить свое отношение к текущим событиям. По-разному воспринимая сущность войны и ее целесообразность, представители этих течений сходились в одном – сурово оберегаемое государственное здание «оказалось гнилым в самом основании», оно полно «Безбожной лести, лжи тлетворной, / и лени мертвой и позорной...»¹.

Недоумение и растерянность, вызванные «несчастной войной» на фоне всеобщего разочарования во внешнеполитическом могуществе империи, сменились раздумьями над судьбой отечества на страницах многочисленных публицистических текстов, ходивших в рукописных списках. Особенно ярко общественные настроения этого периода отразились в записке «Дума русского (во второй половине 1855 года)», автором которой был курляндский губернатор, будущий министр внутренних дел П.А. Валуев. Эта записка, разосланная Великому Князю Константину Николаевичу и другим высокопоставленным лицам, получила широкую известность в обществе, поразив равнодушных современников смелостью и точностью, с какой ее автор охарактеризовал основные проблемы в государственном управлении страны и указал на просчеты внешнеполитической деятельности николаевского правительства. Поднятые в «Думе» Валуева вопросы настолько соответствовали моменту и настроениям, господствовавшим в русском передовом обществе, что это сочинение, написанное представителем правящей бюрократии, стало широко распространяться в списках, подобно рукописным статьям либеральных общественных деятелей тех лет. Этот факт сам по себе красноречиво характеризует общее критическое направление мыслей, царившее и среди представителей власти, и в общественных кругах.

---

¹ Воспоминания Б.Н. Чичерина. Указ. соч. С. 106, 112.

Более того, управляющий Морским министерством, прогрессивный представитель императорской семьи, великий князь Константин Николаевич в декабре 1855 года отдал приказ по-своему ведомству, в котором цитировался отрывок из «Думы» Валуева, содержащий критическую характеристику организации административного управления, погрязшего в «официальном многословии»¹. Одной из главных проблем сложившегося механизма управления империей, по мнению Валуева, являлся «недостаток истины», «всеобщая официальная ложь», которая исключила все возможности для объективной оценки ситуации в стране даже в самой правящей среде². В результате «под сенью официальных самовосхвалений» от широких общественных кругов было скрыто обернувшееся военными неудачами отставание России от мощных европейских противников, что в свою очередь стало следствием накопившихся многочисленных социально-экономических проблем.

В первые годы царствования Александра II многие общественные деятели стремились представить перед русским обществом и правительственными кругами свою характеристику внутривполитического положения страны, выделив основные проблемы, которые привели к поражению в Крымской войне. Один из современников, оценивая общественно-политическую ситуацию второй половины 1850-х гг., отмечал: «... Только чрез сознание наших недостатков мы в состоянии усовершенствоваться»³. По мнению Ю.Ф. Самарина, внутривполитический кризис в России приобрел системный характер, пронизывающий весь административный аппарат управления империей. Он был вызван прежде всего подавлением общественной самодеятельности в годы николаевского царствования, что привело к оскудению «общественного духа» и обернулось для России рядом отрицательных последствий, среди которых мыслитель

---

¹ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 183. Л. 1.

² Валуев П.А. Дума русского (во второй половине 1855 года). Указ. соч. С. 509.

³ ГА РФ. Ф. 103. Оп. За. Д. 85. Л. 3 об.

отметил: «...Громадное развитие бесстыдного взяточничества, господство сознательной лжи в отчетах, донесениях, проповедях, приказах, пренебрежение к законам, устремление законодательной деятельности на мелочи и преднамеренное уклонение ее от существенных, но трудных задач...»¹. В таких условиях становилось необходимым, чтобы правительство без посредничества полиции знало «искреннее мнение каждого» и руководствовалось им при проведении внутренней политики и подготовке преобразований.

С этой целью представители общественности в независимости от своих идейных позиций предлагали посредством расширения гласности возродить и укрепить общественное мнение, которое было сведено на нет действиями николаевского правительства. Гласность стала восприниматься как действенное средство борьбы с кризисными явлениями различного происхождения, пронизывающими государственный аппарат управления. Активный общественный деятель, историк М.П. Погодин, являвшийся проводником государственной идеологии, выступая в качестве частного советника Николая I, после смерти императора выпустил серию критических статей, обличающих пороки российской бюрократической системы и получивших широкое распространение в русском обществе. Выделяя и анализируя основные недостатки политического режима Николая I, он делал вывод: «Государь, очарованный блестящими отчетами, не имел верного понятия о настоящем положении России. Став на высоту недостижимую, он не имел средств ничего слышать: никакая правда до него достигнуть не смеет, да и не может; все пути выражения мысли закрыты, нет ни гласности, ни общественного мнения, ни апелляций, ни протеста, ни контроля»². По мнению другого современника, верховное правительство в лице императора со всех сторон осадил «широкий бюрократический круг» и именно от него

---

¹ Самарин Ю.Ф. Чему должны мы научиться? // Самарин Ю.Ф. Православие и народность / Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 286–313. С. 309.

² Погодин М.П. О влиянии внешней политики на внутреннюю. Указ. соч. С. 260.

«происходит тот густой мрак, в котором скрывается общее расстройство»¹. Но появлялись в этот период и посредственные суждения о России как о «стройном и гармоничном целом», стоящем непоколебимо на своих началах².

В новых условиях система «постоянной взаимной вражды и недоверия» между властью и мыслящей частью русского общества, созданная за годы николаевского царствования, стала для набирающей силу и формирующей свое мнение общественности совершенно невыносимой, сковывающей ее дальнейшее развитие. «Только совершенный внутренний переворот, полная перемена всей системы может вызвать новую жизнь»³ – с таким утверждением было согласно подавляющее большинство русских образованных людей. Критическое отношение к общественно-политическому устройству России при Николае I, распространившееся после его смерти, должно было сформировать правильное направление ожидаемых преобразований и предупредить нового государя о том, что «старая система» не справится с накопившимися проблемами. Александр II и его ближайшее окружение были вынуждены прислушиваться к общественному мнению, остро критиковавшему тот политический режим и гнет общественной жизни, которые установились за годы предшествовавшего царствования. К концу 1850-х гг. в правящих кругах возникла идея создания правительственной газеты, которая не носила бы официального характера и могла бы «руководить общественным мнением»⁴. П.А. Валуев, составивший записку с проектом издания подобной газеты, стремился указать императору на актуальные возможности, с помощью которых можно было повлиять на русскую «публику».

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3 а. Д. 84. Л. 6 об.

² РГИА. Ф. 1108. Оп. 2. Д. 53. Л. 4.

³ Аксакова В.С. Дневник В.С. Аксаковой (1854–1855): 1855 г. // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/vaksakova_1855.html (дата обращения: 02.12.2018).

⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1982. Л. 3; Д. 1941. Л. 1.

Оценка общественно-политической ситуации в стране представителями общественности, выделение наиболее важных проблем внутреннего развития страны, вело от критики и «обличительства» к выработке многочисленных преобразовательных проектов и предложений по крестьянскому вопросу, реформированию армии, основных внутривнутриполитических сфер – финансово-экономической, судебной и образовательной. Выдающийся русский финансист, автор работ об отечественной кредитно-финансовой системе Е.И. Ламанский в своих воспоминаниях отметил изменение внутренней политики самодержавного правительства при вступлении на престол Александра II, во многом произошедшее под воздействием широко распространенного в образованном обществе либерального движения, характеризующегося прежде всего стремлением к преобразованиям. По его замечанию, при таком «напряженном состоянии общества сами собою наметились все наиболее жгучие вопросы русской жизни, как-то: освобождение крестьян, преобразование судебной части, поощрение торговли и промышленности, и сразу явилось стремление к самодеятельности»¹.

К концу 1850-х годов правительство стремится выстроить определенные рамки, в которых общественности дозволялось обсуждать актуальные проблемы развития страны и, в частности, крестьянский вопрос². Общественные ожидания приобретают более конкретный характер, воплощаясь в проектах реорганизации различных сфер жизни общества. Происходит постепенный переход от эмоционально-восторженных настроений начала Александровского царствования, наполненных радужными надеждами на будущее обновление страны, к выдвижению конкретных требований по отношению к власти, направленных на практическую реализацию общественных проектов и сотрудничество с нею в деле разрешения насущных задач. С этого же времени более очевидной становится

---

¹ Ламанский Е.И. Из воспоминаний Евгения Ивановича Ламанского // Русская старина. 1915. Т. CLXI. Вып. 3. С. 576–589. С. 580.

² Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1861 гг. Указ. соч. С. 426.

поляризация основных общественных сил, которая способствовала формированию основных направлений русской общественной мысли, вырабатывавших собственные концепции дальнейшей модернизации страны. Также происходит нарастание радикальных настроений, связанных с тем, что поколение, формировавшееся в период подготовки и проведения крестьянской реформы, воспринимало освобождение крестьян как первый шаг на пути к всеобщему прогрессу и свободе, трактуемой как возможность осуществления ничем не ограниченных бесконечных возможностей¹.

Вместе с ростом критических настроений в русском образованном обществе и его социальной активности на протяжении второй половины 1850-х годов неизбежно нарастало противостояние между общественными силами и самодержавной властью в выработке подходов к решению ряда вопросов внутренней жизни страны. Ответной реакцией властей на этот процесс стало усиление полицейского надзора за отдельными личностями, в особенности за литературными деятелями². В одном из своих писем конца 1850-х гг. к Б.Н. Чичерину К.Д. Кавелин отмечал по этому поводу: «...Тайная полиция, как гончая собака, вынюхивает только красного зверя...», но слишком увлекается, по мнению Кавелина, в своем поиске неблагонадежных элементов³.

К концу 1850-х годов стали появляться разочарованные оценки первых лет царствования Александра II. Неизвестный корреспондент из Петербурга в «Письме к издателю», помещенном в «Колоколе» за август 1857 года, был возмущен тем, что за два года нового царствования не было предпринято никаких действенных мер в крестьянском вопросе, в «обуздании повсеместного воровства», распространившегося на всех уровнях чиновничьей иерархии⁴. На страницах периодической печати снова появлялись критические отзывы о бюрократической системе. В 1859 году

---

¹ Леонтович В.В. История либерализма в России (1762 – 1914). Указ. соч. С. 152.

² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 84. Л. 2 об.; Д. 1972. Л. 1; Д. 1986. Л. 2.

³ ОР РГБ. Ф. 334. Кар. 2. Д. 22. Л. 23.

⁴ Из Петербурга (письмо к издателю) // Колокол. Первое десятилетие. 1857 – 1867. Лондон, Женева, 1867. С. 14–15. С. 14.

автор одной из статей «Русского вестника», выделяя основные проблемы в административном аппарате управления, указал на чрезмерную централизацию, продолжавшееся увеличение бумажного делопроизводства, его медлительность из-за того, что даже самые мелкие дела требуют высочайших ходатайств, а также на недостаток в «дельных и добросовестных чиновниках»¹. Об этом же в своей записке в адрес Александра II писал другой наблюдательный современник, отмечая, что «постоянное стремление каждого [чиновника – прим. автора] ограждать себя от законной ответственности, требует страшного расхода, труда, бумаги, чернил и времени»².

Одним из факторов, способствовавших росту критических настроений в общественной среде стало распространение в России материалов, опубликованных Герценом в Вольной типографии в Лондоне, на страницах альманаха «Полярная звезда», газеты «Колокол» и неперiodических сборников «Голоса из России» – изданий, ставших известными всей пишущей и читающей публике в России, не исключая членов императорской семьи и видных государственных деятелей³. В «Политическом обозрении за 1858 год» было отмечено, что общественное мнение, требовавшее постоянного наблюдения и выразившиеся прежде всего «в общественных и журнальных возгласах о публичном судопроизводстве, об уничтожении служебных злоупотреблений, о свободе мысли и неограниченном книгопечатании», «сильно раздражалось сочинениями Герцена и другими книгами, печатаемыми вне России»⁴. Свободу печати и распространение гласности А.И. Герцен вместе с Н.П. Огаревым рассматривали как действенный инструмент разрешения социальных и политических проблем России и в этом отношении они стояли на позициях российской общественности.

---

¹ Каменский Д. Об изменении существующей системы снабжения войск вещами // Русский Вестник. 1859. Т. 20. С. 509–546. С. 510.

² ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 603. Л. 8.

³ См. подробнее: Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права в России. С. 122.

⁴ Политическое обозрение за 1858 год // Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827 – 1869. М.: Россий Архив, 2006. С. 473.

Наряду с герценовскими изданиями особым явлением в русской эмигрантской прессе стала оппозиционная газета «Будущность», выходившая за границей в 1860 – 1861 годах под руководством князя П.В. Долгорукова. В ряде ее статей обличительного характера отразились изменения, которые происходили в общественном сознании в России этого периода. В многочисленных письмах из центральных губерний страны, присылаемых на имя редактора газеты П. В. Долгорукова, звучала открытая критика в адрес российского правительства за отсутствие в его деятельности «всякой системы, всякого обдуманного направления»¹.

Общественность впервые выступила на арену политической борьбы в качестве новой, независимой силы, стремившейся выработать самостоятельный подход к решению насущных задач. Обличительный характер, который принимали публикации в печати, вызывали ответные цезурные меры правительства. В частности, в распоряжении по Санкт-Петербургскому и Московскому цензурным комитетам от 7 ноября 1857 года было отмечено, что в последнее время «большинством наших периодических изданий» «своевольно и неуместно» принято «полицейское направление»². Но при этом современники отмечали некоторую растерянность, царившую в цензурных ведомствах, которые не могли в полной мере приспособиться к новым условиям невиданного до этого периода возрастания роли общественного мнения. Историк С.М. Соловьев с иронией писал: «Безнравственная и глупая цензура очумела окончательно при новых условиях – решительно не знала, что делать, что запрещать и что пропускать... В ней господствовал полный произвол: в одно и то же время запрещалась вещь самая невинная, какой-нибудь исторический факт из времен давно прошедших, и

---

¹ Письмо из Петербурга // Будущность. 1861. № 13. С. 99–104. С. 101; Письмо из Москвы // Будущность. 1861. № 16 и 17. С. 134–135; Другое письмо из Москвы // Будущность. № 16 и 17. С. 135–136.

² Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1861 гг. Указ. соч. С. 416.

допускался явный призыв к восстанию низших классов против высших»¹. Об изменении в характер взаимоотношений власти и общественности, а также усилении контроля за общественной деятельностью, свидетельствовал довольно красноречивый факт. В 1859 году группа российских экономистов, в числе которой были И.В. Вернадский, Е.И. Ламанский, В.П. Безобразов, Ф.Г. Тернер, обратились к попечителю Санкт-Петербургского учебного округа с прошением о дозволении им открыть курсы публичных лекций, посвященных актуальным экономическим вопросам². Прошение не встретило возражений ни у министра финансов, ни со стороны министра народного просвещения³. Однако, незадолго до этого появилось секретное постановление от министра народного просвещения Е.П. Ковалевского к помощнику попечителя Санкт-Петербургского учебного округа. В нем министр просил установить наблюдение «за духом чтения» публичных лекций, поручив это «благонадежным лицам», которые должны были присутствовать на чтениях. В случае обнаружения ими в подаче материалов лекций «неприличного или неблагонадежного направления» необходимо было незамедлительно сообщать об этом помощнику попечителя или в особо важных случаях самому министру⁴.

Несмотря на сотрудничество с обществом, осуществлявшееся властью в данный период, она считает необходимым «останавливать его порывы» и держать общественную активность в определенных рамках. В частности, это проявлялось в деятельности тогдашнего министра народного просвещения Е.П. Ковалевского, в характеристике которого, составленной главноуправляющим III Отделения, значилось: «Он... останавливает порывы литературы. Качества эти при настоящих обстоятельствах весьма важны,

---

¹ Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/solovyev_s_m/solovyev_s_m_moi_zapiski.html (дата обращения: 08.05.2018).

² РГИА. Ф. 735. Оп. 5. Д. 256. Л. 21.

³ Там же. Л. 29–29 об., л. 32.

⁴ РГИА. Ф. 735. Оп. 5. Д. 257. Л. 1–1об.

ибо... писатели наши желают усвоить себе право общественного голоса и суда»¹. Общество же со своей стороны, напротив, стремилось к расширению общественной самодеятельности и максимальному ограничению правительственной опеки над публичной сферой.

С конца 1850-х годов это общественное стремление начинает приобретать крайние формы, выражаясь в формировании нового типа «передового человека», который по словам Соловьева стремился к движению вперед во что бы то ни стало, ругал прошлое, обличал настоящее. Не без иронии историк писал: «При Николае его бы сослали куда Макар телят не гонял, да при Николае он бы и не заговорил»². Характеризуя эту тенденцию, все более широко распространявшуюся в обществе, Соловьев писал: «Теперь было безопасно говорить, обличать; заговорила, явилась целая обличительная литература, следствием чего было усиление пагубной привычки к отрицанию, делу чрезвычайно легкому...»³.

Проблемы в общественно-политическом развитии страны в переломный период середины XIX века отмечал Д.А. Милютин. Он указывал, что наряду с противодействием начинавшимся реформам со стороны реакционных сил, появилось и прямо противоположное явление – опасность, которую таила в себе «нарождавшаяся у нас в то время революционная и анархическая пропаганда»: беспорядки в университетах, появление революционных воззваний, прокламаций, распространение анархических понятий среди крестьянства. В этом отношении особую роль взяла на себя прогрессивная журналистика, «с которой снята была прежняя строгая узда» цензуры. Почувствовав свободу, уловив способность правительства идти на уступки, журналистика «не ограничилась обличением существовавших язв,

¹ Политическое обозрение за 1858 год // Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827 – 1869. Указ. соч. С. 479.

² Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/solovyev_s_m/solovyev_s_m_moi_zapiski.html (дата обращения: 08.05.2018).

³ Там же.

злоупотреблений и беззаконий, а приняла характер оппозиции против всего правительственного, начала возбуждать недоверие и презрение ко всякой власти, разрушать все, чем держится в государстве равновесие и порядок»¹.

К концу 1850-х годов в общественной среде впервые открыто прозвучало требование введения конституционного правления в России. Появились заявления и призывы к кардинальному изменению формы правления в стране, с которыми выступали революционный демократ Н.А. Серно-Соловьевич, конституционалист П.В. Долгоруков, поддержавший их А.И. Герцен и либеральные публицисты «Отечественных записок» (С.С. Громека, Н.В. Альбертини)². Всех их объединяло неприятие правительственного курса на постепенное реформирование страны. В конце 1850-х – начале 1860-х годов они выдвигали требования радикальных перемен прежде всего политического устройства России, в которой, по их мнению, самодержавие в течение пятилетних «половинчатых» преобразований доказало свою недееспособность и должно уступить место конституционному правлению.

Следует отметить, что появление в конце 1850-х годов все более резких и критических оценок деятельности нового правительства позволяют сделать вывод о том, что внутривполитические меры, предпринятые в первые годы царствования императора Александра II, не оправдали большинства общественных надежд, связанных с начавшимся преобразовательным процессом. Стихийно проявлявшаяся гласность в сковывающих свободное выражение общественного мнения цензурных условиях, с одной стороны, ориентировала общественное мнение на понимание и рациональное

---

¹ Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Д.А. Милютина, 1843 – 1856. Указ. соч. С. 42.

² Альбертини Н.В. Автору «полемических красот» // Отечественные записки. 1861. Т. 137. № 8. С. 75; Громека С.С. Современная хроника России // Отечественные записки. 1860. Т. 132. № 10. С. 40; Долгоруков П.В. Правда о России, высказанная князем Петром Долгоруковым: В 2-х т. Т. 1. Париж: А. Franck, 1861. 255 с. С. 96–97; Серно-Соловьевич Н.А. Проект действительного освобождения крестьян // Серно-Соловьевич Н.А. Публицистика. Письма. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 5–52. С. 52.

осмысление ошибок и просчетов властей, «открывала глаза» на проблемы государственного и общественного устройства, заставлял задуматься о необходимости коренных преобразований как власть, так и общество. С другой стороны, она распаляла оппозиционные настроения, что вело к резко негативной оценке деятельности правительства и дискредитации власти, отказу от диалога и сотрудничества инициативных сил с ней, что в будущем приведет к дестабилизации обстановки и росту радикальных антиправительственных настроений в обществе.

Таким образом, концепция, общие принципы и основные направления Великих реформ 1860-х – 1870-х годов вырабатывались в условиях уникальной общественно-политической ситуации второй половины 1850-х – начала 1860-х годов, когда общественность стала принимать активное, хотя и опосредованное участие в процессе подготовки преобразований.

Социальная активизация общественности началась еще в начальный период Крымской войны и выразилась в патриотическом подъеме. Уже тогда проявились многие явления будущего общественно-политического подъема – «действенная» позиция общества, стремящегося к содействию власти, стремление к гласности, обличение пороков и язв николаевской системы, которое позднее в радикальных общественных кругах стало распространяться на весь самодержавный строй. «Политическое оживление» русского образованного общества, широкое распространение в общественной среде критических оценок внутривластного положения страны, обличение основных социально-экономических проблем и недостатков самодержавного аппарата управления оказывали существенное влияние на формирующийся внутривластный курс правительства Александра II, создавая особое общественное пространство для обсуждения наиболее значимых вопросов, насыщая публичную сферу в России преобразовательными идеями. В условиях острого внутривластного кризиса второй половины 1850-х годов общественная оценка ситуации в стране стала своеобразной экспертизой, идущей «снизу», от представителей русской общественности.

Дискурс «обновления», распространившийся в общественной среде и в прогрессивном слое либеральной бюрократии, способствовал необратимости и масштабности готовившихся реформ.

Проходившие в стране на протяжении всего имперского периода истории процессы социокультурной модернизации неизбежно трансформировали отношения между властью и общественностью, которая, вырабатывая собственные концепции социально-политического переустройства, постепенно превращалась в активный субъект общественно-политической жизни страны. Общественно-политический подъем 1850-х – начала 1860-х годов, стал наиболее ярким проявлением процессов социокультурной модернизации в России XIX века, являясь одновременно высшей точкой российского просветительства как движения направленного на распространение в обществе знаний и «здоровых понятий». На протяжении 50-х годов XIX века он прошел стремительную эволюцию от патриотической поддержки обществом верховной власти и стремления во всем содействовать ей, подчиняясь державной воле, до формирования различными направлениями общественной мысли альтернативных моделей общественного развития и начала конфронтации между властью и обществом.

Глава 2. Основные формы взаимодействия власти и общественности во второй половине 1850-х – начале 1860-х годов

2.1 Письма и записки к власти во второй половине 1850-х – начале 1860-х годов как фактор влияния на правительство

Крымская война оказала огромное влияние на сознание современников. Под воздействием вызванного ею патриотического подъема общественность, притесненная гнетом николаевского режима, в первые годы царствования императора Александра II искала выхода для накопившейся прогрессивной энергии. Всеобщее пробуждение мысли после духовного застоя конца 1840-х – начала 1850-х годов, неудачи русских войск на полях сражений, особенно падение Севастополя в августе 1855 года, обусловили трансформацию патриотического подъема в общественно-политический. Недоумение и растерянность русского общества, вызванные «несчастной войной» на фоне всеобщего разочарования в военном потенциале страны, сменились раздумьями над судьбой отечества на страницах многочисленных рукописных текстов, осознанием необходимости широких преобразований. Настрой на обновление, ставший доминирующим общественным настроением второй половины 1850-х – начала 1860-х годов, стимулировал процессы политической коммуникации власти и образованной части общества, насыщая коммуникативное пространство значимыми идеями переустройства государственных и общественных отношений.

Уникальная общественно-политическая ситуация, сложившаяся в России в середине XIX века и обусловленная рядом как внутренних, так и внешнеполитических факторов, привела к изменению характера взаимоотношений власти и образованной части русского общества во второй половине 1850-х годов. По мнению историка М.Д. Карпачева, в имперский период российской истории реального партнерства между властью и образованным обществом не могло существовать, ведь самодержавие

фактически монополизировало право выбора социально-экономических и культурного путей развития страны¹. Другой подход к оценке властно-общественных отношений в середине XIX века предложил А.Н. Медушевский, разработавший оригинальную типологию реформационных процессов в истории России, исходя из особенностей взаимоотношений общества и государства на протяжении XVIII – начала XX веков². Исследователь выделяет три основные стратегии осуществления модернизации путем реформ: модернизация «сверху» (петровские преобразования); осуществление модернизации совместными усилиями образованного общества и власти (Великие реформы 1860-х годов); модернизация «снизу» (революции начала XX века).

По мнению автора, первый тип модернизации приводит к эффективным, но ограниченным преобразованиям преимущественно в военно-технической и экономической сферах, позволяет быстро мобилизовать ресурсы страны, но при этом происходит резкое отделение власти от общества, что в исторической перспективе приводит к их взаимному отчуждению³. Медушевский связывает необходимость перехода к новой стратегии модернизации с участием общественности, возникшую в середине XIX века, с развитием кризиса служилого государства и крепостного права, проявлением которого стало военно-техническое отставание России и ее поражение в Крымской войне. Вместе с тем, необходимо отметить, что общество наряду с самодержавной властью смогло стать одной из движущих сил реформационных процессов в период подготовки отмены крепостного права благодаря предшествующим изменениям в рамках социокультурной модернизации, которые сформировали

---

¹ Карпачев М.Д. Общество и власть в России накануне падения крепостного права: истоки конфликта // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 4(25). С. 18–31. С. 18.

² См. подробнее: Медушевский А.Н. Конституционные проекты в России и их западные источники. Указ. соч. С. 165; Его же. Великая реформа и модернизация России. Указ. соч. С. 22.

³ Медушевский А.Н. Великая реформа и модернизация России. Указ. соч. С. 22.

новый тип мышления, основанный на признании ведущей роли либеральных ценностей в стратегии реформирования страны.

Специалист по истории народничества В.В. Зверев также рассматривал общую проблему взаимоотношения власти и общества в XIX веке в контексте российских модернизационных процессов и формирования реформаторского народничества. По его мнению, властно-общественные взаимоотношения являются определяющим элементом социальной системы, который оказывает существенное влияние на алгоритм ее развития¹. Под обществом в данном контексте понимаются наиболее образованные и передовые его слои, составляющие российскую интеллигенцию. Именно ей, по мнению ученого, принадлежит ведущая роль в коммуникации с властью. Интеллигенция, остро осознающая ряд внутривластных проблем, стремится проинформировать об этом представителей власти и предложить им наиболее эффективные, по ее мнению, способы преодоления кризисной ситуации в государстве². В результате, власть, установив временный диалог с обществом и проведя несущественные изменения, использовала его лишь для поддержания своего статуса, что в итоге вело к росту апатии в рядах русской общественности и радикализации требований, выдвигаемых ее представителями. Такой сценарий в развитии взаимоотношений власти и общества в России неоднократно повторялся в XIX веке, что в итоге обернулось крайним обострением так и нерешенных социально-политических проблем, и стало одной из причин замены эволюционного пути развития России в начале XX века революционным.

В первые годы царствования императора Александра II сложились условия для налаживания обратной связи между властью и образованным обществом, когда представители русской общественности получили возможность не только обсуждать, но и доводить до власти свое видение

---

¹ Зверев В.В. Реформаторское народничество в отечественной дореволюционной историографии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2008. № 4. С. 55–71. С. 55.

² Там же. С. 67–68.

актуальных проблем, а власть со своей стороны была готова прислушиваться к общественному мнению и учитывать общественные преобразовательные предложения при разработке идейных основ правительственных модернизационных проектов. Современник событий, известный ученый и общественный деятель Б.Н. Чичерин отмечал по этому поводу: «В России все совершенные преобразования созрели уже в общественном сознании; программы их были намечены в ходившей по рукам рукописной литературе... Для счастья России нашелся Государь, который... исполнил все то, что было предначертано общественной мыслью»¹.

Высказывание Чичерина зафиксировало новую роль русского образованного общества в российском реформаторском процессе, беспрецедентное усиление влияния общественного мнения на разработку и принятие политических решений, а также изменение во взаимоотношениях власти и общества в период подготовки реформ. Из объекта воздействия и всесторонней административной опеки государственного аппарата оно превращается в субъект, формирующий комплекс актуальных преобразовательных идей. В свою очередь Александру II пришлось отказаться от административно-командной модели отношений с образованным обществом времен Николая I, тормозившей решение важных внутривластных задач нового царствования. Взаимодействие власти и общества приобретало характер субъект-субъектных отношений, отличающихся стремлением участников коммуникационного процесса учитывать интересы и потребности друг друга². Появление многочисленных обращений представителей русской общественности различных идейных направлений к императору Александру II посредством писем и записок стало характерным явлением предреформенного десятилетия, отразившим эту тенденцию.

---

¹ Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. Указ. соч. С. 11–12.

² Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М.: Прометей, 2004. 328 с. С. 78.

Частные письма и записки на имя императора и лиц, занимающих высокие государственные должности, выступали одним из традиционных каналов коммуникации между властью и образованной частью русского общества. На протяжении всего XIX века они представляли собой один из немногочисленных способов, позволяющих донести до верховной власти отдельные общественные ожидания, настроения и мнения по каким-либо актуальным внутривластным вопросам. Письма к императору от представителей русского образованного общества, затрагивающие острые проблемы российской действительности, и ранее были достаточно распространены¹. Так, например, в письмах осужденных декабристов к Николаю I дана разоблачительная характеристика всех «неустройств» русской жизни первой четверти XIX века. Авторы этих писем – передовые люди своего времени – указывали на «совершенное отсутствие закона и справедливости в судопроизводстве», обременительные налоги, «сжатое просвещение», «задушенную свободу», а также на многие финансово-экономические проблемы страны². В письмах декабристов прозвучала формула, которая в дальнейшем будет использована общественными деятелями середины XIX века. По их мнению, в кризисный момент, в котором страна оказалась и в 1825, и в 1855 году «долг верноподданного есть говорить Монарху правду без прикраски» и, оставив пустые красноречивые фразы, руководствоваться одной истиной³. Можно утверждать, что основы этоса русской интеллектуальной элиты, включающие стиль и характер обращения к императору, стали закладываться еще с начала XIX века. Декабристы как «пионеры

---

¹ РГИА. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 49.

² Письма Петра Григорьевича Каховского к императору Николаю Павловичу и генерал-адъютанту Левашеву // Из писем и показаний декабристов: критика соврем. состояния России и планы будущего устройства / Под ред. А.К. Бороздина. СПб: Изд. М.П. Пирожкова, 1906. С. 1–32. С. 25.

³ Письмо Александра Александровича Бестужева к императору Николаю Павловичу из Петропавловской крепости // Из писем и показаний декабристов критика соврем. состояния России и планы будущего устройства. Указ. соч. С. 35; Письма Петра Григорьевича Каховского к императору Николаю Павловичу и генерал-адъютанту Левашеву. Указ. соч. С. 19.

освободительного движения» сыграли в этом процессе большую роль, а выступление 14 декабря 1825 года можно также рассматривать как первое открытое выступление передового общества против власти. Любая возникающая форма взаимодействия власти и общества со стороны общественных сил, в том числе и письма, воспринималась как возможность исполнения обязанности «ревностного гражданина», действующего во имя всеобщего блага¹. Письма и записки, выступавшие каналами, по которым происходила коммуникация власти и общества, предоставляли эту возможность – открыто высказаться перед лицом верховной власти о злободневных проблемах страны.

Однако с приходом к власти Александра II в 1855 году тональность и основное содержание подобных писем приобретает острый общественно-политический характер. С их страниц открыто звучат призывы к корректировке внешне и внутривластного курса правительства и, в особенности, к изменению сложившейся за годы николаевского царствования схемы взаимоотношений «власть-общество». Многие из этих писем заведомо создавались как открытые и имели публичный характер. Более того, основные идеи и предложения, изложенные в них, представляют собой определенную «модель» преобразований, которая «вбрасывалась» интеллектуалами в правительственные круги в надежде на то, что на ее основе власть сможет осуществить широкое обновление всех сторон государственной и общественной жизни необходимое стране после поражения в Крымской войне.

В первые годы нового царствования отдельные представители общественности берут на себя роль экспертов, формулирующих рекомендации и советы для правительства, в которых под верноподданнической риторикой скрывалось настойчивое ожидание перемен и стремление подтолкнуть к ним властные круги. Одной из попыток взять на

---

¹ ГА РФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 316. Л. 13.

себя такую роль стало творчество периода Крымской войны 1853–1856 годов историка М.П. Погодина, в котором ярко и последовательно проявилось общее движение к преобразованиям, а также стремление донести свои идеи до представителей высшей власти. Сразу же после восшествия Александра II на престол Погодин отправил новому императору несколько писем. В одном из них, датированном апрелем 1855 года, «смиранный труженик истории» приносит свое искреннее поздравление и желает монарху «исправить все оказавшееся несогласным с пользами отечества» и «предпринять нужное для содействия счастью... подданных», которые встретили его «с такой любовью и такими надеждами». К этому письму Погодин приложил свой очерк «Царское время», рассчитывая на то, что император, ознакомившись с ним, сможет «рассмотреть тщательно вопрос важнейший в нашем государственном быту, вопрос о царском времени»¹.

В этом очерке Погодин отмечает, что Николай I пал «жертвой царственного долга», не справившись со сложностью разросшегося механизма управления империей. Выход из сложившейся ситуации историк видел в решении нескольких задач. В первую очередь Государственный Совет должен определить какие вопросы могут быть решенными другими ведомствами без нарушения прерогатив самодержавной власти. Другая задача – «определить в какой степени может быть допущена гласность» и позволить «бдительному общему мнению», «без которого само Правительство остается часто во тьме», следить за добросовестным исполнением правительственных решений². Общее или общественное мнение, с точки зрения историка, позволит привлечь полезных людей к делам государственного управления и выявить различные злоупотребления властью.

Если письма Погодина представляли собой скромные и осторожные рекомендации, верноподданнические по форме и содержанию, призванные

¹ ОР РГБ. Ф. 231/1. Кар. 45. Д. 61. Л. 1

² Погодин М.П. Царское время // Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны, 1853–1856. Указ. соч. С. 310–313. С. 313.

укрепить власть в ее намерениях, то письма к Александру II А.И. Герцена, публиковавшиеся на страницах его заграничных изданий, изначально носили характер открытых публичных деклараций, проникнутых ожиданием преобразований, на необходимости которых русский мыслитель-эмигрант настаивал на протяжении многих лет.

Серия открытых писем Герцена к императору Александру II открывалась посланием от 11 марта 1855 года, которое было отправлено по почте в Россию и затем опубликовано в первом выпуске «Полярной звезды»¹. Свои обращения к императору Герцен рассматривал как гражданский долг, возможность высказаться прямо и искренне перед представителем верховной власти в стране о том, о чем в России молчат, ведь император, окруженный «туманом лести» не часто может услышать «искренний голос свободного русского». Публицист возлагал на нового императора большие надежды. Призывая Александра II дать «свободу русскому слову», «неисправимый социалист», как Герцен сам себя называл, отмечал, что «нам (русской общественности – примеч. автора) есть, что сказать миру и своим»². Тем самым он выражал настоятельную потребность общества выговорится, донести до верховной власти свое видение насущных проблем государственной жизни.

Адресатом обращений представителей общественности к власти мог выступать не только император, но и те лица, кто имел к нему как официальный доступ, так и возможность оказать на него неформальное влияние. Так, например, в марте 1855 года писатель Н.А. Жеребцов вместе с сопроводительным письмом направил генерал-адъютанту С.А. Юрьевичу свою обширную программную записку под названием «О современной политической и внутренней жизни России», включающую в себя комплексный план преобразований в стране. Эта записка была опубликована в конце XIX

---

¹ Герцен А.И. Письмо к императору Александру второму // Полярная звезда. 1855. Книжка первая. С. 10–14.

² Там же. С. 11.

века в историческом журнале «Русская старина» под названием «О современной политической и внутренней жизни России»¹.

Обращение писателя к отставному генерал-адъютанту, находящему на покое «доблестному старцу-слепцу», как его называет Жеребцов, не выглядит случайным, поскольку на протяжении 25 лет Юрьевич занимал должность помощника воспитателя и преподавателя цесаревича Александра Николаевича. В 1837 году он сопровождал цесаревича в путешествии по России, а в 1838 – 1839 годах находился в свите Александра Николаевича во время его путешествия за границу. В бытность императора Александра II цесаревичем в обязанности Юрьевича входило заведование его письменными делами и управление собственной канцелярией великого князя. Через руки помощника воспитателя проходило множество прошений и записок, подаваемых на имя наследника, которые он должен был распределять и представлять Его Высочеству. Жеребцов писал, что Юрьевичу нравились некоторые его соображения «по разным предметам государственного благоустройства» и другая его записка «О политическом влиянии железных дорог в России» через «благорасположенное посредство» Юрьевича была доведена до цесаревича – прочитана и одобрена им².

За годы долгой и верной службы Юрьевич сблизился с будущим императором и сохранил с ним хорошие, доверительные отношения до конца своих дней. В 1850 году он почувствовал признаки ослабления зрения и подал в отставку, а через два года совершенно ослеп и практически безвыездно поселился на своей даче в Павловске³. Но Жеребцов свои записки, теперь уже подаваемые на имя императора Александра II, продолжал отправлять Юрьевичу, считая его одним из надежных каналов, через которые существовала реальная возможность донести до императора свои

¹ Жеребцов Н.А. О современной политической и внутренней жизни России // Русская старина. 1896. Том LXXXVI. Вып. 5. С. 633–642.

² ГА РФ. Ф. 1132. Оп. 1. Д. 159. Л. 1.

³ Юрьевич, Семен Алексеевич // Русский биографический словарь: В 25 т. / А.А. Половцов. Т. 24. СПб: Тип. И.Н. Скороходова, 1912. С. 339–340. С. 340.

соображения о состоянии дел в стране по разным частям государственной и общественной жизни.

Убежденность Жеребцова в том, что он не только имеет право, но и «признает обязанностью совести» довести до внимания верховной власти «главнейшие политические язвы России» и «простейшие способы их излечения», имела под собой некоторые основания. Во-первых, по его мнению, записка, которую он желал представить императору, представляла собой «плод многолетней служебной опытности, долгого мышления и теоретического изложения науки государственного правления»¹. Дело в том, что Жеребцов занимался не только литературной и публицистической деятельностью. В 1844 – 1846 годах он исполнял обязанности виленского губернатора. Проведя более половины своей жизни на чиновничьей службе по разным отраслям государственного управления, он был хорошо осведомлен о внутреннем состоянии государственного аппарата империи и, безусловно, за эти годы неоднократно сталкивался со многими проблемами в работе администрации. Во-вторых, уверенность писателю в своем праве представления записки монарху, по его словам, придавали также его личные качества: чистая совесть и бескорыстие. Он писал: «Мало людей в России более независимых меня, я ничего не ищу, ни почестей, ни денег, ничего дурного в жизни не только не делал, но даже и не мыслил...». Все это, с точки зрения писателя, обеспечивало ему «особенное положение» и потому он «мысли свои излагал откровенно, местами может быть и резко»².

Озабоченность Жеребцова тем, чтобы с его запиской непосредственно ознакомился сам Александр II, была вызвана стремлением, охватившим в этот период многих неравнодушных образованных русских людей. Оно состояло в настойчивой необходимости довести до нового императора правду, открыть ему глаза на истинное положение дел в стране. Жеребцов отмечал: «Для государя нет надобности в цветах риторики, Он нуждается в правде, которую

---

¹ ГА РФ. Ф. 1132. Оп. 1. Д. 159. Л. 1.

² Там же. Л. 1 об.

от Него стараются скрывать, боясь утраты честолюбивых или корыстных видов»¹. Схожее мнение высказывал в своих письмах и М.П. Погодин, когда писал, что император не имеет истинного представления о вещах, правда скрыта от него благодаря услужливыми льстецам, окружающим престол. Сама возможность высказаться, ничего не боясь, являлось с их точки зрения актом исполнения гражданского долга с надеждой, что и «малое зерно иногда приносит полезный плод»².

В своей записке состояние русского общества после 18 февраля 1855 года Жеребцов охарактеризовал как «всеобщую умственную тревогу», когда под тяжестью обстоятельств многие мыслящие люди стремятся «неухищенно» изложить перед императором свои убеждения³. Он большое внимание уделял характеристике внутреннего положения страны и особенностям политического развития современной ему России. Одной из «язв» политического устройства страны Жеребцов считал «ослабление духа законности», выразившегося в произволе, самоуправстве и непомерном росте самовластия среди некоторых первых деятелей правительства. Высокопоставленные чиновники идут на различные ухищрения, стараясь скрыть свое злоупотребление властью от государя. Подобное положение вещей в государственном управлении привело к «страшной порочности служебных нравов» и широкому распространению главной ее формы – взяточничества⁴. Выход из сложившейся ситуации автор записки видел в строгом наблюдении за исполнением законов со стороны ближайшего окружения царя. Император со своей стороны должен следить за уважением законов, обеспечить бережливость государственной казны и умалить роскошь – личным примером выразив желание простоты и отрицательное отношение к

---

¹ ГА РФ. Ф. 1132. Оп. 1. Д. 159. Л. 1 об.

² Жеребцов Н.А. О современной политической и внутренней жизни России. Указ. соч. С. 634.

³ Там же. С. 634.

⁴ Там же. С. 639.

излишества¹. Возможность исцелить перечисленные им внутривластные проблемы России Жеребцов напрямую связывал с волей и словом государя. Но, в то же время, он подчеркивал право бескорыстных, честных и верноподданных граждан указывать на существующие проблемы, обратить высочайшее внимание на них посредством живого слова и обращения к власти.

На экземпляре письма имеется помета о том, что записка Жеребцова, прилагаемая к письму была предоставлена лично 30 марта 1855 года в 9 часов утра в Зимний дворец². Из этого следует, что Юрьевич нашел ее достойной внимания царя и Александр II ознакомился с документом.

Для доведения до высочайшего адресата своих идей и проектов представители общественности использовали многочисленные неофициальные личностные каналы, связывавшие их с представителями властных кругов. Именно таким путем была доставлена Александру II записка одного из видных теоретиков славянофильства и крупного общественного деятеля К.С. Аксакова «О внутреннем состоянии России», составленная в 1855 году. В ней мыслитель стремился донести до высочайшего лица свое видение сложившейся в 1850-е годов кризисной ситуации в стране и предложить меры по ее урегулированию.

Помощь мыслителю в представлении записку новому императору оказала графиня А.Д. Блудова, поддерживающая приятельские отношения со многими представителями славянофильского направления общественной мысли. Прогрессивные воззрения и круг общения графини, включающий как членов императорской семьи, видных государственных и общественных деятелей, делали ее незаменимым лицом в выстраивании коммуникативного пространства между властью и обществом в 1850-е годы. Отцом графини являлся крупный государственный сановник граф Д.Н. Блудов «человек

---

¹ Жеребцов Н.А. О современной политической и внутренней жизни России. Указ. соч. С. 640.

² ГА РФ. Ф. 1132. Оп. 1. Д. 159. Л. 1.

просвещенный, любящий науку и литературу»¹ также не чуждый передовых общественных веяний, что отразилось и в его бумагах, среди которых было много различных записок от разных лиц, содержащих преобразовательные предложения². Прочитав записку Аксакова, содержащую в себе критику прежней правительственной политики и ряд требований к новому императору, граф не стал сразу передавать ее Александру II, а решил сначала показать императрице Марии Александровне. В итоге к императору записка, составленная почти сразу после его вступления на престол, попала только осенью 1855 года³.

В этой записке, обращаясь к историческим примерам, Аксаков убеждает своего читателя – императора в том, что в России существует давняя традиция налаживания диалоговой формы общения между властью и обществом, включающем представителей разных сословий, когда правительство «вызывает мнение страны» при всяком удобном случае⁴. Мыслитель считал, что гласное и свободное выражение общественного мнения позволит представителям власти понять «чего желает страна, как понимает она свое значение, какие ее нравственные требования», которыми со своей стороны император Александр II может руководствоваться в проведении государственной политики⁵.

По мнению Аксакова, в истинных русских народных началах нет революционности и поэтому свободное развитие духовной жизни русского общества не приведет к попыткам свержения законной императорской власти. В этот период схожие мысли высказывал другой видный представитель славянофильства Ю.Ф. Самарин, призывавший правительство отказаться от

¹ Никитенко А.В. Записки и дневник. Указ. соч. Т. 1. С. 320.

² РГИА. Ф. 1250. Оп. 1. Д. 4а, 4в, 4г.

³ Мельников И.И. Отражение проблемы развития государственности России в записке К.С. Аксакова «О внутреннем состоянии России» // Евразийский юридический журнал. 2012. № 11 (54). С. 102–104. С. 102.

⁴ Аксаков К.С. Записка К.С. Аксакова «О внутреннем состоянии России» // Ранние славянофилы: А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. и И.С. Аксаковы / Сост. Н.Л. Бродский. М.: Товарищество И.Д. Сытина, 1910. С. 69–96. С. 83.

⁵ Там же. С. 83.

увлечения «обманчивым сходством» и «заподозривать русское народное начало в революционном демократизме»¹.

Рассматривая современные ему отношения между правительством и народом, Аксаков находил их состояние совершенно неудовлетворительным. Он отмечал: «Народ не имеет доверенности к правительству; правительство не имеет доверенности к народу. Народ в каждом действии правительства готов видеть новое угнетение; правительство постоянно опасается революции и в каждом самостоятельном выражении мнения готово видеть бунт»². Правительство совершенно не прислушивается к общественному мнению, оно не понимает просьб и чаяний, идущих снизу. Этот внутренний разлад в отношениях прикрыт «бессовестною ложью» и лестью, уверяющей всех в всеобщем благоденствии и процветании³. По мнению Аксакова, политическая система, созданная за годы николаевского царствования, сковывающая развитие общественной жизни в России, не только вела к унижению человеческого достоинства и нравственной деградации личности, но и превращала особу государя в идола, что искажало истинную сущность самодержавной власти. Данная мысль в начале царствования Александра II высказывалась не только Аксаковым. Несколько позже, в 1857 году об этом в «Колоколе» будет писать Н.П. Огарев: «... Нам пора перестать быть холопами», а правительству «перестать быть не правительством, а каким-то богдыханом»⁴.

Выход из кризисной ситуации, предлагаемый Аксаковым, всецело находится в рамках славянофильской стратегии политического реформирования России, состоящей в необходимости призыва правительством народного мнения в форме Земского собора⁵. Но при этом

¹ Самарин Ю.Ф. Чему должны мы научиться? Указ. соч. С. 311.

² Аксаков К.С. Записка К.С. Аксакова «О внутреннем состоянии России». Указ. соч. С. 90.

³ Там же. С. 90.

⁴ Письмо к издателю // Колокол. Газета А.И. Герцена и Н. П. Огарева: Вольная русская типография. 1857–1867. Лондон–Женева: в 11 вып. Вып. 1. Указ. соч. С. 3–6. С. 5.

⁵ Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. Указ. соч. С. 118.

мыслитель понимал, что созыв Земского собора в условиях продолжавшейся Крымской войны невозможен и даже вреден. В качестве первичной, тактической меры в своей записке он предлагал созывать отдельные неперIODические сословные собрания, призванные решать конкретные узкосословные или хозяйственные вопросы. Данные собрания могли стать своеобразным институциональным источником общественного мнения, из которого власть могла бы почерпнуть все необходимые для себя сведения и мнения представителей тех сословий, в отношении которых разрабатывались преобразования¹.

Позиция, выраженная в записке Аксакова, согласно которой самодержавной власти отводилась ведущая роль в начавшемся реформационном процессе при поддержке и соучастии новой силы, заявившей о себе в это время – силы общественного мнения, в первые годы царствования Александра II была доминирующей в общественных кругах. В этот период у представителей общественности в независимости от идейных взглядов и убеждений совершенно не возникало вопросов о необходимости ограничения самодержавия².

Стремление донести до власти свое видение перспектив развития страны на новом этапе ее истории охватывало не только столичную, но и периферийную общественность. В январе 1857 года на имя Александра II была представлена записка под названием «Задуманные думы». Ее автором являлся известный русский изобретатель и писатель С.И. Барановский. В этот период он занимал должность профессора русского языка в Гельсингфорском университете, а с 1855 года исполнял обязанности цензора³. Находясь в Финляндии, ученый не мог не откликнуться на бурные общественно-политические процессы, протекавшие в центре России.

¹ Аксаков К.С. Записка К.С. Аксакова «О внутреннем состоянии России». Указ. соч. С. 94.

² Нарезный А.И. Проблемы модернизации самодержавия в русской общественной мысли XIX века. Указ. соч. С. 122.

³ Барановский, Степан Иванович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. Т. 3. СПб: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1891. С. 33–34. С. 33.

«Задуманные думы» ученого, созданные в период общественно-политического подъема 1850-х годов, являются ярким примером роста инициативности в образованном обществе и распространенности в нем стремления выйти на связь с высшей властью, оказать воздействие на внутриполитический курс российского правительства.

В предисловии к «Думам» Барановский просит императора прочесть его рукопись самому, без предварительного разбора ее «официальными специалистами». Объясняя свою «дерзкую» просьбу, он писал: «Ни перед кем другим я не был бы так откровенен как перед моим Государем». Особенно важно, что, как и другие авторы подобных обращений к императору, распространенных в этот период, в своем откровенном высказывании Барановский видит для себя «единственную возможность служить всеми силами души» императору¹.

Ученый начинает записку с рассмотрения основных «бедствий» в государственном управлении России, особо подчеркивая, при этом, что в настоящих условиях для блага страны необходимо только самодержавное управление. Однако, в то же время, «самодержавие невозможно без благоустроенного порядка», который, по мнению автора, в стране отсутствует. Власть самодержавного монарха в России, формально неограниченная, фактически была весьма ограниченной «самоволием и корыстной хитростью особ, которые злоупотребляют доверием к ним государя»². Укоренившееся в российской политической системе от самых низших до самых высших ее звеньев представление о том, что император может и должен лично следить за всеми распоряжениями привело, по мнению Барановского, к «гибельным последствиям». Естественно, что один справится с нарастающим объемом государственных дел император не может и вынужден полагаться на своих

---

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 78. Л. 1 об.

² Там же. Л. 2.

докладчиков, которые зачастую поступают недобросовестно и нередко «самая неудачная мера приводиться в исполнение ко вреду многих»¹.

Указав на основные проблемы существующей политической системы, Барановский предлагал меры, способные их устранить и обеспечить «надлежащий порядок управления». В представленной записке ученый в общих чертах изложил собственный проект реформирования государственного устройства России, содержание которого во многом продолжало сложившуюся еще в первой четверти XIX века традицию проектирования концепции политической модернизации российского самодержавия.

Одна из основных идей Барановского, лежащая в основе его политической концепции, состояла в необходимости «строгого разграничения трех родов власти – законодательной, исполнительной и судебной и надлежащее взаимное отношение их между собою, а также к Государю и народу»². Эта положение не только роднит идеи автора с представлением о «правильной монархии» М.М. Сперанского, но и подтверждает его приверженность идеалу конституционной монархии³, реализация которого отводилась ученым на далекое будущее.

Большое распространение в предреформенное десятилетие получили анонимные письма, адресованные представителям высшей российской власти и затрагивающие широкий спектр внутривластных проблем империи, вплоть до заявлений о необходимости коренных политических преобразований⁴. Авторы подобных писем позиционировали себя не столько как частное лицо, стремящееся донести до адресата собственные идеи и воззрения, сколько как выразителя совокупных интересов русского общества, обращавшегося к власти на злободневные темы от его имени. Анонимы были

---

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 78. 2 об.

² Там же. Л. 3.

³ Нарезный А.И. История конституционализма в России (проблемы политической модернизации): учебное пособие. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009. 200 с. С. 78.

⁴ ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 1152. Л. 2 об.; РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 97. Л. 6.

смелее в выражении своей позиции и позволяли себе открыто критиковать внутреннюю политику правительства, а также указывать на конкретные злоупотребления властей.

Одно из таких писем обличительного характера, написанное в 1856 году на имя императора, с пометой «непреренно в собственные руки», имело подзаголовок «О вопиющих злоупотреблениях в Москве»¹. Автор письма брал на себя задачу донести до императора истину о происходящих в Москве злонамеренных действиях московского военного генерал-губернатора графа А.А. Закревского, о котором нелестно отзывались и другие современники². Приводя конкретные примеры злоупотреблений властью сановника и фактов его взяточничества, называя его «государственным политическим архимошеником», он отмечал: «Москве невтерпеж выносить более самовластия и жестокости Закревского и все сильно стеснены его своеволием и грабежами, и поборами от полиции»³. Критика представителей власти, обличение их злоупотреблений и незаконных махинаций стало в этот период одной из основных тем, циркулирующих в общественном мнении и составляющих компетенцию расширяющейся гласности в России.

Еще одно анонимное послание было отправлено императору из Москвы в октябре 1859 года. Обратиться напрямую к Александру II автора письма, по его словам, вынудило осознание крайней необходимости требовать от императора «решительных и обдуманых мер для прекращения хаоса в государственном управлении и происходящего от него повсеместного уныния»⁴. Это было не первое письмо анонима к Высочайшей особе. Дело в том, что к нему было приложено другое письмо, написанное еще в 1848 году и адресованное Николаю I. Опираясь на него, можно составить некоторое

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 75. Л. 1.

² Аксакова В.С. Дневник В.С. Аксаковой (1854–1855): 1855 г. // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/vaksakova_1855.html (дата обращения: 02.12.2018).

³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 75. Л. 3.

⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 68. Л. 6.

представление о личности, сословной и социальной принадлежности анонимного автора этих писем к императорам.

В письме к Николаю I общие проблемы развития России отходят на второй план. Аноним обратился к императору с личной просьбой исправить бедственное положение его семьи, глава которой – отец автора остался без служебного места вследствие действия высочайшего повеления увольнять от службы всех находящихся под судом¹. Из характера письма становится ясно, что сам аноним является, по всей видимости, мелким чиновником и получает небольшое жалование. Хотя автор этих писем является государственным служащим, его обращение к императору следует рассматривать как обращение представителя русского общества, поскольку свое донесение он называет «отголоском всей России» и выступает уже не как должностное лицо, а как равнодушный к бедствиям народа гражданин.

Находясь в бедственном материальном положении, автор также отмечал повсеместную народную бедность. При этом он указывал на одну из причин народной нищеты, а именно на «частые путешествия за границу особ императорского двора и особенно государыни, обогащающие иностранцев»². Примечательно то, что в этом же будет упрекать членов императорской семьи спустя 7 лет после написания этого анонимного письма А.И. Герцен в одной из своих статей³, которая даже попадет в сводку агентурных донесений⁴.

Письма, присылаемые на имя императора, являются одним из значимых индикаторов, дающих возможность проследить изменения в общественных настроениях. Так, например, в рассматриваемом анонимном письме 1859 года автор подводит своеобразный неутешительный итог первых лет царствования Александра II: «Итак самые первые дни твоего царствования не оправдали

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 68. Л.

² Там же. Л. 8 об.

³ Августейшие путешественники // Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева: Вольная русская типография. 1857–1867. Вып. 1. Указ. соч. С. 8–9.

⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 85. Л. 6.

высоких надежд России»¹. В словах анонима отразились распространенные в этот период скептические общественные настроения, неверие в возможность успешных преобразований в стране: Он восклицает, обращаясь ко всей России: «Твои прекрасные мечты разлетелись! Увы! Твой Надежда-Государь не оправдал их!»².

Аноним пишет также о том, что за начатое дело освобождения крестьян и допуск некоторой гласности Россия в лице образованного общества признательна царю. Но начавшаяся подготовка крестьянской реформы повлекла за собой многие преступления должностных лиц, совершаемые в тени этого великого дела. От «дурного управления» «корыстолюбивых и бестолковых» чиновников и их подчиненных, по мнению автора, проистекает большинство государственных неурядиц³. Аноним приводит несколько ярких «воплощающих неурядицы» примеров, которые составляют только ничтожную долю всех злоупотреблений властей различного уровня и проблем управления, существующих в России. Он также отмечает, что «известно всем наше убийственное по формализму делопроизводство» и «медленное и часто несправедливое судопроизводство»⁴.

«Беспечное управление», сложившееся в России и охарактеризованное автором на страницах письма к Александру II, не может вывести страну из «безотрадного положения». Тем не менее, он особо подчеркивает, что его критика не направлена на самодержавную форму правления. По его мнению, главнейшими врагами прогресса являются министры и придворные, которые скрывают от императора «все дурное или показывают оное в радужном цвете»⁵. На полях письма имеется характерная приписка: «Государь! Ты удивительно несчастлив в выборе советников»⁶.

---

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 68. Л. 1 об.

² Там же. Л. 5.

³ Там же. Л. 1 об.

⁴ Там же. Л. 4 об.

⁵ Там же. Л. 5.

⁶ Там же. Л. 6 об.

Но выход из сложившейся ситуации, по мнению автора, есть, и он предлагает императору несколько мер. Во-первых, «не терпеть льстецов и глупцов, выслушивать истину, хотя бы и неприятную, от кого бы ни было...» и самому усерднее вникать в особенности общественной жизни, прислушиваться к «общественной молве», сближаясь с подданными. В таком случае монарху удастся найти среди них «мудрых и верных советников» вместо «неспособных и жестокосердных министров»¹.

Во-вторых, важнейшим из средств, позволяющих императору восполнить недостаток умных и добросовестных советников, является расширение гласности. Автор считает необходимым не только освещать злоупотребления, но и называть имена виновных в независимости от занимаемого ими положения. Императору же рекомендуется самому читать русские газеты, а обзор журнальных статей доверить «преданному пользам России» человеку, который бы занимался поиском и отбором для государя обличительных статей. В роли такого человека аноним выступил сам, перечислив некоторые современные статьи, поднимающие злободневные вопросы, на которые необходимо обратить внимание императору. Автор анонимного письма неоднократно указывал на усилившуюся в первые годы нового царствования роль периодической печати и литературы. Он особо указывал императору: «...Без чтения русских газет и журналов Ты всегда останешься в неведении о нуждах России»². Следует отметить, что в последующие годы при императоре находился специальный человек, который занимался чтением русских газет и журналов, выбирая из современных статей за каждый год наиболее актуальные, способные заинтересовать императора и обратить его внимание на ситуацию в стране и основные проблемы ее внутриполитического развития³.

---

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 68. Л. 5–5 об.

² Там же. Л. 5.

³ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 4726, 4727, 5274.

Некоторые анонимные письма носили откровенно критический характер, обрушиваясь не только на окружение, но и на деятельность самого императора. В них можно заметить попытку «запугать» власть и посредством угроз заставить пойти на необходимые преобразования¹. Такой характер носило «всеподданнейшее секретное донесение», полученное в декабре 1859 года через городскую почту «в собственные руки его императорского величества» и перенаправленное позднее шефу жандармов В. А. Долгорукову. В нем аноним предупреждает императора о готовившемся против него восстании. Обращаясь к Александру II, автор дает критическую характеристику его деятельности, которая и стала причиной готовящегося восстания: «...Равно всем известная твоя слабость, нерешительность в важных случаях и беспечность в управлении государством, которую поддерживают предатели – твои любимцы...»². Он призывает царя сбросить «недостойное опекуство Барановых, Адлербергов и прочей братии самолюбцев»³. После предупреждения автор переходит к перечислению конкретных мер, которые необходимо предпринять императору: «...Восстанови дисциплину упавшую, но не допускай деспотизма, расширь пределы гласности: тогда тайные и явные злоупотребления твоих друзей и прочих высших властей будут открыты тебе»⁴.

Таким образом, письма на имя императора, появившиеся в конце 1850-х годов, имеют более резкий тон и характер обращения, имеют критическую направленность, проявляющуюся в том числе в повышенной эмоциональности, что обусловлено общим изменением общественных настроений в это период. Подобные письма можно считать первыми, довольно наивными, попытками оказать своеобразное моральное давление на власть, пользуясь некоторой неуверенностью, которую та испытывала в условиях общественного подъема второй половины 1850-х годов. Несмотря на то, что

---

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 90. Л. 5.

² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 68. Л. 18.

³ Там же. Л. 18 об.

⁴ Там же. Л. 19.

письма к Александра II были написаны представителями разных идейных направлений, в первые годы царствования нового императора их объединяло общее стремление к совместной работе по подготовке преобразований и всяческому содействию власти на пути к ним.

Русская общественность в середине XIX века предпринимала отдельные попытки и инициативы законодательного закрепления основ функционирования публичной сферы. Среди них особо следует выделить серию записок русских литераторов с требованием полной отмены цензуры в адрес правительства и императора, поданных в 1861, 1862, 1864 годах¹. В целом требование свободного выражения мнений, свободы слова, широко распространенное в русском обществе в середине XIX века, являлось выражением стремления общества обеспечить для себя некоторые права для участия в критических дискуссиях. Эта петиционная кампания русских литераторов стала борьбой за обеспечение участия в критических дебатах, которые в свою очередь обеспечивали платформу для легального общения общества с властью. Эта борьба диктовалась необходимостью со стороны литературной общественности обеспечить эффективность воздействия печатных органов на общество и правящие круги, что было возможно только в условиях существования некоторой свободы в информационном обмене, наличии критического анализа и обсуждения явлений общественной и государственной жизни.

В условиях роста интеллектуализма русского общества в середине XIX века, эпистолярная коммуникативность играла значимую роль в выстраивании взаимодействия власти и общества. Многочисленные письма и записки, адресованные представителям власти, содержат не только характеристику кризисного положения России, но и предлагают ряд мер и средств, при помощи которых, по мнению их авторов, представлялось возможным

---

¹ См. подробнее: Лемке М.К. Эпоха цензурных реформ 1859 – 1865 годов. Указ. соч. С. 112–123; Спасение цензуры в Москве // Колокол. 1861. № 112. 15 ноября. С. 937; Текст адреса неподписанного московскими литераторами // Колокол. 1861. № 113. С. 944–945.

преодолеть самую суть этого кризиса, а не просто совершить отдельные поправки «фасада» империи. При этом как видно из характеристики содержания посланий к представителям власти требование «духовной свободы», понимаемое как отсутствие препятствий для развития общественной жизни, призывы к расширению гласности, к обращению властей за помощью к общественному мнению, занимало центральное место в них в данный период.

В тоже время, следует отметить, что представители русского образованного общества были не готовы возглавить модернизационный процесс в стране, сохраняя эту прерогативу за монархией. Большинство из них довольствовались теми немногочисленными послаблениями, которые были сделаны властью во второй половине 1850-х годов, что отразилось на содержании их обращений к императору и другим государственным деятелям. Несмотря на стремление к обновлению во всех сферах государственной и общественной жизни, охватившее русскую общественность, излагаемые в письмах и записках предложения носили скромный, порой верноподданнический характер и практически не затрагивали основы и тем более не ущемляли прерогативы самодержавной формы правления. Это свидетельствовало о сохранении в сознании большинства представителей общественности привычной модели первенства власти в деле реформирования страны.

Во второй половине 1850-х годов Россия стояла на пороге нового модернизационного витка, преддверие которого стало временем небывалого общественно-политического подъема в стране, ярко выразившегося в стремлении отечественных интеллектуалов предложить власти собственную модель реформирования страны. Составление писем и записок, адресованных представителям власти, ставшее в этот период довольно распространенным явлением, свидетельствовало о качественно новом состоянии русского образованного общества, вступившего в пору активной социально-политической деятельности. Особенность данного периода заключалась в том,

что наряду с дворянской интеллигенцией в процесс разработки общественной концепции преобразований включились образованные представители низших слоев, что с этого момента изменило не только социальный состав русской общественности¹, но и усилило ее значение в общественно-политической жизни страны в последующие периоды, заложив основы гражданской инициативы и самосознания.

2.2 Салоны и кружки как зона контактов и сотрудничества власти и общественности

Салоны и кружки являются важным институтом публичной сферы, играя роль центров относительно свободных и критических общественных дискуссий, вырабатывающие собственные позиции и решение значимых социальных проблем. В первой половине XIX века многие салоны и кружки в России становились тем местом, в котором на некоторое время отступали принятые общественные условности и стирались сословные перегородки. В этом отношении они отвечали основным требованиям налаживания основы рационального общения, при котором все участники были равны и не имели каких-либо привилегий. Соответственно отстаиваемые ими позиции также имели равные шансы на утверждение.

По мнению Ю. Хабермаса, изучавшего влияние интеллектуалов на общественно-политические процессы, протекавшие в европейских странах в Новое время, в Европе на протяжении XVIII – первой половины XIX века проходил процесс формирования так называемой «политической общественности». В ее среде происходил обмен мнений, велось обсуждение и вырабатывался определенный взгляд на важные общественно-политические вопросы. Одной из форм институционализации «критических импульсов» этой общественности являлись салоны и кружки как важный институт

---

¹ В последующем в процесс коммуникации с властью, но конфронтационного характера, активно включится студенческая молодежь: РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.

коммуникации, представлявшие собой центры относительно свободных и критических общественных дискуссий и постепенно приобретающие политический характер¹. Следует отметить, что в России середины XIX века не существовало «чистой» политической общественности, ее формирование затруднялось самодержавной политической системой и цензурными ограничениями вследствие чего общественная коммуникация по политическим вопросам оставалась еще достаточно слабой. Если в Великобритании, по мнению ученого, оформление «политической общественности» происходит на рубеже XVIII – XIX веков, а во Франции в 30-е годы XIX века, то в России этот процесс затянулся и протекал на протяжении всего XIX столетия.

Несмотря на сверхцентрализацию российского государственного управления, при принятии тех или иных политических решений самодержавная власть испытывала на себе определенное влияние различных группировок политической элиты страны². Историк А.С. Карцов, занимавшийся проблемой влияния салона консервативного общественного деятеля В.П. Мещерского на самодержавную власть, сформулировал некоторые методологические основы изучения политических салонов в России XIX века. По его мнению, в императорской России с весьма ограниченным публичным пространством светские салоны выступали как специфические центры «вневедомственного влияния» на общее направление внутривластного курса и на кадровую политику, тем самым оправдывая свое политическое значение³. Результатом их деятельности становилось формирование у участников определенных позиций и взглядов на решение значимых социальных проблем.

---

¹ Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. P. 24.

² Карцов А.С. Русский консерватизм второй половины XIX – начала XX вв.: (Князь В.П. Мещерский). СПб: Изд-во Санкт-Петербургского Университета, 2004. 418 с. С. 316.

³ Там же. С. 316–317.

С приходом к власти в 1855 году императора Александра II салоны и кружки с политическим значением представляли собой центры неформального влияния на правительство. Особенность их функционирования в этот период заключалась в том, что через них наряду с политической элитой страны косвенное влияние на политический курс власти оказывала и российская интеллектуальная элита, связанная в рамках деятельности салонов и кружков с влиятельными лицами из высшего российского чиновничества и членами императорской семьи.

В России в 1850-е годы немногочисленные политические салоны и кружки представляли собой форму воплощения союза либеральной бюрократии и общественности. Особенно ярко это проявилось в деятельности петербургского кружка, инициатива создания которого связана с именами выдающихся либеральных бюрократов братьев Д.А. и Н.А. Милютиных. Наблюдательный современник и примыкавший к кружку писатель П.В. Анненков впервые упоминает о нем в своих воспоминаниях за 1850 г. Это объединение передовых людей своего времени он назвал «партией петербургского прогресса»¹. К столичному кружку примыкали многие государственные и общественные деятели, которые в дальнейшем станут активными участниками подготовки и проведения крестьянской и последующих реформ в России.

Кружок образовался стихийно зимой 1847–1848 годов на квартире у Н.А. Милютина, на тот момент служившего в особом городском отделении при хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел. По вечерам у братьев Милютиных собирались их близкие знакомые, служащие в разных внутриведомственных ведомствах. Среди видных либеральных чиновников – противников крепостного права помимо Милютиных в кружок входили А.П. Заблоцкий-Десятовский, В.А. Арцимович, И.П. Арапетов, чиновники Министерства внутренних дел К.К. Грот и А.К. Гирс, и др. К тому же к кружку

---

¹ Анненков П.В. Две зимы в провинции и деревне // Былое. 1922. № 18. С. 4–18. С. 7.

примыкали многие талантливые ученые: выдающийся правовед К.А. Неволин, экономисты В.П. Безобразов и Н.Д. Бунге, редактор «Журнала Министерства Внутренних дел» Н.И. Надеждин, писатель В.И. Даль, ученый-ориенталист Н.В. Ханыков и его брат государственный служащий и картограф Я.В. Ханыков, этнограф-фольклорист И.П. Сахаров, экономист Г.П. Небольсин, профессор права П.Г. Редкин¹. Среди либеральных общественных деятелей тесные связи с кружком поддерживали публицист и издатель Е.Ф. Корш, известный ученый правовед Б.Н. Чичерин, славянофильский мыслитель и публицист Ю.Ф. Самарин. Не раз к Н.А. Милютину, прося о содействии в разных делах, обращался Т.Н. Грановский, И.С. Аксаков². В 1848 году, переехав из Москвы в Петербург, К.Д. Кавелин становится идейным вдохновителем кружка братьев Милютиных. Он сблизился с Н.А. Милютиным в конце 1840-х годов, когда поступил на службу в хозяйственный департамент министерства внутренних дел, вице-директором которого в этот период являлся Николай Алексеевич.

Убеждение в том, что самодержавная власть, имеющая надсословный характер, является двигателем реформ и только ей под силу провести необходимые коренные преобразования в России, максимально учитывая интересы различных групп общества, являлось главной идеологической установкой, объединяющей всех членов петербургского кружка вне зависимости от их социальной принадлежности и рода занятий. В связи с этим их преобразовательные идеи не затрагивали изменение сущности политической системы империи. Их политическим идеалом выступало «самодержавие с прогрессом», осуществляющее реформы в союзе с либеральными деятелями. Всех членов кружки объединяла идея, проходящая через многие сочинения К.Д. Кавелина, относящиеся к этому периоду, которая состояла в том, что лишь единство действий власти и общества может

---

¹ Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1843 – 1856. Указ. соч. С. 137–138.

² РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 818. Л. 7; Д. 889. Л. 5.

способствовать проведению реформ. Так, по мнению мыслителя, в России продвижение по пути прогрессивного развития возможно только посредством сильной неограниченной власти. При этом он особо отмечал, что самодержавный строй должен быть «прогрессивный и просвещенный»¹. Одним из действенных способов обеспечить правительство актуальными прогрессивными идеями, по мнению участников кружка, являлось сотрудничество образованного общества и власти.

В политическом отношении основная задача участников кружка состояла в повышении эффективности государственного аппарата управления путем противодействия представителям консервативных кругов, сдерживающим преобразовательный процесс в России. Достичь этого они пытались, используя неофициальные каналы связи с высшей властью в стране и повсеместно выражая свою готовность содействовать правительству в проведении необходимых преобразований. Их объединяло не только увлечение передовыми европейскими идеями как, например, широко распространенные в этот период западные политэкономические учения, но и стремление совместными усилиями передовых общественных и государственных деятелей осуществить в стране назревшие преобразования, опираясь на достижения европейского опыта социально-экономического и административного реформирования. По их мнению, первым шагом на пути проведения модернизации в России должна была стать отмена крепостного права. К тому же участники кружка активно занимались распространением в общественных и правительственных кругах комплекса актуальных либеральных идей.

В воспоминания Д.А. Милютинина отражены некоторые особенности функционирования петербургского кружка, по которым трудно составить представление о его политической составляющей. Он отмечал: «На вечерних сборищах кружка велась обыкновенно занимательная беседа о вопросах науки

---

¹ К.Д. Кавелин о смерти Николая I: Письма к Т.Н. Грановскому. Указ. соч. С. 596.

и искусства, всегда оживленная, часто с примесью шутки и забавных рассказов»¹. О преимущественно научном содержании деятельности петербургского кружка на начальном этапе его существования свидетельствует также эпизод из его истории, связанный с начатой в конце 1840-х годов по инициативе его участников в Русском географическом обществе борьбой так называемого «русского» лагеря с «немецким», состоящим из немецких ученых, с целью смещения деятельности общества на изучение особенностей жизни русского крестьянства².

Научные и культурно-просветительские вопросы занимали членов кружка в период николаевского «мрачного семилетия», когда обсуждение политических проблем стало совершенно невозможным из-за усиливающегося полицейского контроля за развитием общественной жизни в России. При этом именно в эти годы происходит перерастание петербургского кружка из объединения единомышленников в узких рамках вечерних дружеских бесед в разветвленную сеть общественных связей и контактов между чиновниками и общественными деятелями³. Ученые, примыкавшие к кружку, являлись членами Русского географического общества, председателем которого являлся великий князь Константин Николаевич, входили в Вольное экономическое общество. Через эти организации, находившиеся под руководством и наблюдением представителей императорской фамилии и при посредничестве секретаря Русского географического общества А.В. Головнина, пользовавшегося личным расположением великого князя и покровительствующего молодым и способным русским ученым, члены кружка имели возможность приблизиться к придворным великокняжеским салонам великого князя Константина

---

¹ Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1843 – 1856. Указ. соч. С. 136.

² Там же. С. 139–140

³ Кочукова О.В. «Либеральные бюрократы» и дворянство в реформе 1861 года: взгляд современника // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2007. №1. С. 20–29. С. 22.

Николаевича и великой княгини Елены Павловны. Эти просвещенные представители императорской фамилии во второй половине 1850-х годов взяли на себя роль посредников между либеральной бюрократией и общественность с одной стороны, и самодержцем с другой¹.

Сближение великокняжеского салона великой княгини Елены Павловны и кружка Кавелина-Милютиных происходило в «знаковом» 1855 г., когда в стране сложилась нестабильная общественно-политическая ситуация. И ранее с момента своего образования в конце 1840-х годов члены петербургского кружка поддерживали связи с придворным салоном великой княгини. Н.А. Милютин становится постоянным посетителем салона Елены Павловны еще с 1846 года, после того как летом этого года был представлен великой княгине своим дядей графом П.Д. Киселевым². Константин Николаевич обращался к Милютину, учитывая его мнения при проведении преобразований в Морском министерстве³. Великая княгиня окружала себя талантливыми, прогрессивными людьми из бюрократической и общественной среды, которые выступали за отмену крепостного права. В конце 1840-х годов через Н.А. Милютина Елене Павловне был представлен и К.Д. Кавелин. Б.Н. Чичерин, также приближенный ко двору Елены Павловны, писал, в связи с этим, о Кавелине: «...Коротко знакомый с либеральными чиновничьими сферами, он был близок ко двору великой княгини Елены Павловны, которая его очень приласкала»⁴. Сам Чичерин был представлен Екатерине Павловне и стал постоянным членом ее кружка в 1858 году, что скорее всего происходило по протекции Н.А. Милютина, с которым историк находился в дружеских отношениях. Тесное сообщение между кружком и великокняжеским салоном,

¹ Stadelmann M. Großfürst Konstantin Nikolaevič. Der persönliche Faktor und die Kultur des Wandels in der russischen Autokratie. P. 108.

² Кизеветтер А.А. Николай Алексеевич Милютин // Освобождение крестьян: деятели реформы. М.: Науч. слово, 1911. С. 233–266. С. 237.

³ РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 934. Л. 1–1 об.

⁴ Чичерин Б.Н. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина: Москва сороковых годов. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1929. 293 с. С. 123.

за которым последовали практические результаты их совместной деятельности, произошло с приходом к власти Александра II.

На фоне стремительно ухудшающегося развития Крымской войны скоропостижно скончался император Николай I, критика в адрес которого в общественной среде в этот период достигла своего пика. Приход к власти нового императора пробудил в образованном обществе надежды на скорое реформирование всей общественной системы и ослабление административного гнета, довлевшего над общественной жизнью в годы николаевского царствования. Страну захлестнула волна рукописной литературы, авторы статей и записок которой не только обличали основные внутривластные проблемы и внешнеполитические просчеты николаевского правительства, но и предлагали конкретные преобразовательные меры. Елена Павловна, внимательно следившая за развитием общественных настроений, в 1855 году дала Н.А. Милютину поручение собирать «подземную литературу», то есть делать копии с ходивших в общественных кругах рукописных текстов, а также направлять ей все, что касалось преобразований и приходило лично ему и другим государственным деятелям¹.

В мемуарах консервативного мыслителя В.П. Мещерского отразилось критическое отношение аристократического общества к деятельности либеральной бюрократии и общественности, поддерживаемой великокняжескими дворами Елены Павловны и Константина Николаевича. Всех приверженцев либерального реформирования и отмены крепостного права князь называет «молодыми эмансипаторами», которые выдвинулись и стали влиятельной политической силой только благодаря «придворным очагам умственной жизни». При этом Мещерский отметил их прогрессивное значение и вклад в преобразовательный процесс в качестве «кузницы» новых

---

¹ Оболенский Д.А. Мои воспоминания о Великой Княгине Елене Павловне. Указ. соч. С. 527–528.

кадров реформаторов и центра подготовки преобразований, в которых «разрабатывались материалы для будущих государственных вопросов»¹.

Крестьянский вопрос в этот период занимал всех без исключения прогрессивных государственных и общественных деятелей. Обсуждение и поиск различных наиболее «безболезненных» вариантов его разрешения происходило во всех институтах российской публичной сферы второй половины 1850-х годов и определяло расстановку политических сил в стране. Составлением приемлемого в тех условиях проекта освобождения крестьян занялись и участники петербургского кружка в тесном взаимодействии с великой княгиней Еленой Павловной и ее «обществом Михайловского дворца». Салон Елены Павловны в период подготовки крестьянской реформы превратился в своеобразный «политический клуб», в котором обсуждались различные проекты освобождения крестьян в ее имени Карловка.

В 1830-е–первой половине 1840-х годов «морганатические вечера» по четвергам у великой княгини Елены Павловны в Михайловском замке еще не имели политического характера и представляли собой элемент традиционной культуры аристократического общества, вид светского развлечения, позаимствованный из Франции. С конца 1840-х и особенно во второй половине 1850-х годов политическая значимость салона великой княгини возрастала благодаря давней заинтересованности самой хозяйки в либеральных политических теориях и актуальных общественно-политических вопросах страны, главным из которых являлся крестьянский². В окружение великой княгини постепенно входят представители нового поколения бюрократии – либеральные чиновники Министерства внутренних дел и Морского ведомства, проникнутые преобразовательными идеями в духе европейского просвещения³. Идеолог консерватизма К.П. Победоносцев,

¹ Мещерский В.П. Воспоминания. Указ. соч. С. 53–54.

² Бахрушин С.А. Великая княгиня Елена Павловна // Освобождение крестьян: деятели реформы. М.: Науч. слово, 1911. С. 115–172. С. 137.

³ Lincoln W.B. Nicolai Milutin: An Enlightened Bureaucrat of the 19th Century. Newtonville, 1977. 283 p. P. 174.

также входивший в ближайшее окружение Елены Павловны, вспоминал: «На вечерах великой княгини встречались государственные люди с учеными, литераторами, художниками»¹. Елена Павловна специально устраивала эти встречи, предоставляя представителям общественности возможность выйти на контакт с влиятельными государственными людьми и даже членами императорской семьи.

На основе подготовки «карловского проекта», которая началась в 1855 году, результаты совместной деятельности участников петербургского кружка и салона великой княгини оформились в ряд записок и проектов, теоретически подготовивших освобождение крестьян в имении Елены Павловны и оказавших существенное влияние на официальное направление разработки крестьянской реформы.

Наиболее известной в исторической литературе является «Записка об освобождении крестьян», представленная К.Д. Кавелиным великой княгине в 1855 году. В ней содержались основные принципы проведения крестьянской реформы в России, которые затем в своей записке «Предварительные мысли об устройстве отношений между помещиками и крестьянами», составленной в октябре 1856 года, повторил Н.А. Милютин. Обе программные записки представляла собой результат тесного сотрудничества петербургского кружка с великокняжеским салоном Елены Павловны и в целом содержали либеральную концепцию отмены крепостного права не только в конкретном карловском случае, но и в общегосударственном масштабе. В «Записке об освобождении крестьян» К.Д. Кавелин отмечал, что самодержавие в России выступает как «справедливое мерило притязаний всех классов и сословий»². В этом утверждении мыслителя нашла отражение общая вера либеральных бюрократов и общественных деятелей в реформаторский потенциал российского самодержавия, способного беспристрастно подойти к вопросу

¹ Победоносцев К.П. Вечная память: Воспоминания о почивших. М.: Синодальная тип., 1896. 114 с. С. 7.

² Кавелин К.Д. Записка об освобождении крестьян в России (1855) // Кавелин К.Д. Собр. соч. Указ. соч. Т. 2. Стлб. 68.

отмены крепостного права и осуществить крестьянскую реформу на наиболее, по их мнению, компромиссных условиях – «выкупом владельческих крестьян со всею землею»¹. Другое положение, объединявшее оба проекта, было связано с необходимостью установления гласности при обсуждении крестьянской реформы, но «в известных пределах», то есть исключая политические вопросы и ограничиваясь исключительно аграрной проблематикой. В сопроводительном письме к записке Милютина на имя императора, которая была подана Александра II великой княгиней Еленой Павловной 7 октября 1856 года от ее имени, как и в записке Кавелина, действенным средством для этого признавалась печать: «Печатное обсуждение реформы на страницах специальных изданий...»². Эта мера, по мнению «молодых эмансипаторов», способствовала бы распространению в обществе верных представлений о состоянии крестьянского вопроса в России и необходимости его скорейшего разрешения для благополучного социально-экономического развития страны, а значит обеспечила бы подготовку реформы поддержкой общественного мнения, заявившего о себе в этот период как самостоятельный «актер» в публичной сфере, способный оказывать влияние на власть.

Также, по мнению Кавелина, свободное обсуждение крестьянского вопроса позволило бы правительству в кратчайшие сроки получить «все необходимые орудия для упразднения крепостного права», под которыми он подразумевал «подробные и основательные сведения и данные» о крепостном праве в России, а также «благонамеренных, бескорыстных и просвещенных» государственных и общественных деятелей, которые выдвинулись сами собой «под влиянием рассуждений и прений» по крестьянскому вопросу³. Нет сомнений, что в первую очередь Кавелин имел ввиду именно членов

---

¹ Кавелин К.Д. Записка об освобождении крестьян в России (1855) // Кавелин К.Д. Собр. соч. Указ. соч. Т. 2. Стлб. 64.

² ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 230. Л. 4.

³ Кавелин К.Д. Записка об освобождении крестьян в России (1855) // Кавелин К.Д. Собр. соч. Указ. соч. Т. 2. Стлб. 62.

петербургского кружка и великокняжеского салона, которые идейно уже были подготовлены к активному участию в процессе подготовки крестьянской реформы и стремились помочь самодержавной власти реализовать проект освобождения крестьян.

Идея привлечения общественных экспертов к подготовке крестьянской реформы была также предложена Ю.Ф. Самариним в его записке «Об учреждении при Вольном экономическом обществе и при Московском обществе сельского хозяйства отделений сельского управления». Она была подана в 1856 году во время коронационных торжеств Елене Павловне, которая, по замыслу Самарина, должна была донести его идеи до императора¹. Привлечение на правительственном уровне специалистов по крестьянскому вопросу из членов Вольного экономического общества и Московского общества сельского хозяйства позволило бы наладить сбор информации о положении крестьян в разных губерниях и тем самым корректировать правительственные распоряжения по крестьянской реформе.

Октябрьская записка Н.А. Милютина об освобождении крестьян в имении Карловка была отклонена императором 26 октября 1856 года. В своем ответе великой княгине Александр II указал на то, что изложенные в записке общие основания отмены крепостного права являются несвоевременными и не могут в настоящий момент стать руководством для деятельности в общегосударственном масштабе. Выразив великой княгине благодарность, император советовал ей заняться уточнением конкретных экономических показателей в частном случае карловского имения².

Вскоре после этого Елена Павловна выехала за границу и деятельность салона совместно с участниками петербургского кружка по составлению освободительных проектов возглавила ее дочь Екатерина Михайловна Мекленбург-Стрелицкая. Заседания продолжались в Михайловском дворце и теперь их частыми посетителями стали члены Секретного комитета по

---

¹ ОР РГБ. Ф. 265. Кар. 71. Д. 7. Л. 1.

² Бахрушин С.А. Великая княгиня Елена Павловна. Указ. соч. С. 143.

крестьянскому делу В.А. Долгоруков, М.А. Корф, Д.Н. Блудов, где они встречались с людьми либеральных убеждений из окружения Елены Павловны, активно работавших над новым «карловским проектом»¹. Следует отметить, что свои заседания очередной Секретный комитет открыл в январе 1857 г. Его состав с самого начала получил критическую оценку прогрессивных современников. Ближайший сотрудник великого князя Константина Николаевича по Морскому ведомству Д.А. Оболенский отмечал, что Секретный комитет «составленный из высших государственных сановников, совершенно неспособных и не приготовленных к начертанию какого-либо проекта освобождения крестьян... занимался переливанием из пустого в порожнее...»². В 1857 г. в совместную работу петербургского кружка и салона Елены Павловны активно включились славянофилы Ю.Ф. Самарин и А.И. Кошелев. Через посредничество Екатерины Михайловны и князя Оболенского В.А. Долгорукову была представлена и после этого попала в распоряжение Секретного комитета записка Самарина «О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе», уже ранее распространенная в общественной среде, и в отличие от других проектов освобождения, по мнению Оболенского, «подробнее, шире и глубже» излагала существо крепостного права и объясняла меры, необходимые для его упразднения³. Этот эпизод также свидетельствовал о заинтересованности либеральных чиновников в распространении актуальных идей в высших кругах российской власти.

Заседания у Екатерины Михайловны прекратилась в июне 1857 года, когда основные участники работ по составлению «карловского проекта» – К.Д. Кавелин, А.А. Абаза, помещики В.В. Тарновский и П.И. Капнист выехали за границу в Вильдбад на встречу с великой княгиней для дальнейшего

---

¹ Резникова Е.Е. Вел. кн. Елена Павловна в политической и культурной жизни России: 1824-1873 гг. С. 108.

² Оболенский Д.А. Мои воспоминания о Великой Княгине Елене Павловне // Русская старина. 1909. Т. СXXXVIII. Вып. 4. С. 37–62. С. 39–40.

³ Оболенский Д.А. Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. Указ. соч. С. 154.

обсуждения положения и алгоритма осуществления проекта освобождения крестьян¹. Окончательный вариант «карловского проекта» в августе 1857 года в Дармштадт привез К.Д. Кавелин, где в этот период находилась Елена Павловна и русский императорский двор. Еще в июле 1857 года он был назначен на должность преподавателя наследника престола, что происходило по протекции великой княгини и стало результатом возросшего в высших правительственных кругах интереса к его предложениям в решении крестьянского вопроса².

В Дармштадте состоялись специально организованные при содействии Елены Павловны встречи Кавелина с представителями верховной власти – императрицей Марией Александровной, ее фрейлиной А.Ф. Тютчевой и В.А. Долгоруковым. Основное содержание их бесед, сосредотачивающееся вокруг крестьянского дела, Кавелин подробно описал в своем дневнике³. Члены кружка в этот период активно использовали все возможные каналы коммуникации с властью, в том числе и личные контакты с представителями властной элиты и лицами, приближенными к императорским особам. А.Ф. Тютчева, обладавшая прогрессивными взглядами, «острым, критическим умом», отличалась от других придворных. В своем дневнике фрейлина отмечала, что ей чужда «банальная и пошлая» придворная среда, в которой она находилась⁴. Благодаря своим личным качествам и определенной независимости суждений Тютчева воспринимались членами кружка как проводник либеральных идей в ближайшее императорское окружение. Кавелин писал, что изложил перед ней «все свою политическую доктрину с жаром, с убеждением». Тютчева, по наблюдению Кавелина, разделяла многие его мысли⁵. Он также отмечал, что их разговор с фрейлиной, принял довольно

¹ Бахрушин С.А. Великая княгиня Елена Павловна. Указ. соч. С. 145.

² Примечания ко второму тому, проф. Д.А. Корсакова // Кавелин К.Д. Собр. соч. Указ. соч. Т. 2. Стлб. 1255–1256.

³ Кавелин К.Д. Из дневника (1857) // Кавелин К.Д. Собр. соч. Указ. соч. Т. 2. Стлб. 1157–1180.

⁴ Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Указ. соч. С. 125.

⁵ Кавелин К.Д. Из дневника (1857) // Кавелин К.Д. Собр. соч. Указ. соч. Т. 2. Стлб. 1160.

откровенный характер, когда речь зашла о придворной камарилье, которая, по его мнению, «мешает всему и оттесняет от трона всех честных и мыслящих людей»¹.

Приблизить «мыслящих людей» к процессу подготовки крестьянской реформы, по мнению Кавелина, позволило бы создание нового правительственного органа – специальной комиссии экспертов из чиновников и ученых. Каждый из них обладал бы знаниями в административной, финансово-экономической, юридической, аграрной и других областях, которые бы позволили им заниматься разработкой законодательных мер по крестьянскому вопросу. Эта идея нашла выражение в его записке «Мнение о лучшем способе разработки вопроса об освобождении крестьян», составленной в августе 1857 года, вскоре после назначения великого князя Константина Николаевича председателем Секретного комитета по крестьянскому вопросу². Следует отметить, что список возможных кандидатур в экспертную комиссию, прилагаемый к записке, состоял из участников как петербургского кружка Кавелина-Миллютиных, так и салона Елены Павловны. Это также свидетельствовало о стремлении либеральной бюрократии и общественных деятелей учувствовать в подготовке крестьянской реформы и создать своего рода прецедент для совместного участия представителей власти и общества в разработке будущих преобразований. Записка Кавелина вместе с сопроводительным письмом Елены Павловны и новым «карловским проектом» была направлена Константину Николаевичу, который, по просьбе великой княгини, должен был представить эти документы императору³. Основные положения записки Кавелина о создании экспертной комиссии во многом определили деятельность и состав будущих Редакционных комиссий, которые станут

---

¹ Кавелин К.Д. Из дневника (1857) // Кавелин К.Д. Собр. соч. Указ. соч. Т. 2. Стлб. 1159.

² Резникова Е.Е. Вел. кн. Елена Павловна в политической и культурной жизни России: 1824-1873 гг. Указ. соч. С. 131.

³ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 231. Л. 5 об.–6.

одним из действенных способов на административном уровне поддерживать союз между общественными и государственными деятелями.

Концепция освобождения крестьян, разработанная совместно либеральной бюрократией и представителями общественности в рамках деятельности великокняжеского салона и петербургского кружка, окажет значительное влияние на официальную правительственную политику решения крестьянского вопроса и отразится в правительственной программе от 4 декабря 1858 года, в которой будет закреплён выкуп крестьянами земли в собственность¹.

Таким образом, «двигатели реформ» – государственные и общественные деятели, выступавшие инициаторами комплекса масштабных преобразований в России во второй половине XIX в., способствовали тому, чтобы процесс их подготовки и обсуждения получил как можно более широкую поддержку общественного мнения и носил гласный характер. Посредством дискуссионных площадок, в которые в 1850-е годы превратились кружок Кавелина-Милютиных, а также великокняжеские салоны прогрессивных членов императорской семьи, эти деятели стремились к выстраиванию новой формы обсуждения и подготовки назревших преобразований, предполагавшей открытый взаимовыгодный диалог власти и общественности. Данный формат взаимодействия власти и образованного общества, ставший результатом начавшегося в стране общественно-политического подъёма, оказал значительное воздействие на выход преобразовательных процессов в стране на качественно новый уровень. Сотрудничество общественных деятелей и прогрессивных представителей царской бюрократии было направлено на выработку компромиссного плана реформ, избегание социальных потрясений и противодействие реакционным силам, что позволило бы обеспечить необратимость запущенных в стране реформаторских процессов.

---

¹ Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права в России. Указ. соч. С. 202.

В первые годы царствования Александра II салоны и кружки стали значимой публичной площадкой, в рамках которой происходило обсуждение и выработка консолидированного проекта отмены крепостного права. Уникальность данного канала коммуникации между представителями власти и общественности в России в этот период заключалась в том, что в отсутствие иных легитимизированных и институционализированных форм взаимодействия власти и общества, они оказывали значительное неформальное влияние на общий правительственный курс, обеспечивая циркуляцию в высших правительственных кругах комплекса либеральных преобразовательных идей, оказавших значительное влияние на выработку общей концепции «Великих реформ» в России.

2.3 Публичные мероприятия как форма взаимодействия власти и общественности

В период общественно-политического подъема 1850 – начала 1860-х годов практически любое общественное мероприятие приобретало демонстративный общественно значимый характер. Русская общественность, «не довольствуясь словом и пером», стремилась выразить свою позицию по злободневным вопросам российской действительности с помощью различных публичных форм взаимодействия власти и общественности. К ним относились многочисленные публичные мероприятия (обеда по случаю юбилеев и других торжеств), контакты в рамках деятельности научных и общественных организаций. С приходом к власти Александра II эти и ранее существовавшие формы превращаются в значимые «площадки» для обсуждения актуальных вопросов и выражения общественной позиции.

Одной из значимых форм публичного взаимодействия власти и общества являлись различные торжественные мероприятия, которые во второй половине 1850-х годов приобрели острое общественно-политическое наполнение. В этом отношении показательно сравнение празднования 100-

летнего юбилея Московского университета, происходившего в самом конце царствования Николая I и различных торжественных мероприятий при Александре II. Эти аналогичные по своей внешней форме мероприятия в содержательном отношении резко контрастировали друг с другом. Связано это было с тем, что на исходе николаевского царствования позиции русского общества и верховной власти по злободневной социальной проблематике были взаимоисключающими. Особенно отчетливо это проявилось на праздновании столетия Московского университета 25 января 1855 года. Отметить его планировалось с особым размахом и большими затратами, ведь это торжество было призвано выполнить важную идеологическую функцию. С его помощью николаевское правительство стремилось «утвердить правительственную точку зрения на университеты как опору самодержавия» и мощное орудие против влияния западных идей¹. Николай I прислал университету Благодарственную грамоту, в которой он прославлялся как «рассадник Русского Православного просвещения»². По этому поводу В.С. Аксакова записала в своем дневнике: «...Получена грамота от государя, очень умно и хорошо написанная; вероятно, писал Блудов. Если б мы не знали заранее, что такого рода грамота и тому подобные слова – пустая бумага, мы бы порадовались за такое уважение к науке; но у нас это не имеет никакого значения, и не будет странно, если завтра же обратят университет в корпус»³. Славянофилы решили не присутствовать на торжестве, а предпочли «праздновать особо, частным образом». В юбилейных речах история Московского университета была представлена как целенаправленное

---

¹ Цимбаев К.Н. Реконструкция прошлого и конструирование будущего в России XIX века: Опыт использования исторических юбилеев в политических целях // Историческая культура императорской России. Формирование представлений о прошлом: Коллективная монография в честь профессора И.М. Савельевой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. С. 490–491. С. 490.

² Столетний юбилей императорского Московского университета. М.: Универ. Тип, 1855. 110 с. С. 5.

³ Аксакова В.С. Дневник В.С. Аксаковой (1854–1855): 1855 г. // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/vaksakova_1855.html (дата обращения: 02.12.2018).

воплощение основных принципов николаевского царствования – самодержавия, православия и народности¹. При этом в них не затрагивалось современное тяжелое военное положение страны. Только речь профессора С.П. Шевырева содержала в себе упоминание актуальной общественно-политической ситуации военного времени в ее консервативной интерпретации. Проводя обзор общественных настроений в дни приближающейся для России военной катастрофы, Шевырев довольно пафосно указал на всеобщую озабоченность общества переживаемыми военными невзгодами: «Торжество нашего праздника соединяется со всеобщей, всенародною думою, которая теперь не только наяву сопровождает, но и во сне будит русского человека»². Пылкая риторика, вообще свойственная Шевыреву, диктовалась не только атмосферой юбилейных славословий, но и была необходима для поддержания идеологического оптимизма, призванного вселить в слушателей уверенность в незыблемой прочности правящего режима, несмотря на затяжное военное положение. Но русское общество оставалась равнодушным к пламенным призывам московского профессора: «Речь Шевырева невыносимо скучна, пошла и исполнена таких беспрестанных поклонений властям, что невыносимо слушать»³ – записала в дневнике В.С. Аксакова.

Столетний юбилей университета превратился в государственный праздник, прославляющий основы николаевского политического режима, которые на заключительном этапе войны в общественной среде подвергались все более резкой критике. Смерть Николая I и падения Севастополя, которые, по словам современника, «точно два громадных удара, повторились один за

¹ Историческая записка, речи, стихи и отчет Императорского Московского университета, читанные в торжественном собрании 12 января 1855 года, по случаю его столетнего юбилея. М.: Универ. Тип., 1855. 77 с.

² Шевырев С.П. Обозрения столетнего существования императорского Московского университета // Журнал министерства народного просвещения. 1855. Ч. LXXXV. № 2 (февр.). Отд. III. С. 31–54. С. 36.

³ Аксакова В.С. Дневник В.С. Аксаковой (1854–1855): 1855 г. // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/vaksakova_1855.html (дата обращения: 02.12.2018).

другим» вырвали русскую общественность из состояния «мертвенного оцепенения» николаевского времени¹.

Общее морально-нравственное состояние, в котором находилась русская общественность после этих «громовых ударов», было наполнено протестом против существующей действительности и тревожным ожиданием перемен. Жить по-старому, подчиняясь традиционному ходу жизни, когда новый император проведет лишь незначительные поправки в курсе предыдущего режима, казалось совершенно невозможным. Начиналась новая, переходная эпоха середины 1850-х – начала 1860-х годов с ее неустойчивой динамикой общественного развития. Характеризуя особенности наступающего нового этапа в развитии русской общественной жизни, публицист Н.В. Шелгунов замечал: «Единоличная воля в таких случаях исчезает и всеми, сверху до низу, овладевает один общий жизненный порыв... когда каждым и всеми овладевает одно и то же душевное состояние, когда каждый и все чувствуют перелом, когда каждый и все из бессознательного, инстинктивного состояния переходят к работе мысли, когда в каждом и во всех пробуждается критическая мысль, каждый и все начинают думать»². После падения Севастополя подавляющее большинство мыслящих, интеллигентных людей России прониклось критическими настроениями, игнорировать которые власть не могла, стремясь сохранить поддержку образованной части общества в условиях намечавшихся преобразований. Общественность опасалась сохранения механизма взаимодействия власти и общества прошлого царствования, когда государственная опека «сверху» всех общественных функций и проявлений, противопоставление казенного частному, замедляло встречное движение «снизу» и способствовало всевозможным злоупотреблениям.

---

¹ Шелгунов Н.В. Из прошлого и настоящего. Указ. соч. С. 42.

² Лемке М.К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. Указ. соч. С. 19.

Большое впечатление на общество произвел Манифест от 19 марта 1856 года о прекращении войны и заключении Парижского мира, разительно отличавшийся от подобных официальных документов предшествовавшего царствования. Он содержал прямое обращение к обществу, выражая надежду на повсеместное развитие в стране стремления к «просвещению и всякой полезной деятельности»¹. Прежняя ориентация монарха исключительно на административный аппарат империи в период Крымской войны оказалась девальвированной по своей сути, что косвенно выразилось в тексте Манифеста. Данное обращение во многом стимулировало готовность общественности к активной деятельности и проявлению инициативы, выразившихся в различных публичных формах: в выступлениях на торжественных мероприятиях, в заседаниях научных и просветительских обществ, участвуя в подготовке крестьянской реформы, пытаясь всячески доказать, что слова, сказанные императором в Манифесте, «упали не на бесплодную землю»².

В этот период практически каждое публичное мероприятие превращалось в канал властно-общественной коммуникации, по которому транслировались актуальные идеи социального развития. Празднование 53-летней годовщины Казанского университета 5 ноября 1857 года в Петербурге разительно отличалось от торжеств в честь юбилея Московского университета. В 1854 году Николай I запретил празднование 50-летнего юбилея Казанского университета. Во многом поэтому празднование «некруглой» годовщины открытия крупнейшего научного и образовательного центра, которым являлся Казанский университет, превратилось в значимое общественное событие. Данное мероприятие и многочисленные выступления на нем стали достоянием гласности, будучи опубликованными в популярном журнале «Русский вестник»³. На этом торжестве наряду с

¹ Манифест «О прекращении войны». 19 марта 1856 г. // Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собр. 2-ое. Т. XXXI. Отд.1-е. № 30273. С. 131–132. С. 132.

² ГА РФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 130. Л. 8.

³ Современная летопись // Русский вестник. 1857. Т. 12. С. 59.

высокопоставленными чиновниками присутствовали и представители общественности – литераторы и ученые – все бывшие студенты Казанского университета разных выпусков. Старейший из студентов С.Т. Аксаков, приглашенный на торжество, не смог приехать из-за болезни и вместо себя прислал своего сына Ивана Сергеевича, произнесшего речь, в которой отразился один из самых актуальных вопросов общественной жизни России. Подчеркивая особые условия настоящего времени, «когда много шлагбаумов снято с мысли и слова, и русской литературе открыт большой простор для деятельности» и отмечая «современное высокое призвание русской литературы», которая должна озарять путь русскому обществу, Аксаков предложил тост «в честь русской литературы, в честь высокого подвига, предстоящего независимому общественному русскому слову»¹. Чиновник особых поручений при министре внутренних дел П.И. Мельников в своем выступлении процитировал следующие слова из либерального стихотворения П.А. Вяземского «Петербург» 1818 года, в свое время урезанного цензурой и ходившего в списках: «И просвещение взаимной пользы цепью / Тесней соединит владыку и народ... / И Александров век светилom незакатным / Торжественно взойдет на русский небосклон...»². Общим лейтмотивом выступлений стала надежда на то, что приветствуемый обществом новый император обратит внимание на новую силу – стихийно возникшее независимое слово.

26 ноября 1855 года в Москве в зале Художественного собрания состоялось празднование 50-летнего юбилея сценической деятельности актера М.С. Щепкина. Торжество было инициировано С.Т. Аксаковым, С.М. Соловьевым, М.П. Погодиным, которых поддержало московское общество³. На торжественном обеде присутствовало около 300 человек, многие из которых составляли московскую интеллектуальную элиту. Такая

¹ Современная летопись // Русский вестник. 1857. Т. 12. С. 66.

² Вяземский П.А. Петербург (отрывок). 1818 года // Стихотворения [Электронный ресурс]. URL: <http://vyazemskiy.lit-info.ru/vyazemskiy/stihi/stih-50.htm> (дата обращения: 12.10.2018).

³ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 14. 1900. 641 с. С. 426–427.

представительность торжества не была случайной, ведь фигура актера объединяла несколько поколений передовых деятелей русского искусства. Щепкин состоял в приятельских отношениях с А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем, И.С. Тургеневым. Многие почерпнул для себя актер от общения с «людьми сороковых годов» – В.Г. Белинским, Т.Н. Грановским, А.И. Герценом, с семьей Аксаковых и Киреевских. Щепкин принимал участие в деятельности литературных и философских кружков 1830 – 1840-х годов, а в своих сценических образах усилил и воплощал те нравственно-просветительские и обличительные функции, которые в этот период выполняла передовая русская литература. На обеде было произнесено и зачитано много речей и приветствий от литераторов, профессоров, московских и петербургских коллег по актерскому цеху. В каждой из них прославлялись заслуги, талант и личные качества артиста. Не раз упоминалось имя Т.Н. Грановского, личность которого объединяла передовое русское общество и являлась для него нравственным ориентиром. После предложенного Погодиным тоста за здоровье старшего товарища Щепкина – драматурга С.Т. Аксакова, последовал ответный тост его сына Константина Аксакова «в честь общественного мнения», который превратил торжественное чествование юбиляра в открытую общественную демонстрацию. Константин Сергеевич подчеркнул, что «выражение общественного сочувствия, общественного мнения драгоценно и его отец ставит это превыше всего¹. Сам С.Т. Аксаков писал по этому поводу другому своему сыну Ивану: «Две секунды продолжалось молчание и разразилось криком и громом рукоплесканий. Все встали со своих мест, чокались, обнимались, незнакомые знакомились с Константином... Ни музыкой, ни тостом в честь искусства и театра не могли унять хлопанья и крика»². Показательным фактом было то, что среди приветствовавших данный тост были не только деятели науки и искусства, но и представители торгово-промышленных кругов – крупный промышленник

---

¹ Юбилей М.С. Щепкина // Москвитянин. 1855. Т. VI. Ноябрь. С. 249–280. С. 270.

² Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 14. Указ. соч. С. 444–445.

В.А. Кокорев, купцы – С.И. Мамантов и Прохоров, а также управляющий канцелярии московского военного генерал-губернатора Ф.П. Корнилов. Такой бурный отклик в собравшемся обществе тост Аксакова получил из-за широко распространенной в общественной среде идеи о необходимости предоставления свободы общественному мнению. Верным средством для этого считалась свобода устного и печатного слова, о которой как о неотъемлемом праве человека Константин Аксаков написал в этом же году в своей «Записке о состоянии России» на имя императора.

Выступление Аксакова, придавшее торжественному обеду общественно-политическое звучание, был неоднозначно воспринят в общественных и правительственных кругах. По приказанию генерал-губернатор Москвы А.А. Закревского это событие было запрещено освещать в московских газетах. Но М.П. Погодин все же разместил в своем «Москвитянине» статью об этом событии, а также все речи и приветствия, произнесенные на обеде, в том числе и тост Аксакова¹.

Это событие взбудоражило не только московское, но и петербургское общество. К.Д. Кавелин из Петербурга писал по этому поводу М.П. Погодину: «Щепкинский обед тоже тревожит здесь всех и служит предметом сильных разговоров. Если все так было, как рассказывают, то нельзя не пожалеть, что Аксаков поторопился с тостом»². Содержание тоста не вызвало у Кавелина возражений, вступавшего, как и славянофилы за свободу слова. Профессора скорее беспокоила реакция власти на это событие и последовавшие стеснительные меры, которые могли негативно отразиться на налаживающихся отношениях власти и общества и «прибить» возникшие ростки свободного общественного развития. Дело в том, что на обеде присутствовали представители власти – начальник 2-го московского округа корпуса жандармов С.В. Перфильев, попечитель Московского учебного

---

¹ Юбилей М.С. Щепкина. Указ. соч. С. 270.

² Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 14. Указ. соч. С. 444.

округа В.И. Назимов, сенатор А.И. Казначеев¹. Кавелин опасался, что содержание речи Аксакова могло быть неверно ими истолковано и представлено в петербургских верхах в невыгодном свете.

В конце 1855 и на протяжении 1856 года в Москве состоялось несколько так называемых «славянофильских обедов», чествовавших героев обороны Севастополя. Свое неформальное название они получили благодаря тому, что активную роль в них играли представители славянофильского течения общественной мысли. Наряду с приветствием севастопольских героев и выражением чувств любви и благодарности по отношению к ним в речах участников данных мероприятий содержались явные отсылки к кризисному положению, в котором находилась Россия на заключительном этапе войны и намеки на необходимость широких реформ, что в итоге придавало им характер политических демонстраций. Сдача Севастополя в августе 1855 года в общественном сознании современников приобрела символическое значение, ознаменовав собой неутешительный итог николаевского царствования. Оборона «многострадального города» и подвиги его героев становились утешением для национальной гордости, униженной поражением России. Возвеличивание мужества и стойкости севастопольского гарнизона было тесно связано с пробуждающимися общественными надеждами на устройство лучших условий жизни в России, на обновление всего государственного строя.

Особенно ярко эти общественные настроения проявились в речи М.П. Погодина, произнесенной на обеде в честь «отца солдат» генерала С.А. Хрулева, состоявшегося 18 декабря 1855 года по инициативе членов Английского клуба. В спиче историка отразилось влияние ключевого события Крымской войны на общественное сознание. В частности, Погодин отмечал, что героическая оборона города на протяжении 11 месяцев являлась для русского общества «животворною банею..., освежая, обновляя, поднимая все наши нравственные силы, возвышая дух...»² и тем самым, ориентируя его на

---

¹ Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 14. Указ. соч. С. 445.

² Там же. С. 451.

активную деятельность. Схожее мнение высказывал славянофил И.В. Киреевский, который ознакомившись с речью Погодина, писал ему: «...Эти страдания очистительны; эта болезнь к здоровью. Мы бы загнили и задохлись без этого потрясения до самых костей». Вместе с тем, он отмечал, что в эту эпоху в муках военных унижений в недрах России «рождается что-то великое, не бывалое в мире»¹.

В конце февраля 1856 года в Москве прошла серия публичных обедов в честь флотских экипажей Севастополя. Организаторами выступили московские купцы, поддержанные Ремесленной и Цеховой управами и представителями московской общественности. Особенно сильное впечатление на общество производили приветствия и тосты близкого к славянофильским кругам предпринимателя В.А. Кокорева, который выступил одним из основных организаторов патриотических торжеств, устроив за свой счет приезд из Петербурга морских офицеров – участников севастопольской обороны. Следует отметить, что во второй половине 1850-х годов Кокорев становится значимой публичной фигурой. Он не только прилагал значительные усилия по организации общественных мероприятий, но и неожиданно для многих выступил в роли пламенного оратора, речи которого отражали господствующие в обществе обновленческие настроения. На обеде 23 февраля, данного Кокаревым в залах Купеческого собрания, он произнес речь, в которой от лица всех русских людей благодарил морских офицеров и морякам за стойкость и героизм, проявленный на севастопольских бастионах. Но вместе с тем его выступление содержало в себе актуальную общественно-политическую идею. Кокорев выражал надежду на то, что самоотверженность севастопольских моряков воодушевит русское общество: «Дай Бог нам способность воспринять хотя часть вашего самопожертвования и забвения о самих себе, и тогда, по приложении сих добродетелей к делам общей пользы, мы нашли бы скорую возможность возвеселить нашего возлюбленного

---

¹ Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 14. Указ. соч. С. 455.

монарха плодами внутреннего преуспевания»¹. На другом обеде, состоявшемся 26 февраля, Кокорев вновь поразил современников глубиной и точностью, с которой он в своем выступлении передал особенность настоящего момента для русского общества и всю степень влияния на него Крымской войны. Обращаясь к героям севастопольской обороны, он отметил, что развитие «русской силы», подразумевая под этим внутренний духовный потенциал русского общества, происходило в военные годы под воздействием «общего горя» и патриотического энтузиазма, а войны в российской истории играли роль «будильников», которые обновляли, развивали мысль, толкали его вперед². Обе речи особенно поразили С.Т. Аксакова и К.Д. Кавелина, который в письме к Погодину подчеркнул, что в словах Кокорева: «...Сколько свежести, глубины и силы! Так не говорят у народов, собирающихся умереть, хотя гнили, гнили столько, что не оберешься»³. О подробностях московских торжеств и о содержании произносимых там речей Погодин сообщил в письме личному секретарю великого князя Константина Николаевича – А.В. Головнину. Великий князь, ознакомившись с застольными речами, выразил желание видеть и лично благодарить Кокорева⁴.

Заключительным в серии патриотических обедов стал организованный по инициативе сенатора С.П. Шипова, поддержанного славянофилами, банкет в честь начальника севастопольского гарнизона графа Д.Е. Остен-Сакена, данный 5 марта 1856 года в Дворянском Собрании. Его особенностью стало то, что в застольных речах, произносимых на нем, русское общество фактически противопоставлялось государству и подчеркивалось его самостоятельное значение в общественно-политической жизни страны. Так, в своем приветственном слове К.С. Аксаков отмечал, что в отличие от государства общество «читит заслуги человека добровольным выражением

¹ Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 14. Указ. соч. С. 497.

² Там же. С. 515–516.

³ Там же. С. 517.

⁴ Там же. С. 520–521.

своего внутреннего сочувствия и уважения»¹ и данный обед является именно общественным выражением чувств глубокой признательности русского общества к храброму воину. М.П. Погодин, также выступивший на обеде, среди всех достоинств военачальника Остен-Сакена особенно подчеркивал то, «которого для русского солдата не заменит никакая наука, никакая ученость, никакой ум, никакие способности», завещанное всякому военачальнику еще А.В. Суворовым. Всем присутствовавшим на обеде было ясно, что этим достоинством является честность, в недостатке которой в этот период упрекали многих военных и чиновников Российской империи, погрязших в злоупотреблениях властью и воровстве, масштабы которого во время Крымской войны достигли катастрофических размеров. Это выступление, содержащее в себе скрытую критику власти, вызвало неудовольствие в высших правительственных кругах, которое, однако, не было высказано открыто. Так, в конце марта 1856 года во время пребывания императора в Москве военный министр В. А. Долгоруков вызвал Погодина к себе. В связи с этим В.Ф. Корш в письме интересовался у него: «Правда ли, что князь Долгоруков выразил вам свое неудовольствие за обед Остен-Сакену?». На самом деле, как сообщал сам Погодин, министр ничего особенно ему не сказал, но обронил фразу: «Сакеном Вы нас задели, но это ничего»².

Представителям власти было трудно отказаться от привычной «запретительной» модели поведения в отношении общественности. Это проявилось в ряде эпизодов, связанных с обедом в честь Остен-Сакена. Так, например, начальник второго округа Отдельного корпуса жандармов С.В. Перфильев отмечал, что «в речи Погодина многие выражения признаются неуместными и неприличными»³. Помимо этого, он сообщал в Петербург, что внешний вид А.С. Хомякова, явившегося на обед в русском платье и с бородой «очень удивил и, как видно, оскорбил» присутствовавшего на обеде князя

¹ Аксаков К.С. Застольное слово К.С. Аксакова на обеде, данном в Москве графу Д.Е. Сакену // Русский архив. Историко-литературный сборник. 1895. №5. С. 119–120. С. 120.

² Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 14. Указ. соч. С. 554.

³ Там же. С. 540–541.

С.М. Голицына – одного из крупнейших сановников империи. После этого Хомякову по именному высочайшему повелению было запрещено носить бороду и русское платье в публичных местах¹. Этот незначительный эпизод произвел неприятное впечатление на образованное общество и особенно на славянофилов. А.И. Кошелев в письме Погодину писал по этому поводу: «...мошенники, взяточники, лакеи торжествуют, а люди независимые, мыслящие всех партий повесили нос»². В ответ на эту правительственную меру, несоответствующую атмосфере общественного подъема начала нового царствования и считавшейся каким-то «недоразумением, обманом и клеветой» со стороны А.А. Закревского, С.М. Голицына и других лиц, в славянофильской среде было составлено коллективное письмо³. В нем подчеркивалось, что, посягнув на бороду, правительство посягнуло на народность, к которой не преминуло обратиться в тяжелую годину Крымской войны, созывая ополчение. Здесь звучал прямой упрек власти за то, что она снова вмешалась в «частные дела граждан» и, как в тяжелые для общественной жизни николаевские годы, «все подводит под лекало единообразия»⁴. Народность в данном контексте понималась не только как «символ самостоятельности и духовной свободы» русского общества, но и как обращение власти в лице императора к народу, «живительную силою» которого сокрушаться «ложь, взятки и всякая безнравственность»⁵. Это письмо, по замыслу славянофилов, должно было «произвести реакцию» в Петербурге против «недобросовестных сановников» и тем самым обратить внимание императора на всю несправедливость этой меры и ущемление прав благонамеренных людей. Составление данного письма ярко демонстрировало непоколебимую веру в

¹ Бартенев П.И. Воспоминания // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. Т. 1. С. 47–95. С. 66.

² Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 14. Указ. соч. С. 541.

³ Письма к А.Н. Попову (1840–1860) – А.И. Кошелева // Русский архив. 1886. Вып. 3. С. 357–362. С. 359.

⁴ Мазур Н.Н. Дело о бороде. Из архива Хомякова: письмо о запрещении носить бороду и русское платье // Новое литературное обозрение. 1994. № 6. С. 127–138. С. 136.

⁵ Там же. С. 138.

нового императора, который не может запретить «русским быть и казаться русскими»¹. Данный эпизод свидетельствует о значительных изменениях в сознании общества, которое в новых условиях крайне болезненно воспринимало любую запретительную меру властей и было готово отстаивать свое право на самовыражение.

Московские обеды, чествовавшие севастопольских героев, ярко демонстрировали трансформацию патриотического подъема русского общества в общественно-политический. Общественность использовала любую возможность для публичного выражения своей готовности поддерживать новое правительство и помогать ему на пути устранения всяческих злоупотреблений и проведения преобразований. Вместе с тем эти обеды также становились очередным поводом, благодаря которому можно было публично обратиться к актуальным проблемам и напомнить власти о необходимости их скорейшего разрешения. В них проявилась определенная тенденция в развитии русской общественной жизни, связанная с продолжавшимся во второй половине 1850-х годов процессом оформления общественности как самостоятельного актора общественно-политической жизни России. Это выражалось в частом противопоставлении живой общественной силы бездушности и бездарности правительственных распоряжений. Так, например, Погодин противопоставил организованные общественностью чествования севастопольских героев как проявление «свободного движения частных людей», нерасторопности московских властей и, в частности, московского генерал-губернатора, который, по словам историка, «боялся выражения любовных народных чувствований, точно как на Западе, правительство боится враждебных демонстраций оппозиции»².

Вместе с тем, присутствие на данных торжествах представителей высших московских властей (один из обедов 21 февраля 1856 года состоялся

---

¹ Мазур Н.Н. Дело о бороде. Из архива Хомякова: письмо о запрещении носить бороду и русское платье. Указ. соч. С. 138.

² Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 14. Указ. соч. С. 528.

в доме генерал-губернатора), интерес, проявленный императором к содержанию произносимых там речей¹, а также широкое освещение этих торжественных событий в печати превращало их в общественные демонстрации, схожие по своему значению с политическими банкетами более позднего времени. В связи с этим можно утверждать, что во второй половине 1850-х годов в России складывалась традиция активного социального поведения в форме обедов и других публичных мероприятий, главной целью которых являлось стремление обратить на себя внимание властей и довести до нее значимые идеи, распространенные в общественной среде.

Большое впечатление на русскую общественность произвело опубликование рескриптов 1857 года, определявших правительственную программу крестьянской реформы и означавших переход к гласному обсуждению крестьянского вопроса. Славянофил А.И. Кошелев, характеризуя общественную реакцию на первые публичные правительственные меры в крестьянском вопросе, отмечал, что «зима 1857/58 года была до крайности оживлена. Такого исполненного жизни, надежд и опасений времени никогда прежде не бывало. Толкам, спорам, совещаниям, обедам с речами и проч. не было конца. Едва ли выпущенный из тюрьмы после долгого в ней содержания чувствовал себя счастливее нас, от души желавших уничтожения крепостной зависимости людей в отечестве нашем и, наконец, получивших возможность во всеуслышание говорить и писать о страстно любимом предмете и действовать как будто свободно»².

Видимо на Кошелева большое впечатление произвели обеды, данные в Москве 28 декабря 1857 года и 16 января 1858 года, на последнем из которых он также присутствовал. Данные обеды «по случаю эманципации» стали выражением стремления либеральной общественности – московских и петербургских литераторов и ученых, выразить верноподданнические чувства

¹ Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 14. Указ. соч. С. 541.

² Записки А.И. Кошелева // Русское общество 40 – 50-х годов XIX в.: В 2-х ч. Указ. соч. Ч. I. С. 98.

императору, приветствовать «Царя-освободителя» и начало подготовки крестьянской реформы. Декабрьский обед, состоявшийся в залах Купеческого собрания, был инициирован редактором «Русского вестника» М.Н. Катковым и профессором Петербургского университета К.Д. Кавелиным. Следует отметить, что идеологи славянофильства решили на нем не присутствовать, чтобы лишний раз не раздражать правительство¹. Сообщение об обеде, а также все выступления на нем – М.Н. Каткова, писателей Н.Ф. Павлова, А.В. Станкевича, профессора истории М.П. Погодина, профессора политической экономики И.К. Бабста, К.Д. Кавелина и В.А. Кокорева были опубликованы в «Русском вестнике»². Во всех выступлениях выражалась готовность общественности с помощью литературы «содействовать великому преобразованию... соответственным великодушным намерениям Государя, за одно с правительством»³. В речи Кокорева, не произнесенной на обеде, но опубликованной в «Русском вестнике» как «дополнение» к упомянутой статье, вместе с призывом к купцам принять участие в деле освобождения крестьян было высказано важное общественное требование расширения гласности мнений, «сообщаемых из каждой местности во всеобщее сведение широковещательным печатным словом»⁴. Позднее среди участников обеда распространился слух о том, что торжественные речи были представлены императору в рукописи и благосклонно им приняты⁵. Однако, в действительности, какой-либо официальной благодарности от императора не последовало.

В свою очередь реакция московских властей на опубликование речей, произнесенных на «обеде эманципаторов» последовала незамедлительно.

¹ Хрущов Д.П. Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II: В 3-х т. Берлин: F. Schneider, 1860 – 1862. Т. 1: от 1855 до 1858. 1860. 416 с. С. 184.

² Современная летопись // Русский вестник. 1857. Т. 12. С. 203–217.

³ Хрущов Д.П. Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II. Указ. соч. Т. 1. С. 186–187.

⁴ Там же. С. 193.

⁵ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 15. 1901. 552 с. С. 492.

Чиновник особых поручений С.Н. Палаузов в своем рапорте сообщал министру народного просвещения А.С. Норову: «Речи противоречат последнему предписанию Вашего высокопревосходительства о недозволении печатать статьи, в коих допускаются суждения о крестьянском вопросе». И далее продолжал: «Долгом считаю, впрочем, заметить, что речи эти отнюдь не противоречат мерам правительства, выраженным в Высочайших рескриптах по случаю улучшения быта помещичьих крестьян, напротив, они живо и рельефно выражают те благодетельные последствия, которые непосредственно произойдут от выше приведенных мер правительства, явно направленных на будущее благоденствие земледельческого класса»¹. Тем не менее, несмотря на важное замечание чиновника о несомненном благоприятном направлении выступлений на обеде, дополнительная речь Кокорева, отпечатанная отдельной брошюрой в типографии Каткова, была запрещена к распространению, а существующие экземпляры уничтожены². Во многом этому способствовал московский генерал-губернатор А.А. Закревский, который, по словам амнистированного декабриста Н.А. Басаргина, представил этот обед верховной власти «в виде опасной для спокойствия столицы протестации со стороны оппозиционной партии»³. В своих воспоминаниях В.А. Кокорев сообщал, что после обеда 28 декабря 1857 года «граф Закревский прислал за мной и наговорил мне в самых желчных выражениях таких страхов и ужасов и таких угроз, что я счел за лучшее выслушать все их молча без всяких возражений»⁴.

Но предупреждение Закревского не остановило общественной деятельности Кокорева, за которым уже было установлено негласное наблюдение полиции. Вошедший во вкус публичной деятельности

¹ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3989. Л. 48.

² Репинецкий С.А. Московский цензурный комитет и политика в отношении печати накануне отмены крепостного права // Российская история. 2011. № 2. С. 109–116. С. 111.

³ Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. Указ. соч. С. 277.

⁴ Кокорев В.А. Воспоминания давно прошедшего // Русский архив. 1885. Вып. 3. С. 263–272. С. 268–269.

предприниматель, 16 января 1858 года организовал в своем доме очередной обед, на который было приглашено около 100 человек, что снова вызвало негативную реакцию у московских властей. На банкете тожественные речи были произнесены самим хозяином, славянофилами Ю.Ф. Самариним, А.И. Кошелевым, а также одним из уездных предводителей дворянства Нижегородской губернии, сыном известного историографа А.Н. Карамзиным. В выступлениях вновь подчеркивалась особенность настоящего момента, знаменовавшего собой начало новой эпохи всеобщего обновления, когда «Царь направил все общественные мысли к делу». По словам Кокорева, в наступившем 1858 году, «...предчувствуется торжество русского слова» и в этот год «ничем не заглушаемая мысль положит конец нашему бессловию»¹. Кошелев предложил тост в честь гласности, которая, по его замечанию, в царствование Александра II «водворяется в России и обхватывает все более и более круг нашей умственной и гражданской деятельности». Славянофил также выразил уверенность в том, что «большая по возможности гласность» является одним из главных условий успешного разрешения крестьянского вопроса, ведь она «одна в силах противодействовать ложным слухам», распространяющимся в крестьянской среде². На обеде затрагивались и актуальные проблемы сельского хозяйства, открытое обсуждение которых в это время ограничивалось властями: вопрос о поземельной общине, о доходности помещичьих хозяйств³. Особо отмечалось, что представители общественности – все те, кто так или иначе занимается разработкой проектов и предложений по решению крестьянского вопроса, смогут удостоверить императора в том, что «из общих наших рассуждений выработается устройство Его любезной России»⁴. По окончании обеда в своей заключительной речи Кокорев предложил собрать подписку на новый грандиозный обед в Большом театре по случаю трехлетия восшествия на

---

¹ ГА РФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 130. Л. 1.

² Там же. Л. 4.

³ Там же. Л. 11 об.

⁴ Там же. Л. 12 об.

престол императора Александра II «для выражения верноподданнической любви и преданности к Его Величеству», назначенный на 19 февраля 1858 года. Предложение было восторженно принято и в открытой подписке среди приглашенных на обед есть имена как государственных, так и общественных деятелей, московских предпринимателей¹. На готовившемся обеде Кокорев планировал обсудить разрабатываемый им план учреждения частного банка для выкупа у помещиков всей необходимой для крестьян земли² и составить обращение к великому князю Константину Николаевичу, который, по замыслу предпринимателя, должен был принять этот банк с собранной суммой под свое покровительство и полное ведение³. По мнению Кокорева, создание банка из пожертвований богатых купцов было необходимо для того, чтобы «помещики видели, что за земли, поступающие к крестьянам, деньги есть, готовы, на лицо, чтобы крестьяне убедились в том, что они остаются не на воздухе, а со всеми владеемыми ими полями и покосами»⁴.

В своем конфиденциальном донесении от 18 января 1858 году шефу жандармов В.А. Долгорукову московский генерал-губернатор А.А. Закревский сравнивал обед в доме у Кокорева с «западными митингами, развивающими демократические идеи». Закревский был крайне недоволен активностью купца в деле, которое, по его мнению, должно было решаться исключительно дворянством. Тем более непозволительным ему казалось то,

---

¹ Так, например, наряду с сенатором С.П. Шиповым, начальником 2-го московского округа корпуса жандармов С.В. Перфильевым, московским цензором Н.Ф. фон Крузе, оренбургским вице-губернатором Е.И. Барановским в обеде 19 февраля предполагали принять участие славянофилы А.И. Кошелев, Ю.Ф. Самарин, А.С. Хомяков, литературные деятели Н.Х. Кетчер, М.Н. Катков, А.Н. Островский и многие другие.

² В.А. Кокорев развивал свой проект освобождения крестьян с землей при участии купеческого сословия не только в выступлениях на торжественных обедах. В 1859 году в «Санкт-Петербургских ведомостях» появится его статья «Миллиард в тумане», в которой будет изложен план реформы. Идея учреждения частного банка, в который Кокорев со своей стороны хотел внести 3 млн. руб., была представлена им в письме к министру внутренних дел от 21 января 1858 года, который, в свою очередь, внес его в Главный Комитет по крестьянскому делу.

³ Попельницкий А. Запрещенный по высоч. повелению банкет в Москве 19 февраля 1858 г. // Голос минувшего. 1914. № 2. С. 202–212. С. 205.

⁴ ГА РФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 130. Л. 12 об.

что Кокорев как купец, не являвшийся выходцем из сословия, которому было дозволено заниматься обсуждением крестьянского вопроса, позволил себе обратиться к нижегородскому дворянству в лице Карамзина, чем оскорбил все сословие дворян¹. Также, по мнению Закревского, страсти и толки, которые возбуждают в народе торжественные речи на обедах «легко могут породить беспорядки и обрушить на слепую толпу всю строгость закона»². В заключении своего донесения московский генерал-губернатор испрашивал высочайшего мнения о том, можно ли допускать в дальнейшем «митинги наподобие заграничных и публичные политические обеды с речами об эмансипации»³. В итоге из Петербурга последовало Высочайшее повеление от 24 января 1858 года, в соответствии с которым Кокорева особой подпиской обязали отказаться от подготовки обеда 19 февраля 1858 года и к тому же «не дозволять вообще публичных политических собраний и обедов, с произнесением речей о государственных вопросах»⁴.

Даже после исполнения высочайших распоряжений в отношении Кокорева Закревский к письму князю А.Ф. Орлову от 15 февраля 1858 года приложил отдельную записку о московском купце. Проявленная Кокоревым инициатива и его призыв к публичному обсуждению идеи учреждения частного банка были в ней истолкованы как «тщеславная выходка» и попытка «всеми путями добиться народности». Закревский замечал: «Пусть бы писал и представлял свои проекты правительству. – Но к чему эта гласность, которой он так нагло ищет и в России, и за границею? Разве для нас мало Царского слова, которым двинуто дело об уничтожении крепостного права?»⁵. Московский генерал-губернатор, порицаемый в общественной среде за крутой нрав и непримиримость в отношении свободных проявлений общественной

¹ Попельницкий А. Запрещенный по высоч. повелению банкет в Москве 19 февраля 1858 г. С. 202.

² Там же. С. 203.

³ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 15. Указ. соч. С. 499–501.

⁴ Попельницкий А. Запрещенный по высоч. повелению банкет в Москве 19 февраля 1858 г. Указ. соч. С. 208.

⁵ Там же. С. 210.

жизни, являлся ярким примером того государственного деятеля – «административной головы», который не хотел видеть и принимать новые условия развития общественно-политической жизни в России и учитывать то, что появилась новая сила в лице общественности как носительницы общественного мнения, требующей гласности в действиях правительства. В эпоху, когда в обществе особой популярностью пользовался герценовский «Колокол» и на слуху были слова из него о том, что «там, где нет гласности, там, где нет прав, а есть только царская милость, там не общественное мнение дает тон, а козни передней и интриги алькова»¹, действия Закревского казались еще более неуместными и анахроничными, тормозящими прогрессивное развитие.

Помимо торжественных обедов в конце 1850 – начале 1860-х годов особой формой общественной активности и публичного взаимодействия власти и общества являлась деятельность Политико-экономического комитета, созданного в 1859 году при Отделении статистики Императорского Русского географического общества. В 1840 – 1850-е годы статистическое отделение русского географического общества и созданный при нем Политико-экономический комитет являлись одним из мест концентрации и активной деятельности представителей так называемой «партии прогресса», состоявшей из представителей либеральной бюрократии, общественных деятелей и ученых, группировавшейся вокруг председателя ИРГО великого князя Константина Николаевича. Благодаря своему высокому статусу и либеральным воззрениям великий князь был чрезвычайно привлекательной фигурой для передовых слоев российского общества, став одним из важнейших «контактеров», через которых осуществлялась непосредственная властно-общественная коммуникация. По долгу службы Константин Николаевич поддерживал тесные контакты с научной общественностью. Он высоко оценивал значение науки и деятельности ученых для выработки

---

¹ Москва // Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева: Вольная русская типография. 1857–1867. Вып. 1. Указ. соч. С. 43.

государственной политики и стратегии общего развития страны, руководствуясь принципом активного привлечения научных деятелей для разработки важных государственных вопросов. В 1855 году великий князь выступил с инициативой отправить литературную экспедицию для исследования быта и нравов крестьян в отдаленных русских деревнях, для чего им были приглашены известные и только начинающие свою литературную карьеру русские писатели С.В. Максимов, Д.В. Григорович и др.¹ Участие литераторов в экспедиции было ориентировано на привлечение внимания читающей публики к государственным мероприятиям посредством литературного таланта писателей. Литературная экспедиция 1855 – 1856 годов, организационно и финансово подчинявшаяся Морскому Министерству, приобрела общественную значимость, поскольку в глазах общества и ее непосредственных участников стала актом примирения между властью и обществом – событием «неожиданным и почти невероятным». После предшествующего периода притеснений и преследований литераторов власть призывала их к активной деятельности. К тому же при разработке ряда реформ по Морскому ведомству, в частности проекта преобразований морской судебной части и устава морских госпиталей, великий князь активно привлекал к профессиональной помощи ученых и профессоров ведущих российских университетов².

Великий князь также поддержал инициативу создания Политико-экономического комитета. За кратковременный период своего существования он превратился в одну из значимых публичных «площадок», в рамках которой представители высшей власти вместе с деятелями науки и литературы обсуждали актуальные вопросы социально-экономического развития страны. По мнению некоторых отечественных и зарубежных историков, это

---

¹ См. подробнее: Днепров Э.Д. «Морской сборник» в общественном движении периода первой революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. Сборник статей. М., 1965. С. 248–252; Максимов С.В. Литературная экспедиция (По архивным документам и личным воспоминаниям). Указ. соч. С. 19.

² РГИА. Ф. 735. Оп. 6. Д. 90, 149.

учреждение, имевшее прогрессивное значение, оказало большое влияние на процесс подготовки крестьянской реформы¹. Инициатива учреждения Политико-экономический комитета принадлежала 19 членам Русского географического общества – видным государственным служащим и крупным ученым-экономистам, генерировавшим в своей среде новые принципы свободного развития русской торговли и промышленности. В феврале 1859 года они обратились в Отделение статистики со специальной запиской². В ней были изложены основные цели, которые преследовал комитет, а именно «обсуждение передаваемых из Отделения вопросов по хозяйственной статистике». Помимо этого, комитет оставлял за собой право обсуждения широкого круга проблем из области народного хозяйства³. В специальной работе о Политико-экономическом комитете исследовательница В. Г. Чернуха указала на три его основные функции, предполагавшиеся учредителями: научная – теоретическая разработка актуальных финансово-экономических вопросов; практическая – реализация научных выводов в экономической и финансовой политике правительства; идеологическая – подготовка общественного мнения к новым принципам будущей экономической политики и выбор в пользу полной гласности своей деятельности и публикуемых материалов⁴. На заседаниях комитета обсуждались важные социально-экономические и финансовые вопросы – особенности выкупной операции, банковское дело, гласность в финансовой деятельности государства, вопросы налогообложения и др. Такие влиятельные государственные деятели как П.А. Валуев, К.И. Домонтович, А.И. Левшин, Н.А. Милютин, входившие в состав комитета, могли способствовать осуществлению научных выводов в

¹ См. подробнее: Чернуха В.Г. Деятельность политико-экономического комитета Русского географического общества (28 февраля 1859 – 26 ноября 1862 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XXI. Л.: Наука, 1990. С. 74–88.

² Normano J.F. The Spirit of Russian Economics. N.Y., John Day Co., 1945. 170 p. P. 49.

³ Вестник Императорского Русского географического общества (ИРГО). 1859. № 10. С. 30–31. С. 31.

⁴ Чернуха В.Г. Деятельность политико-экономического комитета Русского географического общества (28 февраля 1859 – 26 ноября 1862 г.). Указ. соч. С. 96–98.

практической плоскости государственной политики, воплощая в своей деятельности «дружеский союз науки с практикой».

Следует отметить, что учредители комитета пытались сохранить его либеральную направленность и оградить его работу от вмешательства консервативных деятелей, устанавливая в качестве условия избрания новых членов в комитет свое собственное усмотрение. Несомненным новшеством в работе комитета стало приглашение на его заседания представителей тех сословий русского общества, которые были непосредственно заинтересованы в обсуждаемом вопросе. К тому же на заседаниях могли присутствовать гости, число которых иногда достигало 100 человек¹. В условиях отсутствия каких-либо учреждений, способных представить мнения различных слоев общества, в финансово-экономической сфере комитет мог стать органом, учитывающим интересы «торгового класса» – русской финансовой и промышленной буржуазии.

С начала 1860-х годов правительство подвергло деятельность комитета ограничениям, воспринятым его членами как несовместимыми с его дальнейшей работой в прежнем формате. В ноябре 1862 года в ответ на «высочайшее повеление» Совета министров от 4 января 1862 года, которое обязывало каждый отдел или комитет ученого Общества составить «краткую программу предметов и порядок занятий»², Политико-экономический комитет принял постановление о самороспуске. В нем было замечено, что комитету будет трудно составить полную программу всех обсуждаемых вопросов из-за их обширности и многочисленности. По мнению его членов, продолжение работы комитета, «стремившегося распространить здравые понятия науки» и в литературе, и в публике, но лишенного «ученой независимости в выборе предметов и вопросов для своих занятий и исследований», является не только затруднительным, но и бесполезным. За краткий период своей деятельности

---

¹ Чернуха В.Г. Деятельность политико-экономического комитета Русского географического общества (28 февраля 1859 – 26 ноября 1862 г.). Указ. соч. С. 101.

² РГИА. Ф. 1275. Оп. 1. Д. 39. Л. 3.

Политико-экономический комитет действительно приобрел большое влияние на общество, протоколы о его заседаниях публиковались не только в специальных изданиях ИРГО, но и в общественно-политических журналах. Так, например, в журнале «Век», в котором один из учредителей комитета, видный экономист В.П. Безобразов заведовал отделом экономии и финансов, был опубликован протокол заседания 1861 года с его заключительной речью. В ней была раскрыта роль Политико-экономического комитета в развитии русского общественного мнения. По мнению Безобразова, в спорах чиновников и купцов, ученых и светских людей на заседаниях комитета возникали общие понятия, «составляющие самое лучшее общественное достояние» – общественное мнение. Он отметил рост влияния общественного мнения на современную политику и необходимость его учета при формировании внутривластного курса. Как и другие члены комитета он считал, что общественным мнением «обуславливаются все прочие реформы, и вопреки ему не может совершаться никакое движение ни вперед, ни назад. Кто хочет прочно строить, должен строить на этом незыблемом фундаменте всяких государственных и общественных учреждений»¹. Тем самым Безобразов подчеркивал особое значение Политико-экономического комитета, ставшего одним из тогдашних центров формирования общественного мнения в России по специальным вопросам, которое могло быть использовано властью при подготовке различных преобразований в социально-экономической и финансовой областях.

В данном контексте становится понятной еще одна причина закрытия Политико-экономического комитета. Высшая администрация империи, обеспокоенная его чрезмерной в российских реалиях общественно-политической активностью и вмешательством в сферу политики, попыталась ограничить его работу и влияние на реформаторский процесс. Самороспуск Политико-экономического комитета стал значимым симптомом изменения

---

¹ Век. 1861. № 33. С. 5.

характера взаимоотношений власти и общества в начале 1860-х годов, проявившегося в ужесточении политики властей по отношению к проявлениям общественной инициативы, а со стороны общества – в росте оппозиционности общественных настроений.

Таким образом, во второй половине 1850-х – начале 1860-х годов русская общественность стремилась использовать любые институциональные и вне институциональные публичные формы для выражения своих взглядов по актуальным вопросам российской действительности и взаимодействия с представителями высших российских властей. Именно с этого периода обеды и другие публичные мероприятия превращаются в одну из значимых форм общественного самовыражения, посредством которой общество демонстрировало власти свою готовность к «великому делу внутреннего благоустройства». В торжественных речах многочисленных обедов этого периода звучала общая идея о необходимости соединения самодержца и народа, власти и образованного общества в общей работе по подготовке преобразований. В рамках деятельности литературной экспедиции 1855 – 1856 годов, Политико-экономического комитета, Редакционных комиссий фактически впервые в российской истории знания и талант ученых и литераторов были востребованы правительством при выработке нового внутриполитического курса.

Заключение

Формирование общественности в Российской империи было одним из проявлений долговременных процессов социокультурной модернизации, которые привели к возникновению личности активно-преобразующего психологического склада, стремящейся к участию в общественно-политических процессах. Вырабатываемая общественностью на протяжении первой половины XIX века культура и ее участие в различных видах публичной деятельности (создание салонов и кружков, газет и журналов) имели важное значение для развития публичной сферы в России, которая задолго до появления соответствующих политических и социальных институтов, позволяла не только удовлетворить потребность в «целостном мирозерцании», характерную для передовой части русского образованного общества, но и приобщиться к активной общественно-политической деятельности.

В годы царствования Николая I в развитии общественной жизни в России наступает новый этап. Самодержавие отказывалось признать право общественности влиять на принятие политических решений. Усиление политической реакции, введение строгой цензуры и полицейского контроля над общественной жизнью радикально трансформировали элементы публичной сферы и характер взаимоотношений власти и общественности в России. Внутриполитический курс императора, предполагавший «постепенное усовершенствование», обозначил отказ от всякого сотрудничества с обществом, превращая его в объект неустанного попечения со стороны власти и пресекая любые попытки общественной самостоятельности, что в итоге привело к взаимному отчуждению власти и образованной части общества. В годы николаевского царствования общественность испытывала на себе влияние двух противоположных, но взаимозависимых тенденций. С одной стороны, всесторонняя государственная опека и административный гнет сковывали развитие общественной жизни и

российской публичной сферы в целом. Но притеснительные меры николаевского царствования имели и другое следствие – они способствовали внутреннему развитию интеллектуального потенциала русской общественности, ее как выражались современники «умственной мощи», что выразилось в расцвете русской общественной мысли, бурном развитии литературы и публицистики. В недрах созданной императором Николаем I политической системы воспитывались кадры будущих реформаторов, развивалась напряженная умственная и духовная деятельность образованной части русского общества, а 1840-е гг. вошли в историю России как «замечательное десятилетие» – время того усиленного интеллектуального движения, в ходе которого рождались философские и социально-политические идеи, составившие теоретическую базу будущих преобразований. Идейное развитие русской общественности в николаевское время позволило ей принять активное участие в модернизационном процессе, запущенном в стране с приходом к власти Александра II.

Крымская война стала важнейшим внешнеполитическим катализатором процессов роста общественного самосознания, происходивших в России в первой половине XIX века. Патриотический подъем в российском обществе, вызванный войной, перераставший по мере развития конфликта и на фоне внезапной кончины Николая I в общественно-политический, положил начало небывалому общественному оживлению второй половины 1850-х годов и определил динамику властно-общественных отношений этого периода. Первый этап общественно-политического подъема связан с ростом патриотических настроений в годы Крымской войны, которые по мере ее развития, сменились распространением критических оценок внутриполитического положения в стране и убеждением в необходимости глубоких преобразований. Этому во многом способствовали ярко проявившиеся во время войны многочисленные факты злоупотребления властью, коррупции и чрезмерная формалистика, пронизывающая государственный аппарат управления. Война подвела неутешительный итог

прежней политической системе. В правительственных и общественных кругах распространилось убеждение, что успешное преодоление внутреннего кризиса было возможно только путем совместных усилий власти и образованного общества, налаживания конструктивного диалога между ними.

Второй этап общественно-политического подъема был связан с приходом к власти императора Александра II и общим ослаблением внутриполитического режима, последовавшим в связи с этим и изменившем модель взаимоотношений между властью и образованным обществом. В это время происходит оживление научной и литературной деятельности, резко увеличивается численность периодических изданий, на страницах которых ведется обсуждение тем, ранее запрещенных цензурой и недоступных широкой публике, распространяется атмосфера гласности. Общественность стремилась выйти из прежних рамок, сковывающих его творческое и интеллектуальное развитие. Изменения затрагивают не только интеллектуальную, но и материальную сферу жизни образованной части общества, проявляясь в новых элементах быта, поведенческих практиках, запрещаемых в прежнее время.

Именно на втором этапе общественно-политического подъема, за начало которого следует считать приход к власти нового императора Александра II, в России сложились уникальные условия, когда власть и образованное общество смогли на короткое время действовать в одном направлении по решению стоявших перед Россией проблем. Правительство, осознав невозможность «управлять по-старому», не могло не прислушиваться к гласу общественности, учитывая «вбрасываемые» ею идеи при разработке концепции будущих реформ.

В итоге в первые годы царствования Александра II формировалось пространство конструктивной властно-общественной коммуникации на основе как косвенного, так и прямого взаимодействия государственных и общественных деятелей, которое происходило в различных формах, основными среди которых являлись письма и записки, адресованные

представителям государственной власти, салоны и кружки, публичные мероприятия, легальные научно-просветительские организации. Они выступали своеобразными каналами властно-общественной связи в данный период, которые насыщали публичную сферу в России идеями социально-экономического и политического переустройства. К тому же в этот период закладывалась определенная поведенческая траектория представителей русской общественности. Читая об активной общественной деятельности на страницах газет и журналов, наблюдая за ходом подготовки крестьянской реформы, обсуждая в дозволенных рамках правительственные меры и распоряжения императора, русская общественность познавала себя в новом качестве активного субъекта общественно-политических процессов в стране, который уже не является пассивным исполнителем воли правительства, а способен выражать мнение и предъявлять требования, которые было необходимо учитывать в формировании внутривластного курса. Именно в этом заключалась одна из особенных взаимоотношений власти и общества во второй половине 1850-х – начале 1860-х гг.

Однако период конструктивного властно-общественного диалога оказался недолгим. К концу 50-х – началу 60-х годов XIX века, усиливается размежевание между общественностью, в которой происходит оформление основных направлений, предлагавших собственные концепции реформирования страны, и властью, стремившейся удержать общественную активность в определенных рамках, сохранив за собой монопольное право в определении внутривластного курса и ограничивая политическую активность общества. В это время начинается постепенная, но нарастающая с каждым годом радикализация общественных настроений, связанная с нежеланием общества оставаться в приписываемых ему самодержавием рамках.

В начале 1860-х годов в характере властно-общественного взаимодействия начали происходить значительные изменения. Власть стремится поставить проявления общественной инициативы в определенные

бюрократические рамки, ограничивая деятельность общественности непротиворечащими правительственному курсу требованиями. Общественность, со своей стороны, крайне болезненно воспринимала любые запретительные меры, усматривая в них посягательства на свое право «соучастия» в деле обновления страны и выработки концепции реформ. Следствием этого становится постепенная радикализация общественных настроений, выражавшаяся в выдвижении требований, шедших гораздо дальше намеченной правительством программы преобразований. Однако во второй половине 1850-х – начале 1860-х гг. сформировался своеобразный кратковременный «тандем» власти и общества, объединивших свои усилия в общем деле подготовки реформ в России. Сотрудничество с общественностью, протекавшее в различных формах, вело к трансформации идейного содержания политической культуры самодержавной власти, которая, воспринимая передовые идеи, генерируемые в общественной среде, вбирала в себя новые представления и понятия, приспосабливаясь к изменяющимся общественно-политическим обстоятельствам.

Список использованных источников и литературы

1. Источники

1.1 Неопубликованные источники

1.1.1 Материалы архивов

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) г. Москва

1. Ф. 109 III Отделения с. е. и. в. канцелярии
Оп. 1. Д. 84, 85, 88, 1941, 1972, 1982, 1986, 1987.
Оп. 3а. Д. 68, 75, 78, 84, 85, 90.
2. Ф. 647 вел. кн. Елены Павловны
Оп. 1. Д. 50, 55, 70, 130.
3. Ф. 678 имп. Александра II
Оп. 1. Д. 603, 1152.
4. Ф. 722 вел. кн. Константина Николаевича
Оп. 1. Д. 183, 230, 231.
5. Ф. 672 имп. Николай I
Оп. 1. Д. 316.
6. Ф. 1132 Юрьевич С. А.
Оп. 1. Д. 159.

Российский государственный исторический архив (РГИА) г. Санкт-Петербург

7. Ф. 735 Канцелярия министра народного просвещения
Оп. 5. Д. 256, 257.
Оп. 6. Д. 90, 149.

8. Ф. 772 Главное управление цензуры при Министерстве народного просвещения

Оп. 1. Д. 4726, 4727, 5274.

Оп. 1. Ч. 2. Д. 3989.

9. Ф. 869 Милютин Н.А.

Оп. 1. Д. 818, 889, 934.

10. Ф. 908 Валуев П.А.

Оп. 1. Д. 82, 97.

11. Ф. 1021 Перовские

Оп. 1. Д. 49.

12. Ф. 1108 Погодин М.П.

Оп. 2. Д. 53.

13. Ф. 1250 Бумаги председателей и членов Государственного совета

Оп. 1. Д. 4а, 4в, 4г.

14. Ф. 1275 Совет министров (1857–1882)

Оп. 1. Д. 39.

15. Ф. 1282 Канцелярия министра внутренних дел

Оп. 1. Д. 805.

16. Ф. 1642 Куломзин А.Н.

Оп. 1. Д. 36.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ)

г. Москва

17. Ф. 126 Киреев и Новиковы

Д. 1. Т. 1.

18. Ф. 169 Милютины

Кар. 43. Д. 22.

Кар. 64. Д. 60.

19. Ф. 231/І Погодин М.П.

Кар. 45. Д. 61.

20. Ф. 334 Чичерины

Кар. 2. Д. 22, 28.

Кар. 12. Д. 9.

21. Ф. 548 Кавелины

Кар. 2. Д. 39.

22. Ф. 265 Самарины

Кар. 71. Д. 7.

23. Ф. 557 Леонид, архимандрит (1822-1891)

Кар. 5. Д. 61.

1.2 Опубликованные источники

1.2.1 Официальные документы Российской империи

1. Высочайший манифест «О войне с Оттоманскою Портою». 20 октября 1853 г. // Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). – Собр. 2-ое. – Т. XXVIII. – Отд.1-е. – № 27628. – С. 490–491.

2. Гр. А.Х. Бенкендорф о России в 1827 – 1830 гг. (Ежегодные отчеты III отделения и корпуса жандармов) // Красный архив. – 1929. – Т. 6 (37). – С. 138–174.

3. Журнал Министерства народного просвещения. – СПб: Тип. Императорской АН, 1834 – 1917. – Ч. LXXXV. – 1855. – 922 с.; Часть XC. – 1856. – 1058 с.

4. Манифест «О прекращении войны». 19 марта 1856 г. // Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). – Собр. 2-ое. – Т. XXXI. – Отд.1-е. – № 30273. – С. 131–132.

5. Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827 – 1869. Сб. док. / Сост. М. Сидорова, Е. Щербакова. – М.: Россий Архив, 2006. – 706 с.

6. Русская журналистика в документах. История надзора / Под ред. Б.И. Есина, Я.Н. Засурского, сост. О.Д. Минаева. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 397 с.
7. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1861 гг. – СПб: Тип. Морского министерства, 1862. – 487 с.
8. Состояние государства в 1841 году. (Записка Н. Кутузова, поданная императору Николаю I) // Русская старина. – Том ХСV. – 1898. – Вып.7 – 9. С. 517–531.

1.2.2 Сборники документов

1. Декабристы. Антология в двух томах / Сост. Вл. Орлова. – Т. 1. – Л.: Худож. лит., 1975. – 496 с.
2. Николай Первый и его время: Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков / Сост. вступ. ст. Б.Н. Тарасов. – Т. 1. – М.: ОЛМА-Пресс, 2000 [Электронный ресурс]. URL: http://gosudarstvo.voskres.ru/tarasov/nic2_1.htm#11 (дата обращения: 08.07.2018).
3. Николай I: личность и эпоха. Новые материалы / Отв. ред. А.Н. Цамутали. – СПб: Издательство Нестор – История, 2007. – 530 с.
4. Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / Под ред. Е.Л. Рудницкой. – М.: Археографический центр, 1997. – 571 с.
5. России верные сыны / Сост. В.Г. Тюкавкина. – М.: Молодая гвардия, 1988. – 541 с.

1.2.3 Публицистические источники

1. Августейшие путешественники // Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева: Вольная русская типография. 1857–1867. – Лондон–Женева: в

11 вып. / Предисл. М.В. Нечкиной и Е.Л. Рудницкой. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – Факсимильное изд. – Вып. 1. – С. 8–9.

2. Аксаков, И.С. О взаимном отношении народа, государства и общества / И.С. Аксаков // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/iaksakov_o_vzaimnom.html (дата обращения: 07.05.2018).

3. Аксаков, И.С. Наше знамя – русская народность / И.С. Аксаков / Сост. С. Лебедева / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 640 с.

4. Аксаков, И.С. Мы глупы и бедны / И.С. Аксаков // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/iaksakov_my_glupy.html (дата обращения: 07.05.2018).

5. Аксаков, И.С. Как России готовиться к войне / И.С. Аксаков // Lib.ru/Классика [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/a/aksakow_i_s/text_1860_kak_rossiya_gotovirtsya_oldorfo.shtml (дата обращения: 08.05.2017).

6. Аксаков, К.С. Застольное слово К.С. Аксакова на обеде, данном в Москве графу Д.Е. Сакену / К.С. Аксаков // Русский архив. Историко-литературный сборник. – 1895. – №5. – С. 119–120.

7. Аксаков, К.С. Записка К.С. Аксакова «О внутреннем состоянии России» / К.С. Аксаков // Ранние славянофилы: А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. и И.С. Аксаковы / Сост. Н.Л. Бродский. – М.: Товарищество И.Д. Сытина, 1910. – С. 69–96.

8. Аксаков, К.С. Взгляд на русскую литературу с Петра Первого / К.С. Аксаков // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/kaksakov_lit_petr_1.html (дата обращения: 08.05.2018).

9. Белинский, В.Г. Статья восьмая «Евгений Онегин» / В.Г. Белинский // Полн. собр. соч.: В 13 т. – Т. 7. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 431–472.
10. Белинский, В.Г. Литературные мечтания / В.Г. Белинский // Lib.ru/Классика [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0310.shtml (дата обращения: 08.05.2018).
11. Валуев, П.А. Дума русского (во второй половине 1855 года) / П.А. Валуев // Русская старина. – 1893. – Т. LXXIX. – Вып. 9. – С. 503–514.
12. Вернадский, И.В. Романское начало и наполеониды / И.В. Вернадский. – СПб: Тип. Э. Веймара, 1855. – 52 с.
13. Вяземский, П.А. Стихотворения / П.А. Вяземский // Полн. собр. соч. князя П.А. Вяземского: В 12 т. – СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1887. – Т. 11. – 1853 – 1862 гг. – 467 с.
14. Герцен, А.И. Very dangerous!!! / А.И. Герцен // Колокол. Первое десятилетие. 1857–1867. – Лондон, Женева, 1867. – С. 363–364.
15. Герцен, А.И. Революция в России / А.И. Герцен // Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева: Вольная русская типография. 1857–1867. – Лондон–Женева: в 11 вып. / Предисл. М.В. Нечкиной и Е.Л. Рудницкой. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – Факсимильное изд. – Вып. 1. – С. 11–14.
16. Глинка, Ф.Н. Ура! / Ф.Н. Глинка // Военно-патриотические стихотворения времен Восточной (Крымской) войны [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/g/glinka_f_n/text_1854_patrioticheskie_stihi.shtml (дата обращения: 08.05.2017).
17. Долгоруков, П.В. Правда о России, высказанная князем Петром Долгоруковым: В 2-х т. / П.В. Долгоруков. – Т. 1. – Париж: А. Franck, 1861. – 255 с.
18. Достоевский, Ф.М. Журнальная заметка. О новых литературных органах и о новых теориях / Ф.М. Достоевский // Собр. соч.: В 15 т. – Т. 11. – СПб: Наука, 1993. – С. 287–301.

19. Жеребцов, Н.А. О современной политической и внутренней жизни России / Н.А. Жеребцов // Русская старина. – 1896. – Т. LXXXVI. – Вып. 5. – С. 633–642.
20. Из Петербурга (письмо к издателю) // Колокол. Первое десятилетие. 1857 – 1867. – Лондон, Женева, 1867. – С. 14–15.
21. Кавелин, К.Д. Мысли об уничтожении крепостного состояния в России / К.Д. Кавелин // Русская старина. – 1887. – Т. LIII. – Кн. 3. – С. 431–463.
22. Кавелин, К.Д. Собр. соч.: В 4 т. / К.Д. Кавелин. – СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897 – 1900. – Т. 2. – 1898. – 1258 стлб.; Т. 3. – 1899. – 1258 стлб.
23. К.Д. Кавелин о смерти Николая I: Письма к Т.Н. Грановскому / Статья и коммент. Ш.М. Левина // Литературное наследство. – М.: АН СССР, 1931 – 2008. – Т. 67. – 1959. – 800 с. С. 591–614.
24. Кавелин, К.Д. Записка о письменной литературе / К.Д. Кавелин // Голоса из России: сб. А.И. Герцена и Н.П. Огарева: кн. I – III (1856 – 1857). – М.: Наука, 1974. – Вып. 1. – Кн. 1. – С. 40–46.
25. Кавелин, К.Д., Чичерин, Б.Н. Письмо к издателю / К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин // Голоса из России: сб. А.И. Герцена и Н.П. Огарева: кн. I – III (1856 – 1857). – М.: Наука, 1974. – Вып. 1. – Кн. 1. – С. 9–36.
26. Кавелин, К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры / К.Д. Кавелин. – М.: Правда, 1989. – 656 с.
27. Киреевский, И.В. Обзорение современного состояния литературы / И.В. Киреевский // Полн. собр. соч.: В 2-х т. / Под ред. М.О. Гершензона. – М.: Типография Императорского Московского ун-та, 1911. – Т.1. – 287 с.
28. Киреевский, И.В. Избранные статьи / И.В. Киреевский / Сост. В.А. Котельников. – М.: Современник, 1984. – 383 с.
29. Мазур, Н.Н. Дело о бороде. Из архива Хомякова: письмо о запрещении носить бороду и русское платье / Н.Н. Мазур // Новое литературное обозрение. – 1994. – № 6. – С. 127–138.

30. Мельгунов, Н.А. Мысли вслух об истекшем тридцатилетии России / Н.А. Мельгунов // Голоса из России: сб. А.И. Герцена и Н.П. Огарева: в 4-х вып.: в 10-ти кн. – М.: Наука, 1974. – Вып. 1. – Кн. 1. – С. 62–151.
31. Мельгунов, Н.А. Россия в войне и мире / Н.А. Мельгунов // Голоса из России: сб. А.И. Герцена и Н.П. Огарева: в 4-х вып.: в 10-ти кн. – М.: Наука, 1975. – Вып. 2. – Кн. 4. – С. 34–56.
32. Москва // Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева: Вольная русская типография. 1857–1867. – Лондон–Женева: в 11 вып. / Предисл. М.В. Нечкиной и Е.Л. Рудницкой. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – Факсимильное изд. – Вып. 1. – С. 43.
33. Письмо к издателю // Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева: Вольная русская типография. 1857–1867. – Лондон–Женева: в 11 вып. – Вып. 1. – С. 3–6.
34. Погодин, М.П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны, 1853 – 1856 / М.П. Погодин. – М.: Тип. В.М. Фриш, 1874. – 390 с.
35. Погодин, М.П. Избранные труды / Сост., авторы вступ. ст. и коммент. А.А. Шириняц, К.В. Рясенцев. М.: РОССПЭН, 2010. 776 с.
36. Самарин, Ю.Ф. О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе / Ю.Ф. Самарин // Сочинения Ю.Ф. Самарина: В 12 т. – М.: Д. Самарин, 1877 – 1911. – Т. 2. Крестьянское дело до высочайшего рескрипта 20 ноября 1857 года. – 1878. – 445 с. – С. 17–136.
37. Самарин, Ю.Ф. Чему должны мы научиться? / Ю.Ф. Самарин // Православие и народность / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – С. 286–313.
38. Серно-Соловьевич, Н.А. Проект действительного освобождения крестьян / Н.А. Серно-Соловьевич // Публицистика. Письма / Отв. ред. Н.А. Дружинин. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 5–52.
39. Тютчев, Ф.И. Сочинения: В 2-х т. / Ф.И. Тютчев. – М.: Художественная литература, 1984. – Т. II. Письма. – 447 с.

40. Тютчев, Ф.И. Избранные сочинения / Ф.И. Тютчев / Сост. Б.Н. Тарасов. – М.: РОССПЭН, 2010. – 784 с.
41. Тютчев, Ф.И. Пророчество / Ф.И. Тютчев // Тютчевиана [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/tiutcheviana/stihi/bp/158.html> (дата обращения: 08.05.2018).
42. Хомяков, А.С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу одного окружного послания Парижского архиепископа / А.С. Хомяков // Полн. собр. соч.: В 2-х т. / Под ред. Ю. Самарина. – Прага: Тип. д-ра Ф. Скрейшовского, 1867. – Т. 2: Сочинения богословские. – 410 с.
43. Хомяков, А.С. О старом и новом / А.С. Хомяков // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/nikolay1/homjakov_star_nov.html (дата обращения: 15.05.2018).
44. Хомяков, А.С. Суд Божий / А.С. Хомяков // Lib.ru/Классика [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/h/homjakow_a_s/text_0010.shtml (дата обращения: 08.05.2018).
45. Чаадаев, П.Я. Апология сумасшедшего / П.Я. Чаадаев // Полн. собр. соч. и избр. письма: В 2-х т. – М.: Наука, 1991. – Т. 1. – С. 523–538.
46. Чернышевский, Н.Г. Рассказ о Крымской войне (по Кинглеку) / Н.Г. Чернышевский // Полн. собр. соч.: В 15 т. – Т.10. – М.: Изд-во худож. лит-ры, 1951. – С. 193–440.
47. Чичерин, Б.Н. Восточный вопрос с русской точки зрения / Б.Н. Чичерин // Записки кн. С.П. Трубецкого. – СПб: Сириус, 1906. – С. 125–154.
48. Чичерин, Б.Н. Современные задачи русской жизни / Б.Н. Чичерин // Голоса из России: сб. А.И. Герцена и Н.П. Огарева: кн. IV – VI (1857 –1859). – М.: Наука, 1976. – Вып. 2. – С. 51–130.
49. Чичерин, Б.Н. Об общих началах европейской политики и в особенности о внешней политике России / Б.Н. Чичерин // Российский Архив:

История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв. Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 2004. – Т. XIII. – С. 285–330.

1.2.4 Периодические издания

1. Будущность. 1861. № 13, № 16, № 17.
2. Век. 1861. № 33.
3. Вестник Европы. 1805. № 3; 1886. Кн. 11, кн. 7; 1909. № 1.
4. Вестник Императорского Русского географического общества (ИРГО). 1859. № 10.
5. Время. 1861. № 1 – 2.
6. День. 1862. № 21 – 22, № 51.
7. Колокол. 1861. № 112, № 113.
8. Московские ведомости. 1855. № 2, № 109.
9. Москвитянин. 1855. Т. VI.
10. Морской сборник. 1854. № 5, № 6.
11. Отечественные записки. 1857. Т. 115. № 12; 1860. Т. 132. № 10; 1861. Т. 137. № 8.
12. Парус. 1859. № 1 – 2.
13. Полярная звезда. 1855. Кн. 1.
14. Русский вестник. 1856. Т. 1.; 1857. Т. 12; 1859. Т. 20; Т. 22. № 7.
15. Северная пчела. 1855. № 36, № 44.

1.2.5 Источники личного происхождения (воспоминания, дневники, частная переписка)

1. Аксакова, В.С. Дневник В.С. Аксаковой (1854–1855): 1855 г. / В.С. Аксакова // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/vaksakova_1855.html (дата обращения: 02.12.2018).

2. Аксаков, И.С. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 3: Исследование украинских ярмарок. Ополчение. Путешествия за границу. Письма 1851–1860 годов / И.С. Аксаков. – М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1892. – 677 с.
3. Аксаков, И.С. Письма к родным (1849 – 1856) / И.С. Аксаков. – М.: Наука, 1994. – 653 с.
4. Анненков, П.В. Две зимы в провинции и деревне / П.В. Анненков // Былое. – 1922. – № 18. – С. 4–18.
5. Анненков, П.В. Замечательное десятилетие. 1838 – 1848 / П.В. Анненков // Литературные воспоминания / Вступит. статья В.И. Кулешова; коммент. А.М. Долотовой, Г.Г. Елизаветиной, Ю.В. Манна, И.Б. Павловой. – М.: Худож. лит., 1983. – 694 с.
6. Бартнев, П.И. Воспоминания / П.И. Бартнев // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. – Т. 1. – С. 47–95.
7. Басаргин, Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи / Н.В. Басаргин. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1988. – 544 с.
8. Белоголовый, Н.А. Из воспоминаний сибиряка о декабристах / Н.А. Белоголовый // Русские мемуары. Избранные страницы. (1826 – 1856) / Сост. И.И. Подольская. – М.: Правда, 1990. – 736 с. – С. 30–78.
9. Булгарин, Ф.В. Ф.В. Булгарин – Л.В. Дубельту. 5 октября 1849 / Докладные записки и письма Ф.В. Булгарина в III Отделение // Lib.ru/Классика [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/bulgarin_f_w/text_0050.shtml (дата обращения: 08.05.2018).
10. Валуев, П.А. Дневник П.А. Валуева министра внутренних дел: В 2-х т. / П.А. Валуев / Ред., введ., биогр. очерк и коммент. П.А. Зайончковского. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – Т. 1: 1861 – 1864. – 1961. – 586 с.
11. Воспоминания Б.Н. Чичерина // Русское общество 40 – 50-х годов XIX в.: В 2-х ч. – Ч. II. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 254 с.

12. Вяземский, П.А. Старая записная книжка. Ч. III. Кн. 19 (1854) / П.А. Вяземский // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/vyazemskiy/vyazemskiy_staraya_zapisnaya_knijka3.html#a019 (дата обращения: 08.05.2018).
13. Галахов, А.Д. Записки человека / А.Д. Галахов. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 448 с.
14. Герцен, А.И. Полное собрание сочинений и писем: В 22-х т. / А.И. Герцен / Под ред. М.К. Лемке. – М.: Лит. изд. отд. Наркомата по просвещению, 1919 – 1925. – Т. 21. – 1923. – 595 с.
15. Герцен, А.И. Былое и Думы. Ч. 1 – 3 / А.И. Герцен // Lib.ru/Классика [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0090.shtml (дата обращения: 10.05.2018).
16. Герцен, А.И. Былое и думы. Часть шестая. Англия (1852 – 1864) / А.И. Герцен // Lib.ru/Классика [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0150.shtml (дата обращения: 08.05.2018).
17. Герцен, А.И. Былое и думы. Часть седьмая. (Вольная русская типография и «Колокол») / А.И. Герцен // Lib.ru/Классика [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0160.shtml (дата обращения: 08.05.2018).
18. Головнин, А.В. Записки для немногих / А.В. Головнин. – СПб: Нестор-История, 2004. – 576 с.
19. Дружинин, А.В. Повести. Дневник / А.В. Дружинин. – М.: Наука, 1986. – 511 с.
20. Жуковский, В.А. Письма В.А. Жуковского к Государю Императору Александру Николаевичу / В.А. Жуковский // Русский архив. – 1885. – Кн. I. – С. 7–19.
21. Записки А.И. Кошелева // Русское общество 40 – 50-х годов XIX в. – Ч. I. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 237 с.

22. Из писем и показаний декабристов: критика соврем. состояния России и планы будущего устройства / Под ред. А.К. Бороздина. – СПб: Изд. М.П. Пирожкова, 1906. – 196 с.
23. Кокорев, В.А. Воспоминания давно прошедшего / В.А. Кокорев // Русский архив. – 1885. – Вып. 3. – С. 263–272.
24. Колышко, И.И. Великий распад: Воспоминания / И.И. Колышко / Сост. И.В. Лукоянова. – СПб: «Нестор-История», 2009. – 464 с.
25. Корсаков, Д.А. К.Д. Кавелин. Материалы для биографии. Из семейной переписки и воспоминаний / Д.А. Корсаков // Вестник Европы. – 1886. – Т. 4. – Кн. 7. – С. 5–37.
26. Кошелев, А.И. Записки / А.И. Кошелев // Русские мемуары. Избранные страницы. (1826 – 1856) / Сост. И.И. Подольская. – М.: Правда, 1990. – 736 с.
27. Кропоткин, П.А. Записки революционера / П.А. Кропоткин. – М.: Моск. рабочий, 1988. – 544 с.
28. Ламанский, Е.И. Из воспоминаний Евгения Ивановича Ламанского / Е.И. Ламанский // Русская старина. – 1915. – Т. CLXI. – Вып. 3. – С. 576–589.
29. Лебедев, К.П. Из записок сенатора К.П. Лебедева / К.П. Лебедев // Русский архив. – 1893. – Кн. 1. – Вып. 4. – С. 337–399.
30. Лесков, Н.С. Печерские антики (Отрывки из юношеских воспоминаний) / Н.С. Лесков // Lib.ru/Классика [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/l/leskow_n_s/text_0300.shtml (дата обращения: 08.05.2018).
31. Максимов, С.В. Литературная экспедиция (По архивным документам и личным воспоминаниям) / С.В. Максимов // Русская мысль. – 1890. – Кн. II. – Отд. I. – С. 17–50.
32. Мещерский, В.П. Воспоминания / В.П. Мещерский. – М.: Захаров, 2003. – 862 с.

33. Милютин, Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Д.А. Милютина 1860 – 1862 / Д.А. Милютин / Под ред. Л.Г. Захаровой. – М.: Российский архив, 1999. – 559 с.
34. Милютин, Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1843 – 1856 / Д.А. Милютин / Под ред. Л.Г. Захаровой. – М.: Росархив, 2000. – 525 с.
35. Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник / Сост. Ю.Н. Емельянов. – М.: Современник, 1989. – 735 с.
36. Никитенко, А.В. Записки и дневник: В 3-х т. / А.В. Никитенко. – Т. 1. – М.: Захаров, 2005. – 640 с.
37. Оболенский, Д.А. Мои воспоминания о Великой Княгине Елене Павловне / Д.А. Оболенский // Русская старина. – 1909. – Т. СXXXVII. – Вып. 3. – С. 504–528; Т. СXXXVIII. – Вып. 4. – С. 37–62.
38. Оболенский, Д.А. Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского / Д.А. Оболенский. – СПб: Издательство Санкт Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2005. – 504 с.
39. Панаева, А.Я. (Головачева) Воспоминания / А.Я. Панаева / Вступ. ст. К.И. Чуковского; прим. Г.В. Краснова, Н.М. Фортунатова. – М.: Правда, 1986. – 512 с.
40. Пантелеев, Л.Ф. Воспоминания / Л.Ф. Пантелеев / Вступ. ст., подготовка текста и прим. С.А. Рейсера. – М.: Гослитиздат, 1958. – 848 с.
41. Письма к А.Н. Попову (1840–1860) – А.И. Кошелева // Русский архив. – 1886. – Вып. 3. – С. 357–362.
42. Победоносцев, К.П. Вечная память: Воспоминания о почивших / К.П. Победоносцев. – М.: Синодальная тип., 1896. – 114 с.
43. Пржецлавский, О.А. Воспоминания О.А. Пржецлавского. Цензура. 1830 – 1865 / О.А. Пржецлавский // Русская старина. – 1875. – Т. 13. – № 9. – С. 131–160.
44. Семенов-Тянь-Шанский, П.П. Эпоха освобождения крестьян в России (1857 – 1861 гг.) в воспоминаниях П.П. Семенова-Тянь-Шанского: В 2

т. Т. 1 / П.П. Семенов-Тянь-Шанский. – СПб: Тип. Мин-ва Путей сообщения, 1911. – 440 с.

45. Соловьев, С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других / С.М. Соловьев // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/solovyev_s_m/solovyev_s_m_moi_zapiski.html (дата обращения: 08.05.2018).

46. Т.Н. Грановский и его переписка: В 2-х т. – М.: Тов-во тип. А.И. Мамонтова, 1897. – Т. 1: Биографический очерк / А. Станкевича. – 283 с.; Т. 2: Переписка Т.Н. Грановского. – 496 с.

47. Тихомиров, Л.А. Конституционалисты в эпоху 1881 года / Л.А. Тихомиров. – М.: Унив. тип., 1895. – 122 с.

48. Тютчева, А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник, 1853 – 1855 / А.Ф. Тютчева / Под ред. С.В. Бахрушина и М.А. Цявловского. – М.: СП Интербук, 1990. – 220 с.

49. Тютчева, А.Ф. Письмо Вяземскому П.А. 7 мая 1854 г. / А.Ф. Тютчева // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. – С. 110.

50. Тютчев, Ф.И. Письма во время Крымской войны. 1855 г. / Ф.И. Тютчев // Русский архив. – 1899. – №2. – С. 505–520.

51. Толстой, Л.Н. Собрание сочинений: В 22-х т. / Л.Н. Толстой. – Т. 18. Письма. – М.: Художественная литература, 1984. – 899 с.

52. Феоктистов, Е.М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы 1848 – 1896 / Е.М. Феоктистов // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/feoktistov/feoktistov_za_kulisami_politiki_i_literatury.html (дата обращения: 16.12.2018).

53. Цебрикова, М.К. Пятидесятые годы: (Из воспоминаний о войне 1853-55 г.) / М.К. Цебрикова // Вестник всемирной истории. – 1901. – № 10. – С. 1–32.

54. Шелгунов, Н.В., Шелгунова, Л.П., Михайлов, М.Л. Воспоминания: В 2-х т. / Н.В. Шелгунов, Л.П. Шелгунов, М.Л. Михайлов. – Т. 1. М.: Художественная литература, 1967. – 510 с.

55. Шелгунов, Н.В. Из прошлого и настоящего / Н.В. Шелгунов // Штурманы будущей бури: Воспоминания участников революционного движения 1860-х годов в Петербурге / Сост. А.Н. Цамутали. – Л.: Лениздат, 1983. – С. 35–139.

56. Чичерин, Б.Н. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина: Москва сороковых годов / Б.Н. Чичерин. – М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1929. – 293 с.

2. Литература

2.1 Монографии, статьи, материалы конференций

1. Айрапетов, О.Р. Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830 – 1904) / О.Р. Айрапетов. – СПб: Алетейя, 1998. – 315 с.

2. Андреев А.Л. Становление гражданского общества: российский вариант / А.Л. Андреев // Становление институтов гражданского общества: Россия и международный опыт: Мат-лы междунар. симпозиума 31 марта – 1 апреля 1995 г. – М., 1995. – С. 20–24.

3. Андреева, Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: Правительственная политика и общественное мнение / Т.В. Андреева. – СПб: Лики России, 2009. – 912 с.

4. Андреева, Т.В. Записки императору Александру I М.М. Сперанского, М.Л. Магницкого, Н.С. Мордвинова: К постановке проблемы общего и общественного мнения в России в начале XIX в. / Т.В. Андреева // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 2. История. – Выпуск. 3. – СПб., 2006. – С. 49–63.

5. Аронсон, М., Рейсер, С. Литературные кружки и салоны / М. Аронсон, С. Рейсер. – СПб: Академический проект, 2001. – 400 с.
6. Арсланов, Р.А. К.Д. Кавелин: человек и мыслитель / Р.А. Арсланова. – М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2000. – 376 с.
7. Арсланов, Р.А. Либеральный проект освобождения крестьян в России / Р.А. Арсланова // Genesis: исторические исследования. – 2012. – № 2. – С. 1–49.
8. Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России): В 2-х т. / А.С. Ахиезер. – Т. I: От прошлого к будущему– Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – 804 с.
9. Ашевский, С. Освобождение крестьян и «Колокол» Герцена / С. Ашевский // Современный мир. – 1906. – № 12. – С. 261–296.
10. Ашевский, С. Реформа императора Александра II и «Колокол» Герцена / С. Ашевский // Современный мир. – 1907. – №1. – С. 52–72; № 2. – С. 226–242; № 3. – С. 277–296.
11. Барсуков, Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22-х т. / Н.П. Барсуков. – СПб: Погодин и Стасюлевич, 1888 – 1910. – Кн. 10. – 1896. – 583 с.; Кн. 13. – 1899. – 413 с.; Кн. 14. – 1900. – 641 с.; Кн. 15. – 1901. – 552 с.
12. Барриве, Я. Общественное движение в царствование Александра II: исторические очерки / Я. Барриве. – М.: Товарищество «Образование», 1911. – 154 с.
13. Безансон, А. Советское настоящее и русское прошлое. Сборник статей / А. Безансон / Пер. с франц. А. Бабича, М. Розанова. – М.: Изд-во «МИК», 1998. – 336 с.
14. Бестужев, И.В. Крымская война 1853 – 1856 гг. / И.В. Бестужев. – М.: Издательство АН СССР, 1956. – 174 с.
15. Бердяев, Н.А. Алексей Степанович Хомяков / Н.А. Бердяев. – М.: Путь, 1912. – 251 с.
16. Бердяев, Н.А. Война и эсхатология / Н.А. Бердяев // Путь. – 1939 – 1940. – № 61. – С. 3–14.

17. Блохин, В.Ф. Малая массовая частная пресса в России 1850 – 1860-х годов: возникновение, тенденции развития и трансформация / В.Ф. Блохин // Вестник ЧелГУ. – 2009. – №16. – С. 21–25.
18. Боборыкин, П.Д. Подгнившие «вехи»: (Конспект публичной лекции) / П.Д. Боборыкин // В защиту интеллигенции: Сб. статей. – М., 1909. – С. 129–135.
19. Богданович, М.И. Восточная война 1853 – 1856 годов: В 4-х т. / М.И. Богданович. – СПб: Тип. Ф. Сущинского, 1876. – Т. 1. – 278 с.
20. Бондар, А.В. Социокультурный раскол и развитие российской государственности / А.В. Бондар // Власть. – 2009. – № 3. – С. 9–12.
21. Бурдые, П. Социология политики / П. Бурдые / Пер. с франц. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
22. Венгеров, С.А. Эпоха Белинского (общий очерк). Публичная лекция / С.А. Венгеров. – СПб: Светоч, 1905. – 47 с.
23. Веселов, В.Р. Еще раз о преемственности истории интеллигенции и ее изучения / В.Р. Веселов // Интеллигенция России: традиции и новации. Тезисы докладов межгосударственной научно-практической конференции. – Иваново, 1987. – С. 27–29.
24. Волков, В.В. Общественность: забытая практика гражданского общества / В.В. Волков // Электронная библиотека «Гражданское общество» [Электронный ресурс]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Volkov_praktika.pdf (дата обращения: 06.05.2018).
25. Володина, Н.В. «Русский европеец» в творчестве И.С. Тургенева / Н.В. Володина // Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. – М.: Флинта: Наука, 2010. – С. 175–197.
26. Вязовик, Т.П. Роль публичной сферы в распространении консервативно охранительного дискурса начала XIX столетия / Т.П. Вязовик // Электронная библиотека «Гражданское общество» [Электронный ресурс].

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Vyazovik_role.pdf (дата обращения: 06.05.2018).

27. Гадамер, Г.Г. Актуальность прекрасного / Г.Г. Гадамер. – М.: Искусство, 1991. – 368 с.
28. Гавров, С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России / С.Н. Гавров. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 352 с.
29. Горин, Д.Г. Интеллектуалы и свобода. Опыт научного сообщества в дореволюционной России / Д.Г. Горин. – М.: Московская школа политических исследований, 2012. – 152 с.
30. Гражданское общество в России: структуры и сознание / Отв. ред. К.Г. Холодковский. – М.: Наука, 1998. – 254 с.
31. Грачев, М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития / М.Н. Грачев. – М.: Прометей, 2004. – 328 с.
32. Гросул, В.Я. Русское общество XVIII – XIX вв. Традиции и инновации / В.Я. Гросул. – М.: Наука, 2003. – 517 с.
33. Гросул, В.Я. Общественное мнение в России XIX века / В.Я. Гросул. – М.: АИРО – XXI, 2013. – 560 с.
34. Гуревич, П.С. Идет война кошмарная / П.С. Гуревич // Война и антивоенная: что такое война и как с ней бороться на рассвете XXI века. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 412 с.
35. Джаншиев, Г.А. Эпоха Великих реформ. Исторические справки / Г.А. Джаншиев. – СПб: Типолит. Б.М. Вольфа, 1905. – 893 с.
36. Дмитриев, С.С. Славянофилы и славянофильство (из истории русской общественной мысли сер. XIX в.) / С.С. Дмитриев // Историк-марксист. – 1941. – № 1. – С. 85–97.
37. Днепров, Э.Д. «Морской сборник» в общественном движении периода первой революционной ситуации / Э.Д. Днепров // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. Сборник статей. – М., 1965. – С. 248–252.

38. Дружинин, Н.М. Москва в годы Крымской войны / Н.М. Дружинин // Вестник АН СССР. – 1947. – № 6. – С. 49–63.
39. Дружинин, Н.М. Конфликт между производительными силами и феодальными отношениями накануне реформы 1861 г. / Н.М. Дружинин // Вопросы истории. – 1954. – № 7. – С. 56–76.
40. Дубровин, Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя: В 3-х т. / Н.Ф. Дубровин. – СПб: тип. Т-ва «Обществ. Польза», 1900. – Т.1. – 438 с.
41. Дьяков, В.А. Освободительное движение в России, 1825 – 1861 / В.А. Дьяков. – М.: Мысль, 1979. – 288 с.
42. Евдокимова, М.И. Культурная модернизация и культурная революция: дифференциация понятий / М.И. Евдокимова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 8 (34): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 85–88.
43. Елин, С.П. Элита и циклические процессы в обществе / С.П. Елин // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2012. – №10. – С. 85–90.
44. Зайончковский, А.М. Восточная Война 1853 – 1856: В 2-х т. / А.М. Зайончковский. – СПб: Полигон, 2002. – Т. 2. – 566 с.
45. Зайончковский, П.А. Отмена крепостного права в России / П.А. Зайончковский. – М.: Просвещение, 1968. – 369 с.
46. Зайончковский, П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П.А. Зайончковский. – М.: Мысль, 1978. – 288 с.
47. Захарова, Л.Г. Самодержавие, бюрократия и реформы / Л.Г. Захарова // Вопросы истории. – 1989. – № 10. – С. 3–24.
48. Захарова, Л.Г. Александр II и отмена крепостного права в России / Л.Г. Захарова. – М.: РОССПЭН, 2011. – 720 с.
49. Зверев, В.В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX века / В.В. Зверев. – М.: Уникум-Центр, 1997. – 366 с.

50. Зверев, В.В. Реформаторское народничество в отечественной дореволюционной историографии / В.В. Зверев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2008. – № 4. – С. 55–71.
51. Иванов-Разумник, Р.В. История русской общественной мысли: Индивидуализм и мещанство в рус. лит. и жизни XIX в.: В 2-х т. / Р.В. Иванов-Разумник. – СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1907. – Т. 1. – 440 с.; Т. 2. – 345 с.
52. Иванов-Разумник, Р.В. М.Е. Салтыков-Щедрин: В 2-х т. / Р.В. Иванов-Разумник. – Т. 1. – М.: Федерация, 1930. – 384 с.
53. Иванов-Разумник, Р.В. Что такое интеллигенция? / Р.В. Иванов-Разумник // Lib.ru/Классика [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/i/iwanowrazumnik_r_w/text_0500.shtml (дата обращения: 07.05.2018).
54. Иванюков, И.И. Падение крепостного права в России / И.И. Иванюков. – СПб: Изд-во т-ва Общественная польза, 1903. – 395 с.
55. История дипломатии: В 2-х т. / Под ред. В.П. Потемкин, сост. С.В. Бахрушин и др. – Т. 1. – М.: Соцэкгиз, 1941. – 566 с.
56. Историческая записка, речи, стихи и отчет Императорского Московского университета, читанные в торжественном собрании 12 января 1855 года, по случаю его столетнего юбилея. – М.: Универ. Тип., 1855. – 77 с.
57. История русской журналистики XVIII – XIX веков / Под ред. Л.П. Громовой. – СПб: Изд-во СПбУ, 2003. – 672с.
58. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение? / И. Кант // Собр. соч.: В 6-ти т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 25–35.
59. Кантор, В.К. Русский европеец как явление культуры (Философско-исторический анализ) / В.К. Кантор. – М.: РОССПЭН, 2001. – 697 с.
60. Каплун, В.Л. Что такое Просвещение? – Рождение публичной сферы и публичной политики в России / В.Л. Каплун // Электронная библиотека «Гражданское общество» [Электронный ресурс]. URL:

http://www.civisbook.ru/files/File/Kaplun_what_is_it.pdf (дата обращения: 06.05.2018).

61. Карамзин, Н.М. Письма Русского Путешественника / Н.М. Карамзин // Избранные сочинения: В 2-х т. – Т. 1. – М.; Л.: Художественная литература, 1964. – С. 75–605.

62. Карпачев, М.Д. Либеральные веяния русской бюрократии пореформенного времени / М.Д. Карпачев // Вестник НВГУ. – 2008. – №1. – С. 41–50.

63. Карпачев, М.Д. Общество и власть в России накануне падения крепостного права: истоки конфликта / М.Д. Карпачев // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2013. – № 4(25). – С. 18–31.

64. Карцов, А.С. Русский консерватизм второй половины XIX – начала XX вв.: (Князь В.П. Мещерский) / А.С. Карцев. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского Университета, 2004. – 418 с.

65. Каченовский, М.Т. О книжной цензуре в России / М.Т. Каченовский // Вестник Европы. – 1805. – № 3. – С. 199–204.

66. Керсновский, А.А. Философия войны / А.А. Керсновский. – М.: Анкил-воин, 1995. – 240 с.

67. Кизеветтер, А.А. Внутренняя политика в царствование императора Николая Павловича / А.А. Кизеветтер // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/kizevetter/kizevetter_vnutrennyaa_politika_v_carstvovanie.html#001 (дата обращения: 07.05.2018).

68. Кизеветтер, А.А. Исторические очерки: Из истории политических идей. Школа и просвещение. Русский город в 18 в. Из истории России в 19 ст. / А.А. Кизеветтер. – М.: [ОКТО], 1912. – 502 с.

69. Китаев, В.А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50 – 60-х годов XIX века / В.А. Китаев. – М.: Мысль, 1972. – 288 с.

70. Китаев, В.А. Либеральная мысль в России (1860 – 1880 гг.) / В.А. Китаев. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. – 380 с.
71. Ключевский, В.О. Курс русской истории: В 5 ч. / В.О. Ключевский. – СПб., 1904. – 1146 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.runivers.ru/new_htmlreader/?book=7814&chapter=451301 (дата обращения: 20.05.2018).
72. Ключевский, В.О. Крепостной вопрос накануне законодательного его возбуждения / В.О. Ключевский // Литература и жизнь [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/kluchevskiy/kluchevskiy_krep_vop_nakanune.html (дата обращения: 20.05.2018).
73. Ключевский В.О. Воспоминание о Н.И. Новикове и его времени / В.О. Ключевский // Lib.ru/Классика [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/kljuchewskij_w_o/text_0250.shtml (дата обращения: 06.05.2018).
74. Ключевский, В.О. Дневниковые записи 1902 – 1911 гг. / В.О. Ключевский // Lib.ru/Классика [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/kljuchewskij_w_o/text_1911_dnevnik.shtml (дата обращения: 07.05.2018).
75. Ковалева, И.Н. Славянофилы и западники в период Крымской войны (1853 – 1856) / И.Н. Ковалева // Исторические записки. – Т. 80. – М.: Наука, 1967. – С. 181–206.
76. Ковалевский, Е.П. Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 годах / Е.П. Ковалевский. – СПб: Тип. братьев Глазуновых, 1871. – 345 с.
77. Колюпанов, Н.П. Биография А.И. Кошелева. Материалы к составлению биографии: В 2-х т. / Н.П. Колюпанов. – М.: Типо-литогр. И.Н. Кушнерова и К, 1889 – 1892. – Т.2. – 589 с.
78. Корнилов, А.А. Курс истории России XIX века / А.А. Корнилов. – М.: Высшая школа, 1993. – 447 с.

79. Корнилов, А.А. Общественное движение при Александре II (1855 – 1881) / А.А. Корнилов. – М.: Тов-во тип. А.И. Мамонтова, 1909. – 263 с.
80. Корнилов, А.А. Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России / А.А. Корнилов. – СПб: Тип. «Обществ. пользы», 1905. – 473 с.
81. Котляревский, Н.А. Канун освобождения, 1855 – 1861: из жизни идей и настроений в радикальных кругах того времени / Н.А. Котляревский. – Петроград: Тип. М. М. Стасюлевича, 1916. – 560 с.
82. Котов, А.Э. Птенцы гнезда Каткова / А.Э. Котов. – СПб: ГУМРФ им. адм. С.О. Макарова, 2013. – 143 с.
83. Котов, А.Э. Бюрократический национализм Михаила Каткова / А.Э. Котов // Вопросы национализма. – 2014. – № 1 (17). – С. 174–186.
84. Кошелев, В.А. Иван Аксаков: консервативная оппозиция как литературная идеология / В.А. Кошелев // Русская литература. – 2006. – № 1. – С. 76–94.
85. Кочукова, О.В. «Либеральные бюрократы» и дворянство в реформе 1861 года: взгляд современника / О.В. Кочукова // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. – 2007. – №1. – С. 20–29.
86. Краткий очерк деятельности сердобольных вдов в Крымских госпиталях, во время войны России с Англией, Францией и Турцией на берегах Черного моря, в 1854 – 1856 г. – СПб., 1858. – 26 с.
87. Кропоткин, П.А. Идеалы и действительность в русской литературе / П.А. Кропоткин. – СПб: Труд, 1907. – 368 с.
88. Крот, М.Н. «Это страшное поражение открыло перед нами новую эру...» (Крымская война 1853 – 1856 гг. и русская общественная мысль) / М.Н. Крот // Война и военная служба в воинских культурах Юга России / Отв. ред. А.В. Яровой. – Зерноград, 2011. – С. 46–51.
89. Крот, М.Н. Дворянский вопрос в консервативной концепции модернизации России второй половины XIX в. / М.Н. Крот // Вестник РМИОН. Исторические, социально-философские и культурные аспекты модернизации

в России в XIX – начале XXI вв. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2014. – 220 с. – С. 26–38.

90. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под. ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – М.: Московская школа политических исследований, 2002. – 320 с.

91. Курган, Г.И. Русский раскол, его истоки и исследование в общественной мысли России XIX–XX вв. / Г.И. Курган // Философия и общество. – 2005. – №4 (41). – С. 172–188.

92. Левин, Ш.М. Крымская война и русское общество / Ш.М. Левин // Очерки по истории русской общественной мысли вторая половина XIX – начало XX вв. – Л.: Наука, 1974. – С. 293–404.

93. Левин, Ш.М. Общественное движение в России в 60 – 70-е годы XIX в. / Ш.М. Левин. – М.: Соцэкгиз, 1958. – 512 с.

94. Лемке, М.К. Эпоха цензурных реформ 1859 – 1865 годов / М.К. Лемке. – СПб: Книгоизд-во М.В. Пирожкова, 1903. – 529 с.

95. Лемке, М.К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия / М.К. Лемке. – СПб: Трудь, 1904. – 427 с.

96. Леонтович, В.В. История либерализма в России (1762 – 1914) / В.В. Леонтович. – М.: Русский путь, 1995. – 444 с.

97. Леонтьева, О.Б. Интеллектуальная история России XIX – начала XX вв.: учеб. пособие / О.Б. Леонтьев. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2012. – 428 с.

98. Линднер, Г.А. Общественное самосознание / Г.А. Линднер // Зомбарт В. Социология. – Л.: Мысль, 1926. – С. 30–34.

99. Лутовинов, В.И. Современный Российский патриотизм: сущность, особенности, основные направления / В.И. Лутовинов // Studia Humanitatis. – 2013. – № 2. – С. 18–45.

100. Макушин, Л.М. Информационная безопасность: цензурный режим и печать (1825 – 1855) / Л.М. Макушин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. – 166 с.

101. Малинова, О.Ю. Общество, публика, общественность в России середины XIX – начала XX века: Отражение в понятиях практик публичной коммуникации и общественной самодеятельности / О.Ю. Малинова // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода: В 2 т. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 428–463.

102. Маркович, В.М. «Русский европеец» в прозе Тургенева 1850-х годов / В.М. Маркович // Памяти Григория Абрамовича Бялого: К 90-летию со дня рождения. Научные статьи. Воспоминания. – СПб., 1996. – С. 24–42.

103. Матвеевко, Ю.И. Модернизация: теория и современность / Ю.И. Матвеевко // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2012. – №1-1. – С. 153–164.

104. Медушевский, А.Н. Конституционные проекты в России и их западные источники / А.Н. Медушевский // Мир России. Социология. Этнология. – 1996. – №1. – С. 154–194.

105. Медушевский, А.Н. Великая реформа и модернизация России / А.Н. Медушевский // Российская история. – 2011. – № 1. – С. 3–27.

106. Медушевский, А.Н. Ключевые проблемы российской модернизации. Курс лекций / А.Н. Медушевский. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 680 с.

107. Мельников, И.И. Отражение проблемы развития государственности России в записке К.С. Аксакова «О внутреннем состоянии России» / И.И. Мельников // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 11 (54). – С. 102–104.

108. Мещерякова, А.О. Имперская идея в публицистике Ф.И. Тютчева / А.О. Мещерякова // Российская империя в исторической ретроспективе: сборник научных трудов V Международной научной конференции, 28–29 января 2010 года. – Белгород; Чернигов, 2010. – С. 63–66.

109. Миллер, И.С. О некоторых проблемах первой революционной ситуации / И.С. Миллер // История СССР. – 1974. – № 5. – С. 32–50.

110. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 4 т. / П.Н. Милюков. – Ч. 3: Вып. 1: Национализм и общественное мнение. – СПб: Издание редакции журнала «Мир Божий», 1901. – 424 с.
111. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2-х т. / Б.Н. Миронов. – СПб: Дм. Буланин, 1999. – Т. 2. – 566 с.
112. Мотин, С.В. О понятии «Интеллигенция» в творчестве И.С. Аксакова и П.Д. Боборыкина / С.В. Мотин // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. – 2012. – №27. – С. 838–844.
113. Нарезный, А.И. Истоки российского либерализма / А.И. Нарезный // Проблемы модернизации России: Вестник РМИОН. – Вып. 2. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. – С. 201–217.
114. Нарезный, А.И. История конституционализма в России (проблемы политической модернизации): учебное пособие / А.И. Нарезный. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009. – 200 с.
115. Нарезный, А.И. Проблемы модернизации самодержавия в русской общественной мысли XIX века / А.И. Нарезный. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2014. – 204 с.
116. Носков, В.В. Крымская война и развитие славянофильской философии истории / В.В. Носков // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2002. – №2. – С. 103–119.
117. Общественная мысль России: с древнейших времен до середины XX в.: в 4 т. Т. 3. / Отв. ред. В.В. Шелохаев. – М: Политическая энциклопедия, 2020. – 486 с.
118. Ожерельев, К.А. Ода И.С. Аксакова «На Дунай! туда, где новой славы...» (1854) как отражение историософских и эстетических взглядов славянофильства / К.А. Ожерельев // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы II междунар. науч. конф. (г. Москва, февраль 2014 г.). – М.: Буки-Веди, 2014. – С. 31–33.

119. Опыт российских модернизаций. XVIII – XX века / Отв. ред. В.В. Алексеев. – М.: Наука, 2000. – 246 с.
120. Освобождение крестьян: деятели реформы. Сборник статей / С.В. Бахрушин, М.М. Богословский, С.К. Богоявленский, В.Н. Бочкарев, Ю.В. Готье, А.А. Кизеветтер, А.А. Корнилов, М.К. Любавский, Б.И. Сыромятников, О. Трубецкая. – М.: Науч. слово, 1911. – 342 с.
121. Паин, Э.А. Многокультурная модернизация: эволюция теоретических взглядов / Э.А. Паин // *Общественные науки и современность*. – 2009. – №6. – С. 37–54.
122. Пайпс, Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс / Пер. с англ. В. Козловского. – М.: Независимая газ., 1993. – 421 с.
123. Палий, Е.Н. Литературно-музыкальные салоны как элемент российской культуры XIX в. / Е.Н. Палий // *Социально-гуманитарные знания*. – 2007. – №1. – С. 273–281.
124. Парк, Р.Э. Избранные очерки. Сборник переводов / Р.Э. Парк / Сост. и пер. с англ. В.Г. Николаев, отв. ред. Д.В. Ефременко. – М., 2011. – 320 с.
125. Петров, Ф.А. Российские университеты 40-х гг. XIX в. и деятели Великих реформ / Ф.А. Петров // *Зайончковский П.А. 1904 – 1983 гг.: статьи, публикации и воспоминания о нем*. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – С. 205–218.
126. Платонов, С.Ф. Лекции по русской истории / С.Ф. Платонов. – М.: Высшая школа, 1993. – 736 с.
127. Платонов, С.Ф. Время Николая I / С.Ф. Платонов // *Полный курс лекций по русской истории [Электронный ресурс]*. URL: https://www.booksite.ru/localtxt/pla/ton/ov/platonov_s_f/44.htm#57 (дата обращения: 08.05.2018).
128. Полиевктов, М.А. Николай I Биография и обзор царствования [Электронный ресурс] URL: http://dugward.ru/library/polievktov/polievktov_nikolay1.html#a012 (дата обращения: 25.05.2018).

129. Попельницкий, А. Запрещенный по высоч. повелению банкет в Москве 19 февраля 1858 г. / А. Попельницкий // *Голос минувшего*. – 1914. – № 2. – С. 202–212.
130. Пресняков, А.Е. Российские самодержцы / А.Е. Пресняков, под ред. А.Н. Казакевич. – М.: Книга, 1990. – 464 с.
131. Приленский, В.И. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов / В.И. Приленский. – М.: ИФ РАН, 1995. – 312 с.
132. Пустарнаков, В.Ф. Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа / В.Ф. Пустарнаков. – М.: Ин-т философии РАН, 2002. – 341 с.
133. Пыпин, А.Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов: Ист. очерки А.Н. Пыпина / А.Н. Пыпин. – СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1873. – 514 с.
134. Радищев, А.Н. Житие Федора Васильевича Ушакова / А.Н. Радищев // *Полное собрание сочинений*: В 3 т. – Т. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. – С. 156–212.
135. Раев, М. Понять дореволюционную Россию. Государство и общество в Российской империи / М. Раев / Пер. с франц. Я. Горбаневского, Н. Дюжевой. – Лондон: Оверсайс, 1990. – 304 с.
136. Революционная ситуация в России в середине XIX века / Под ред. М.В. Нечкиной. – М.: Наука, 1978. – 440 с.
137. Репинецкий, С.А. Формирование идеологии российского либерализма в ходе обсуждения крестьянского вопроса публицистикой 1856 – 1860 годов / С.А. Репинецкий. – Москва–Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2010. – 351 с.
138. Репинецкий, С.А. Московский цензурный комитет и политика в отношении печати накануне отмены крепостного права / С.А. Репинецкий // *Российская история*. – 2011. – № 2. – С. 109–116.
139. Репинецкий, С.А. Б.Н. Чичерин и либералы эпохи Великих реформ: запоздалое российское просвещение? / С.А. Репинецкий // Б.Н.

Чичерин и традиции философской и социально-политической мысли в России: материалы Межд. науч. конф. 20-23 ноября 2013. – Тамбов: ТГУ, 2013. – С. 120–125.

140. Розенберг, В. Пресса, цензура, общество / В. Розенберг, В. Якушкин // Русская печать в прошлом и настоящем. – М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1905. – 250 с.

141. Розенталь, И.С. «И вот общественное мнение!». Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – начало XX вв. / И.С. Розенталь. – М.: Новый хронограф, 2007. – 400 с.

142. Розенталь, В.Н. Петербургский кружок К.Д. Кавелина в конце 40-х и начале 50-х годов XIX века / В.Н. Розенталь // Ученые записки Рязанского государственного педагогического института. – 1957. – Т. 16. – С. 188–224.

143. Рудницкая, Е.Л. Н.П. Огарев в русском революционном движении / Е.Л. Рудницкая. – М.: Наука, 1969. – 423 с.

144. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / В.Я. Гросул, Б.С. Итенберг, В.А. Твардовская, К.Ф. Шацилло, Р.Г. Эймонтова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 439 с.

145. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / Отв. ред. А.С. Туманова. – М.: РОССПЭН, 2011. – 887 с.

146. Самохин, К.В. Северная война: первый опыт российской модернизации / К.В. Самохин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 8 (14). – С. 180–185.

147. Самохин, К.В. Процессы Российской модернизации в конце XVIII – первой половине XIX веков / К.В. Самохин // СИСП. – 2012. – №11. – С. 29.

148. Самохин, К.В. Модернизация Российской империи в пореформенный период / К.В. Самохин // Альманах современной науки и образования. – 2013. – №5 (72). – С. 149–155.

149. Саюнов, И.О. Крым в стихотворениях А.Н. Яхонтова / И.О. Саюнов // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2015. – Вып. 1. – С. 292–297.
150. Сватиков, С.Г. Общественное движение в России (1700 – 1895) / С.Г. Сватиков. – Ростов н/Д: Донская речь, 1905. – 197 с.
151. Секиринский, С.С., Филиппова, Т.А. Родословная российской свободы / С.С. Секиринский, Т.А. Филиппова. – М.: Высшая школа, 1993. – 256 с.
152. Скабичевский, А.М. Очерки истории русской цензуры: (1700 – 1863 г.) / А.М. Скабичевский. – СПб: Ф. Павленков, 1892. – 495 с.
153. Сладкевич, Н.Г. Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века. (Борьба общественных течений в годы первой революционной ситуации) / Н.Г. Сладкевич. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1962. – 287 с.
154. Сладкевич, Н.Г. Борьба общественных течений в русской публицистике конца 50-х – начала 60-х годов XIX века / Н.Г. Сладкевич. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1979. – 127 с.
155. Спасович, В.Д. Жизнь и политика маркиза Велепольского. Эпизод из истории русско-польского конфликта и вопроса / В.Д. Спасович. – СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1882. – 342 с.
156. Сперанский, М.М. План государственного преобразования графа М.М. Сперанского: (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.) / М.М. Сперанский. – М.: Русская мысль, 1905. – 359 с.
157. Старикова, Е.В. Литературно-публицистическая деятельность славянофилов / Е.В. Старикова // Литературные взгляды и творчество славянофилов: 1830 – 1850-е годы. – М.: Наука, 1978. – С. 67–167.
158. Старкова, Л.К. Правительственные и общественные инициативы в вопросах регламентации российской цензуры в начале XIX века / Л.К. Старкова // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. – 2011. – №2-1. – С. 3–11.

159. Столетний юбилей императорского Московского университета. – М.: Универ. Тип, 1855. – 110 с.
160. Суровцева, Е.В. Социокультурная ситуация при Николае I (1825 – 1855) / Е.В. Суровцева // Современные научные исследования и инновации. – 2011. – № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/06/610> (дата обращения: 07.05.2018).
161. Тарле, Е.В. Крымская война: В 2-х т. / Е.В. Тарле. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941 – 1944. – Т. 1. – 500 с.
162. Татищев, С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование: В 2-х т. / С.С. Татищев. – Т. 1. – СПб: Изд. А.С. Суворина, 1903. – 554 с.
163. Тихонова, Н.Е. Социокультурная модернизация в России: (опыт эмпирического анализа): статья 1 / Н.Е. Тихонова // Обществ. науки и современность. – 2008. – № 2. – С. 5–23.
164. Тойнби, А. Постижение истории / А. Тойнби / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
165. Токвиль, А. Старый порядок и революция / А. Токвиль / Пер. с фр. М. Федоровой. – М.: Моск. философский фонд, 1997. – 252 с.
166. Троицкий, В.Ю., Лебедев, Е.Н. Поэзия славянофилов / В.Ю. Троицкий, Е.Н. Лебедев // Литературные взгляды и творчество славянофилов: 1830 – 1850-е годы / Отв. ред. К.Н. Ломунов. – М.: Наука, 1978. – С. 290–368.
167. Туманова, А.С. Исторический опыт развития гражданского общества в позднеимперской и советской России и современные тенденции гражданской самоорганизации / А.С. Туманова // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2013. – № 2. – С. 26 – 30.
168. Уваров, С.С. Письмо Николаю I / С.С. Уваров / Зорин А.Л. Идеология «православия – самодержавия – народности»: Опыт реконструкции // Новое литературное обозрение. – 1997. – Т. 26. – С. 96–100.
169. Удалов, С.В. Империя на якоре: консервативная идеология в России второй четверти XIX века / С.В. Удалов // Тетради по консерватизму: Альманах Фонда ИСЭПИ: № 4. – М.: Некоммерческий фонд – Институт

социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2015. – 232 с. С. 80–94.

170. Уортман, Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии / Р.С. Уортман. – М.: ОГИ, 2002 – 2004. – Т.1: От Петра Великого до смерти Николая I. – 608 с.; Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. – 796 с.

171. Уортман, Р.С. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России / Р.С. Уортман. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 520 с.

172. Фадеев, А.В. Оборона Севастополя (1854 – 1855) и русское общество / А.В. Фадеев // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. – Вып. 5. – М., 1955. – С. 19–28.

173. Федосов, И.А. Революционное движение в России во второй четверти XIX в. / И.А. Федосов. – М.: Соцэкгиз, 1958. – 415 с.

174. Федотова, В.Г. Модернизация «другой» Европы / В.Г. Федотова. – М.: ИФ РАН, 1997. – 256 с.

175. Федотова, В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения / В.Г. Федотова // Вопросы философии. – 2000. – №4. – С. 3–27.

176. Федотова, В.Г. Модернизация и традиция / В.Г. Федотова // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 2. – С. 80–91.

177. Ханс ван дер Лоо, Виллем ван Райен Модернизация. Проект и парадокс / Ханс ван дер Лоо, Виллем ван Райен // Ab Imperio. – 2002. – № 1. – С. 33–64.

178. Хильдермайер, М. Российский «долгий XIX век»: «особый путь» европейской модернизации? / М. Хильдермайер // Ab Imperio. – 2002. – № 1. – С. 85–101.

179. Холодов, В.А. Крымская война 1853 – 1856 гг. в восприятии населения Орловской губернии / В.А. Холодов // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – №2. – С. 16–21.

180. Христофоров, И.А. «Либеральный патернализм»: крестьянский вопрос до и после 1861 г. в литературе и в действительности / И.А. Христофоров // Труды Института российской истории. Вып. 10 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. Ю.А. Петров. – М., 2012. – С. 115–130.

181. Хрущов, Д.П. Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II: В 3-х т. / Д.П. Хрущов. – Берлин: F. Schneider, 1860 – 1862. – Т. 1: от 1855 до 1858. – 1860. – 416 с.

182. Цимбаев, Н.И. Записка К.С. Аксакова «О внутреннем состоянии России» и ее место в идеологии славянофильства / Н.И. Цимбаев // Вестник МГУ. – 1972. – № 2. – Серия 8. История. – С. 47–60.

183. Цимбаев, Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России / Н.И. Цимбаев. – М.: Изд-во Московского университета, 1978. – 264 с.

184. Цимбаев, Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. / Н.И. Цимбаев. – М.: Изд-во Московского университета, 1986. – 277 с.

185. Цимбаев, Н.И. Европеизм как категория национального сознания. (К пониманию западничества и славянофильства) / Н.И. Цимбаев // Очерки русской культуры XIX века. – М.: Изд во МГУ, 1998 – 2002. – Т. 4. Общественная мысль. – М., 2003. – С. 439–456.

186. Цимбаев, К.Н. Реконструкция прошлого и конструирование будущего в России XIX века: Опыт использования исторических юбилеев в политических целях / К.Н. Цимбаев // Историческая культура императорской России. Формирование представлений о прошлом: Коллективная монография в честь профессора И.М. Савельевой. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. – С. 490–491.

187. Чайковская, И.И. Иван Тургенев как «антигерой» мемуаров Авдотьи Панаевой (за страницами панаевских «воспоминаний») / И.И.

Чайковская // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2008. – №1. – С. 187–200.

188. Чернуха, В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. / В.Г. Чернуха. – Л.: Наука, 1978. – 248 с.

189. Чернуха, В.Г. Деятельность политико-экономического комитета Русского географического общества (28 февраля 1859 – 26 ноября 1862 г.) / В.Г. Чернуха // Вспомогательные исторические дисциплины. – Вып. XXI. – Л.: Наука, 1990. – С. 74–88.

190. Чернуха, В.Г. Эпоха «Великих реформ» – шаг на пути от полицейского к правовому государству / В.Г. Чернуха // Граждано́генез в России. – Кн. 1. – Брянск, 2009. – С. 65–75.

191. Черных, А.И. Гражданское общество в истории России / А.И. Черных // Гражданское общество: теория, история, современность / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М., 1999. С. 68–84.

192. Чехихин-Ветринский, В.Е. Т.Н. Грановский и его время: Исторический очерк / В.Е. Чехихин-Ветринский. – СПб: Типография И. Гольдберга, 1905. – 384 с.

193. Чичерин, Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия / Б.Н. Чичерин. – Берлин: Г. Штейниц, 1900. – 180 с.

194. Шартье, Р. Культурные истоки Французской революции / Р. Шартье. – М.: ИД «Искусство», 2001. – 254 с.

195. Шевелев, В.Н. Антропологический дискурс в изучении российской модернизации / В.Н. Шевелев // Теория и практика общественного развития. – 2009. – №2. – С. 141–148.

196. Шевченко, М.М. Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ / М.М. Шевченко. – М.: «Три квадрата», 2003. – 256 с.

197. Шелохаев, В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема / В.В. Шелохаев // Вопросы истории. – 1998. – № 4. – С. 26–41.

198. Шелохаев, В.В. Модернизация как теоретико-методологическая проблема / В.В. Шелохаев // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем. Век, десятилетие, год. – М.: Логос, 1999. – С. 28–38.
199. Шелохаев, В.В. Особенности отношений власти и общества в России: история и современность / В.В. Шелохаев // Куда идет Россия? Власть, общество, личность. – М.: МВШСЭН, 2000. – С. 10–20.
200. Шепарнева, А.И. Крымская (Восточная) война в оценке российского общественного мнения (1853 – 1856) / А.И. Шепарнева. – Орел: Картуш, 2005. – 199 с.
201. Шигин, В.В. Севастополь. История. Легенды. Предания / В.В. Шигин. – М.: Вече, 2008. – 448 с.
202. Шильдер, Н.К. Император Николай Первый: Его жизнь и царствование: В 2-х т. / Н.К. Шильдер. – Т. 2. – СПб: Изд. А.С. Суворина, 1903. – 820 с.
203. Ширинянец, А.А. Нигилизм или консерватизм? Русская интеллигенция в истории политики и мысли / А.А. Ширинянец. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. – 563 с.
204. Шнейдер, К.И. Ранний русский либерализм в политическом измерении / К.И. Шнейдер // Власть. – 2011. – № 8. – С. 91–94.
205. Щукин, В.Г. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей / В.Г. Щукин. – М.: РОССПЭН, 2007. – 610 с.
206. Эйзенштадт, Ш. Новая парадигма модернизации. Распад ранней парадигмы модернизации и пересмотр соотношения между традицией и современностью / Ш. Эйзенштадт // Сравнительное изучение цивилизаций: учеб. пособие для студентов вузов / Сост. Б.С. Ерасов. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 556 с.
207. Эймонтова, Р.Г. Идеи просвещения в обновляющейся России (50 – 60-е годы XIX в.) / Р.Г. Эймонтова. – М.: ИРИ РАН, 1998. – 407 с.

208. Экштут, С.А. Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного века / С.А. Экштут. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 428 с.
209. Энгельгардт, Н.А. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703 – 1903) / Н.А. Энгельгардт. – СПб.: А.С. Суворин, 1904. – 389 с.
210. Ядов, В.А., Климова, С.Г., Халий, И.А., Климов, И.А., Кинсбургский, А.В., Топалов, М.Н., Клемент, К.М. Социальная база поддержки реформ и потенциал массового протеста / В.А. Ядов, С.Г. Климова, И.А. Халий, И.А. Климова, А.В. Кинсбургский, М.Н. Топалов, К.М. Клемент // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / Отв. ред. член-корреспондент РАН М.К. Горшков. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – С. 85–101.
211. Яковлева, Е.Л. Время собирать камни... / Е.Л. Яковлева // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – № 1 (33). – С. 119–124.
212. Arendt, H. Communicative power / H. Arendt. Power / Ed. by S.Lukes. Oxford: Blackwell, 1986. Pp. 59–74.
213. Berlin, I. Introduction to Russian intellectual history. Anthology / I. Berlin / Ed. by Marc Raeff. N. Y.: HarcourtBrace & World, 1966. 404 p.
214. Chartier R. The Cultural Origins of the French Revolution / R. Chartier. Durham, NC: Duke University Press, 1991. 238 p.
215. Emmons, T. The Russian Landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861. London, Cambridge, 1968. 485 p.
216. Eriksen E. Conceptualizing European public spheres: General, segmented and strong publics / E. Eriksen. ARENA Working Paper, Centre for European Studies, University of Oslo. Oslo, Norway, 2004. Pp. 23–43.
217. Field, D. Kavelin and Russian liberalism / D. Field. Slavic Review. 1973. Vol. 32. No 1. P. 59–78.
218. Field, D. The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855 – 1861 / D. Field. Cambridge, Mass., 1976. 472 p.

219. Habermas, J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society* / J. Habermas / Transl. by Th. Burger and F. Lawrence. Cambridge: Polity Press, 1989. 301 p.
220. Hamburg, G.M. *Peasant Emancipation and Russian Social Thought: Case of Boris N. Chicherin* / G.M. Hamburg. *Slavic Review*. 1991. Vol. 50. No 4. P. 890–904.
221. Lincoln, W.B. *Nicolai Milutin: An Enlightened Bureaucrat of the 19th Century* / W.B. Lincoln. Newtonville, 1977. 283 p.
222. Lincoln, W.B. *In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats 1825 – 1861* / W.B. Lincoln. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1982. 297 p.
223. McCaffray S.P. *Confronting Serfdom in the Age of Revolution: Projects for Serf Reform in the Time of Alexander I*. *The Russian Review*, Vol. 64, No. 1 (Jan., 2005), pp. 1 – 21.
224. Monas, S. *The Third Section. Police and Society in Russia under Nicholas I* / S. Monas. Cambridge (Mass.), 1961. 354 p.
225. Normano, J.F. *The Spirit of Russian Economics* / J.F. Normano. N.Y., John Day Co., 1945. 170 p.
226. Raeff M. *Origins of the Russian Intelligentsia, the Eighteenth Century Nobility* / M. Raeff. N.Y.: Harcourt, Brace, 1966. 248 p.
227. Reynolds L.Mc. *News Under Russia's Old Regime: The Development of a Mass Circulation Press* / L.Mc. Reynolds. Princeton, 1991. 313 p.
228. Richardson, C. *Konstantin Kavelin and the struggle for emancipation: A case study of the westerners' role in the foundation of civil society in imperial Russia* / C. Richardson. Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh, 2010. 53 p.
229. Skerpan, A. *The Russian national economy and emancipation* / A. Skerpan. *Essays in Russian history* / Ed. by A. Ferguson. Hamden, 1964. P. 161–230.

230. Stadelmann, M. Großfürst Konstantin Nikolaevič. Der persönliche Faktor und die Kultur des Wandels in der russischen Autokratie / M. Stadelmann. Wiesbaden: Harrassowitz, 2012. 470 p.

231. Vassena, R. “Chudo nevedomoi sily”: Public Literary Readings in the Era of the Great Reforms / R. Vassena. *The Russian Review*, vol. 73, no. 1 (Jan., 2014), pp. 47–63.

232. Walicki, A. The Slavophile controversy. History or a conservative Utopia in Nineteen-Century Russian Thought / A. Walicki. Oxf.: Clarendon Press, 1975. 609 p.

233. Wirtschafter, E.K. Russia’s Age of Serfdom, 1649 – 1861 (Blackwell History of Russia) / E.K. Wirtschafter. Malden: Blackwell, 2008. 312 p.

2.2 Справочные издания и энциклопедии

1. Барановский, Степан Иванович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. – Т. 3. – СПб: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1891. – С. 33–34.

2. Епишкин, Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка / Н.И. Епишкин. – М.: ЭТС, 2010. – 5140 с.

3. Подъем // Толковый словарь русского языка Д.В. Дмитриева [Электронный ресурс]. URL: <http://www.endic.ru/dmytriev/Подм-2998.html> (дата обращения: 20.09.2017).

4. Юрьевич, Семен Алексеевич // Русский биографический словарь: В 25 т. / А.А. Половцов. – Т. 24. – СПб: Тип. И.Н. Скороходова, 1912. – С. 339–340.

2.3 Диссертации и авторефераты

1. Азерникова, И.П. Салонная культура дворянства в России в первой половине XIX в.: истоки и традиции: дис. ... канд. ист. наук / Азерникова Ирина Павловна. – М., 2011. – 231 с.
2. Антонова, Т.В. Борьба за свободу печати в пореформенной России 1861 – 1882 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Антонова Татьяна Викторовна. – Саратов, 1993. – 32 с.
3. Булгакова, Л.А. Интеллигенция в России во второй четверти XIX века (состав, правовое и материальное положение): дис. ... канд. ист. наук / Булгакова Людмила Алексеевна. – Л., 1983. – 239 с.
4. Волков, В.В. Формы общественной жизни: публичная сфера и понятие общества в России: дис. ... канд. социол. Наук / Волков Вадим: 22.00.00: Кембридж, 1995. – 192 с.
5. Курган, Г.И. Историсофия культурно-исторического раскола России от его возникновения до наших дней: автореф. дис. ... д-ра филос. Наук / Курган Геннадий Иванович. – М., 2006. – 389 с.
6. Резникова, Е.Е. Вел. кн. Елена Павловна в политической и культурной жизни России: 1824 – 1873 гг.: дис. ... канд. ист. наук / Резникова Екатерина Евгеньевна. – М., 1999. – 317 с.
7. Секиринский, С.С. Русский либерализм: от 40-х к 80-м годам XIX в. (идеи, люди, среда): автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Секиринский Сергей Сергеевич. – М., 1999. – 29 с.
8. Толстой, С.Г. Отечественная историография Крымской войны (вторая половина XIX – первая половина XX вв.): дис. ... канд. ист. наук / Толстой С.Г. – М., 2002. – 272 с.
9. Христофоров, И.А. Правительственная политика и «крестьянский вопрос» до и после отмены крепостного права (1830-е – начало 1890-х гг.): дис. ... д-ра ист. наук / Христофоров Игорь Анатольевич. – М., 2013. – 641 с.